

Юрий Панов

Клад монахов

Книга 2. Хозяин Верхотурья

18+

Юрий Глебович Панов
Клад монахов. Книга
2. Хозяин Верхотурья

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43684004
SelfPub; 2019*

Аннотация

Читая эту книгу, вы узнаете ответы на те вопросы и загадки, которые оказались при чтении книги 1. Особенностью их является то, что отправляя внуков и внучек в прошлое время своих дедов и бабушек, они знакомятся с жизнью, которая была в то время. Следует отметить, что многое из прошлой жизни повторяется и в современной, а это говорит о том, что мы так и не научились делать правильные выводы. Возможно, знание этих особенностей поможет и в нашей жизни.

Содержание

Часть 1. Пламя и пепел	5
Глава 1. Сысой	5
Глава 2. Конец прежней жизни	164
Конец ознакомительного фрагмента.	181

Клад монахов. Книга 2. Хозяин Верхотурья

Часть 1. Пламя и пепел

Глава 1. Сысой

1.

Конец июля 1902 года, г. Верхотурье.

– Эй, Хвекла! Зараза... – Миней Тимофеев поднял свою грязную кудлатую физиономию и ударил кулаком по столу: уже месяц прошел, как всем известный ямщик был в запое.

Вот и в этот раз как всегда, когда он уходил в запой, винил во всем свою жену Фёклу, которая, как считал бывалый ямщик, родила ему сына от конкурента по извозу Авдея, живущего от него через четыре дома по Ямской улице. Когда-то сам Миней увел у него Фёклу накануне свадьбы, да насильничал, чтобы отрезать все пути к Авдею. Вот и женился, покрывая ее и свой грех.

Миней нахмурил свои мохнатые брови. – Да, видно не забыла свово полюбовничка, зараза! Не иначе как бегала к яму, пока я в дороге-то был...

А вслух крикнул. – Напаскудила?! Убью, блудливая баба! Чо, боисси? Боись... Боись... По мужикам шастать, дак, мо-гёшь!? А ответ кто перед мужем держать будёт? Тебя нету?

В действительности Миней все еще никак не мог простить Авдею того, что тот переплюнул его в извозе, да не способен

был укусить своего друга детства. Вот Фёкла и попалась под горячую руку!

Меж тем Фёкла, худая болезненная женщина лет сорока, пряталась за печкой: она хорошо по себе знала. – Миней в гневе страшен, сам не понимает, что делает! И уж лучше ему такому на глаза не попадаться...

В ужасе, облизав сухие губы с запекшейся от удара коркой крови, неожиданно поняла, что выхода-то у неё не осталось и вовсе! Выбраться из своего слабенького укрытия, не показавшись Миней, она не сможет. Слезинки одна за другой покатались по сморщенному лицу рано постаревшей женщины.

Тихо всхлипывая, роняла она на плоскую грудь горячие слезы и обреченно молилась, уже не ожидая помощи...

Почему-то из памяти явственно вспомнился тот самый первый день, когда она Миней увидела. Да, это был мужчина ее мечтаний – молодой преуспевающий Миней, рыжий, разодетый, в окружении молоденьких бабенок... А она, никем не целованная, с папенькой и маменькой торопилась в монастырь на моление...

Хоть и собирался заслать Авдей Минаев к ней сватов, да видно не судьба: как глянула Фёкла в глазищи Минеевы, так и охнула. – Пропала! Не молодой рыжий нахальный мужик смотрел на нее, то сама судьба глядела горящим взором... И всего-то лишь разок он на нее и зыркнул-то... А прожет насквозь!

Так разве она смогла бы супротивничать ему, когда позвал за амбар? А когда обнял – и вовсе руки – ноги отнялись! А уж когда все случилось – горло перехватило... Так стало страшно! А сколько слез-то было? Вот также как сейчас, молча... Хотя и шла замуж за милова, да только горько за мужем было! Видно чуяло сердечушко, какая жисть будеть...

Фёкла вздохнула. – Ох, любовь, любовь... Горе ты горькое! Минуток-то радости по пальцам пересчитать можно: Хотя и думать никогда не думала о другом, да мужик только и делает, что попрекает Авдеем! Будто сына от нелюбимова заимела... Вот те и любовь – любовушка, чумная головушка! Да только от ентуй-то чумной любовушки у нее целых десять годков не было деточек... Вот и озверел, супостат! Никакой жисти не давал! А ревности-то скока было?! А слез?

Фёкла улыбнулась. – Бил... Дак, ить значить, любил! А уж я-то как ево, супостата, любила!

И от боли в губах скривилась ее улыбка...

Однако, вспомнился ей и тот день, когда бог, наконец, дал ей сыночка, Сысоечку! Крепенького, волосатого, с рыжим отливом... Как у ентова проклятова Авдейки! И чё Миней взревновал-то? Ить сам еще какой рыжий! И дите евонное – тоже рыжий! Сысоечка мой...

Да только люто заревновал с той поры Миней свою жену к Авдею Минаеву и бил нещадно, пытаясь из нее слова

измены... Да что могла сказать ему ни в чем не повинная женщина? Что дитя его? Говорила, не раз говорила... Так эти слова на Миней и вовсе не производили никакого впечатления...

Запил Миней. Каждый день лютовал, избивая в кровь жену. Другая бы ушла давно вместе с ребенком, а эта только льет слезы да молчит! И никуда не уходит... Вот и бежал Миней от них, куда глаза глядят, пока не приходила трезвость.

Фёкла смахнула рукой слезы. Тока и отдыхала, коды укатит куды-нидь. – Эх, жисть-житуха! Кому-то ты со всею прелестью, да я видно рылом не вышла! Ко мне ты все больше задом, али боком... Ужо и волосьев-то сосем мало осталось: ить усе повыдергал, изверг проклятый! Топчеть, волосья рветь, измывается! Мол, блудница я... Варнак стал, ну чистой варнак! Господи, хоть ба ты мене куды прибрал от ентова полоумнова!

И тут же от страха сжалась и побелела. – Ох! Чё тако сболтнула? Прости уж ты, господи, дуру – Фёклу, рабу твою неразумную!

И, перекрестившись, упала на колени... И только на полу вдруг поняла, что выскочила из-за печки. – Ох, господи, Миней-то увидеть!

Между тем Миней, с красными от перепоя глазами как раз искал предмет, которым бы ему было сподручнее наказать блудливую женку. А тут она и сама вывалилась из-за печки! А как нащупала рука горлышко бутылки, да потом метнула

ее в жену, он и не помнил... К тому же все его внимание привлёк вошедший сын Сысой.

— Ах, ты, омманшшик! Ты куда свел мово Булатку? — почему-то Миней забыл, что сам отвел своего рысака Булатку цыганам еще неделю назад, но при этом сейчас твердо уверовал в вину сына. Собственно поверить ему в это было довольно легко, ибо его девятилетний сын враждебно смотрел на своего отца и молчал. — Ну, чо? Молчиш? Басурман хренов! Плетки давно не видал?

Неизвестно откуда выплеснувшийся наружу гнев на собственного сына, ударил Минею в голову: он покраснел как свекла и вскочил. Руки его затряслись, глаза забегали в поисках подходящего предмета, который бы достойно наказал смотрящего на него с вызовом мальчишку. Под рукой оказалась плетка и Миней, выскочив из-за стола, с размаху ударил сына. — Вот те, зараза! Получай! Давно мне надоть было ба вас с матерью прибить, блудница кровь!

Удар плеткой обжег: Сысой схватился за левое плечо и согнулся от боли. Но не сам удар так потряс парня — слова отца, а еще больше — его презрительная интонация, сильнее раскаленного железа обожгли душу. Черная обида тут же поселилась в ней. Теперь глаза сына горели ненавистью и яростным гневом волчонка...

Первой не выдержала избиения сына мать: кое-как поднявшись, кинулась прикрывать своим телом ребенка, с таким трудом доставшегося ей, получая за это, удары плетки

Миней. Она обняла сына, закрыв его руками, как раненная горлица крыльями и, молча с мольбой, смотрела в глаза Минею, все еще надеясь на его милосердие...

Когда же Миней изловчился и нашел таки плетью незащищенное место на теле сына, Фёкла упала с мольбой о пощаде перед мужем на колени, а Сысой меж тем отпрыгнул назад, разом выскочив из пределов досягаемости плетки. И тут же ошетинился, как крысеныш.

– Да не трогал я твоего Булатку! – закричал он, потирая рукой ушибленное место, из которого начала сочиться кровь. То, что мать прикрыла его своим телом, Сысой воспринимал как вполне нормальное явление. – Кто ж еще как не мать должна его прикрывать своим телом? Чо я-то? Дело, чай, ихнее, семейное: небось, сами и без меня разберутся! Ну, подумаешь, отпонужат ее отец маненько, дак баба от того только ишшо лучше станет...

– Будя отцу-то перечить! Ишь, моду взял... А все ты! – и Миней снова ударил Фёклу плетью по спине, да так, что у той порвалась кофта и выступила кровь. Но и этого ему было мало. – Чертова баба! Хоть ба заорала, чо ли! Дак нет: мокроту разводит и все...

Миней удовольствия от несопротивляющейся жены так и не получил. Другое дело – Сысой. Отец зло смотрел на своего непокорного сына и в то же время довольно ухмылялся. – Ух, ты, гаденыш! Такой же, как я!

Однако, мысль о том, что он – вовсе не его сын, а дру-

га – врага Авдея, тут же ударила в голову и оказалась такой нестерпимой, что кровь еще сильнее заиграла в жилах, делая его лицо багрово – красным.

Ярость вперемешку с гневом на сына и на жену, снова подняла его руку с плетью и начала опускать плеть то на спину, то на голову, на руки беззащитной женщины... Но и этого уже ему было мало: перед ним стоял сын и ядовито ухмылялся. И Миней взревел, как подраненный медведь. – Я сказал: свёл! Значит – свёл! А ты ишшо, рыжая бестия, отцу решил перечить? Недоносок!

Однако удар плетью Сыся не достал, что еще больше разозлило отца. Фёкла, еще не зная этого, с трудом поднялась с колен и бросилась в сторону сына... Один за другим удары плетью посыпались на ее окровавленное тело. Но мать уже не воспринимала их: она была вся там, где стоял ее любимый сыночек, ее косточка, ее кровиночка... Лишь одна мысль двигала ею: защитить! Не дать этому чудовищу погубить ее дитя! И мать, даже не чувствуя боли, прикрывала сына, который показывал отцу язык и вырывался из ее объятий.

– Сысочка... Сыночек... Постой... – мать гладила голову сына и целовала щеки, глаза лоб.

Это было то последнее, которое Сысой услышал от матери. Резким рывком освободившись от ее рук, он прыгнул к дверям. А через пару секунд уже бежал по сенцам. Выскочив на крыльцо, облегченно вздохнул. И только тут осознал то,

что хотела сказать ему мать. Ощущение беспробудного горя, невольно нахлынувшее, как водопад, перемешанное с обидой на отца и нежностью к матери, вдруг вызвало слезы...

— Ах, ты, стервь проклятая! — Миней вдруг почувствовал небывалую ярость: свет разом померк перед его глазами, вызывая необъяснимое желание крушить все, что попадет-ся под руку. Пена наполнила рот и поползла из уголков его рта. — За-а-по-о-рю-у-у!

Миней схватил полено и начал бить им жену, еще больше возбуждаясь от вида крови. Фёкла то вставала, то падала от ударов своего мужа, а когда уже больше сил не осталось сопротивляться, совершенно обезумела от боли и поползла к двери.

— Я тя научу, вошь проклятая, слушаться мужика! — кричал в исступлении Миней, норовя ударить по голове жену. Свекольно-красное лицо его было перекошено, глаза выпучились, изо рта пена брызгами летела в стороны и падала на рыжую бороду.

Фёкла, всё еще на что-то надеясь, изо всех сил ползла на крыльцо под градом ударов мужа. Она уже не защищалась и не уворачивалась, а тихо стонала и ползла, гонимая одним желанием: узнать, угрожает ли что ее милому сыночку? И защитить. Кровь заливала глаза, голова и все тело уже ничего не чувствовали. Лишь только женщина оказалась на крыльце и увидела, что ее сыночка здесь нет, а изверг-отец не достанет его, как страшный удар по голове сотряс тело: все по-

плыло перед глазами, кружась в кровавом хороводе.

Лишь на мгновение приоткрылись её глаза, и в этот момент каким-то чудом все-таки увидела, как Миней охнул и схватился за сердце. Затем он перевалился за перила и как куль муки свалился вниз по крыльцу... Меж тем это Фёкла видела уже каким-то непонятным образом, даже как-то со стороны, чувствуя, как становится все более невесомым ее окровавленное тело и один за другим вспоминаются эпизоды из ее жизни. – Вот маменька... А вот и папенька... А вот и Миней молодой... Сысочка, сыночек милый...

Наконец, темный вихрь подхватил душу Феклы и погнал по темной трубе наверх.

– Господи, не уж-то отмучилась?! – успела подумать она, уже понимая, что умирает. И даже здесь она снова вспомнила о сыне. – Сысойка... Сысочка... Прощевай, любимай мой сыночек!

Меж тем, Сысой шел к реке Туре босой, растирая грязной рукой по щеке текущие слезы. Черная обида хуже крапивы жгла душу. Кровавые раны на лице от отцовской плетки неприятно щипали и чесались от слез. Но душевные раны были больнее.

– Гад! Сам свел Булатку цыганам... – Сысой злился: он видел, как отец отводил Булатку цыганам и как получил за него деньги, потому что все это время следил за ним из кустов. Булатку Сысой любил и надеялся получить в наследство, когда отец станет старым. Он ухаживал за конем еже-

дневно, и расставаться с любимцем было очень больно, однако, против воли отца пойти не посмел. Потому и видел со слезами на глазах то, как Миней расплачивался за выпивку и угощал ямщиков. — А на меня свалил. Сам омманшшик!

От этой мысли Сысою стало гораздо легче. Представив отца в роли «омманшшика», подросток улыбнулся.

— Вот возьму и выкуплю у цыган Булатку! — решил он, сжав кулаки. Однако тут же до него дошло. — Да ведь это хороший выход из создавшегося положения! Ежели это сделаю я? То отец перестанет пить... А мать... Эх, мать! Вот кто ни за что пострадал! Да и мене досталось... Да... На енто надоть много денег... А иде ихъ взять?

И мозги Сысоя начали лихорадочно перебирать возможные варианты.

Сысой умылся в реке, маленько полежал на горячем валуне, наблюдая, как бегут по небу облака. Подросток всегда любил смотреть, как из бесформенной массы облака превращались то в гигантского человека, то в зверя, а чаще всего — в ямщицкую карету, о которой он мечтал днем и ночью.

Однако это скоро ему надоело: сейчас его деятельная натура жаждала немедленного решения назревшей проблемы. Поэтому, не в силах удержать свой непокорный организм, «рыжая бестия» вскочил, поддернул грязные спустившиеся штаны и огляделся вокруг. Ярko светившее солнышко решило помочь своему рыжеголовому собрату и тут же высветило разноцветье платков, картузов и прочих головных уборов,

кофт и юбок баб у самого подножья Троицкого монастыря.

– И, эх, мне ба так! – неожиданно пришедшая в душу зависть на процветающую у подножья утеса торговлю святой водой, полоснула сильнее острого ножа. Уже не раз и не два, а довольно часто приходила в голову мальчишки мысль о том, что монахи Троицкого монастыря незаслуженно получают деньги за торговлю водой, тонкой струйкой текущей из серебряной трубки, искусно вделанной в камень. То, что это была именно серебряная трубка, предприимчивый сын Солнца точно знал: он уже попробовал отколоть ножом маленький кусочек ее, когда подвыпившие монахи по забывчивости оставили открытой свою драгоценность. Тогда же он отметил про себя еще одну странность: вода преставала бежать из трубки всякий раз, как монахи заканчивали торговлю. И только теперь до него дошло, почему это происходило.

– Вот лабута!¹ – хитрец ударил себя по лбу. – Дак мене жа надоть топерича иттить за монахами: могёт чо и узнаю!

Тем не менее, такая простая и ясная на первый взгляд мысль, в действительности оказалась сложной в исполнении. Во-первых, монахи Сыся уже однажды даже во двор не пустили, а когда он попытался пройти хитростью, то поймали и дали пинка под зад. Во-вторых, многие из них Сыся заприметили давно и запомнили. Между тем, показав монахам кулак в отместку, он, однако, успел всё же заметить небольшого мальчонку, который свободно ходил по территории Тро-

¹ Лабута – бестолковый (местное, разговорное)

ицкого монастыря.

– Эй, ты! – вот и сейчас «рыжая бестия» выбрал момент, когда поблизости не будет никого из монахов, и, окликнув мальчонку, поманил к себе пальцем. – Иди сюды! Хошь чо дам?

Ну, кто же откажется получить что-то задаром? Тем более – неопытный шестилетний мальчишка, неожиданно увидевший что-то съестное в руках хитрого Сыся. На это и был весь расчет.

– Ну, ты, ладюга!² – как только сильные и жестокие руки Сыся вцепились в волосы мальчугана и притянули его головенку к железной решетке ограды монастыря, тон рыжего хитрована тут же изменился. Почувствовав боль в волосах и угрожающий тон, а так же поняв, что просто обманут, мальчишка раскрыл рот, чтобы разреветься. В глазах его показались слезы. – А ну, показывай, иде тута у монахов трубка для воды?

Ни шумные всхлипывания жертвы, ни ее слезы на Сыся вовсе не подействовали. Видя, что обманутый, но не сдавшийся окончательно мальчишка, вовсе не собирается ему рассказывать про трубку, он со всей силы прижал жертву к решетке за волосы. Тот тут же заревел белугой...

– Ховорь, а не то щаз как дам по кумполу!³ – пригрозил рыжий бандит мальчишке. От страха тот присел, взвыл гром-

² Ладюга – неряха, бездомный (местное, разговорное).

³ По кумполу – по голове (местное, разговорное).

ко и протяжно. Тем не менее хитрость мальчугана удалась: на звук рёва один за другим повыскакивали монахи и побежали к Сысою.

– Ладно, лабута, ты мене ишшо попадесси! – ударив на прощание свою жертву головой об ограду, рыжий шантажист бегом бросился к замаскированной дыре, которую он сделал совсем недавно специально для отступления в аварийной ситуации, когда надумал подобраться к кельям монахов. К счастью для него, монахи, выручившие сегодня себе порядочно денег от торговли святой водой, были изрядно пьяны, поэтому Сысою искать никто не стал.

Меж тем дыра, в которой поневоле оказался ушлый искатель приключений, привела его к простенку, ведущему куда-то дальше. Сам же простенок был завален какими-то ящиками. Любопытство раздирало душу, сердце бешено застучало, предвещая нечто из ряда вон выходящее. И, осторожно разобрав ящики сверху, подросток перебрался на другую сторону завала. И на этот раз интуиция его не подвела: в самом углу простенка зияла большая дыра, прикрытая ящиком. Убрав осторожно ящик в сторону для сильного сына Солнца было делом одной минуты.

Оказавшись головой в небольшой полусумрачной комнате, новый Одиссей замер на месте, осторожно разглядывая все, что находилось в ней. И первое, что бросилось в глаза, были несколько дубовых кадушек с водой, ковшик и белая трубка в стене. Рядом с ней лежала воронка, с помощью ко-

торой предприимчивые монахи и заполняли «священный» свой сосуд.

– Ух, ты-ы-ы! – сердце маленького разбойника ликовало и прыгало вверх – вниз. – Неужто на этот раз повязло? Ну, топерича, все вы у мене попляшете! Вот вытащу трубку!

И он дрожащими руками ухватился за торчащую часть серебряной трубки, и, надеясь вытащить всю ее наверх, начал тянуть к себе, покачивая из стороны в сторону.

Но не тут-то было: трубка гнулась то влево, то вправо, то вниз, то вверх, но из своего каменного ложа и не собиралась выходить! Тогда Сысой напрягся и рванул ее изо всех сил: трубка жалобно пискнула и осталась в его руках. А сам незадачливый искатель серебра полетел на каменный пол, больно ударившись локтем о расставленные повсюду бочки. К тому же громкий стук и грохот повалившихся пустых бочек, а так же раздавшийся следом крик монаха, тут же заставили воришку замереть и забыть на какое-то время об ушибах и разбитом колене. Пора было спасаться... И вовремя: монахи открывали свой скрипучий замок.

Выскочив из дыры, новый Ясон с куском серебряной трубки, хромая, бежал, стараясь оказаться подальше от монахов. Между тем уже были слышны крики и вопли тех, кого он ограбил.

Подросток усмехнулся. – Ну, чо, съели? Вот так, будитя знать топерича, кто таков Сысойка!

Однако, возгордившись от своей победы, он в спешке пе-

репутал переулоч, по которому пришел сюда, и уперся в тупик. Когда еще в начале отступления предательски загрохотал ящик, все-таки оставалась надежда на свободу, но теперь... Два здоровенных монаха выскочили из-за угла!

Оставался еще путь вверх, по палке, которую кто-то из монахов оставил по забывчивости. И тигрёнок решился: прыгнув вверх, он кое-как зацепился руками за край ограды и подтянулся. Все бы ничего, да трубка предательски подвела: змеёй выскользнув из-за пояса, глухо звякнула о скамейку, на которой расположилась парочка влюбленных, заставив его на мгновение замереть. – Что делать? Бежать к спасительной дырке в заборе или прыгать за трубкой, к которой потянулась рука молодого кадета? Не-е-ет! Я чо, здря лазил к монахам?

И Сысой прыгнул за трубкой...

Надо же было так случиться, что в это самое время молодой кадет Николай Гришин, проводивший свой отпуск в Верхотурье по настоянию отца, только – только решился сказать Оленьке Михайловой о том, что был бы счастлив получить согласие батюшки ее на брак, на котором настаивал его отец, как какая-то трубка больно ударила по колену. Вскрикнув от неожиданности и боли, кадет попытался вскочить, чтобы немедленно наказать обидчика и нарушителя его далеко идущих планов.

Однако не успел и охнуть, как на него свалился перемазанный подросток. Гришин упал и перемазался землей.

Ущемленная гордыня взыграла в кадете. – Как? Его в таком виде увидела дама сердца? Это было недопустимо! А как же его честь и достоинство? Что скажут его друзья – кадеты, когда узнают о таком конфузе да в такое время?

И он попытался вскочить, сбросить с себя противника.

Не нужно объяснять, что этим противником был Сысой собственной персоной, уже сам по себе довольный тем, что свалился на нечто мягкое, хотя и ушиб о скамейку колено. Но радовался он рано, так как быстро оказался сброшенным на землю. Однако и в этом случае воришка потянулся рукой за трубкой и тут же схватил ее за конец. Кадет посмотрел на руку высокого подростка и тоже увидел трубку. В других обстоятельствах он бы и вмешиваться не стал, но в этот раз рядом была дама сердца! А это резко меняло дело...

– Стой, ворюга! – потирая плечо, кадет схватился за второй конец трубки. – Я те покажу, как оскорблять мою невесту!

Глаза девушки вспыхнули, щёки налились румянцем: ей так давно хотелось эти слова услышать! И она потупилась взором в землю, потеряв связь с реальностью на некоторое время. Меж тем на ограде монастыря показались два монаха: они тоже собрались прыгать со стены. Еще несколько выскочили из-за поворота.

– А – ха, щаз! – Сысой немедленно оценил всю опасность своего положения и тут же с силой ударил ногой в промежность кадету, не без удовольствия наблюдая при этом, как

сжалась от страха молоденькая девушка. Её кавалер от боли согнулся и повалился на землю. – Обожди малость... Вот тока трубку заберу! А ты, кукизка⁴, смотри мне, ня балуй!

Не без удовольствия он поводил перед её носом своим вытянутым вверх пальцем и довольно усмехнулся. – Не здря видел, как дерется отец! И кой чему научилси... Дажа явонными словами угрожал ентой фифочке!

Еще оставался свободным путь через овраг, а там дом... Именно так и решил бежать свободный сын Солнца, однако ему тут же преградила дорогу коренастая двенадцатилетняя девчонка, выросшая словно из-под земли. Она уперлась в землю ногами и без слов сильно боднула головой его в живот.

Похититель сокровища монахов, не успевший с налету вовремя разглядеть неожиданно возникшую перед ним преграду, был ошеломлен от резанувшей живот боли и перехваченного дыхания. Взбрыкнув ногами в воздухе, как молодой козлик, он упал на спину, перекувыркнулся пару раз и сел на землю, уставившись на неё. Кровь прихлынула к его лицу. – Как? Кака-то дефкя... и посмела? Мене, Сысою?! Да я ей...

Ему было стыдно, что какая-то девчонка оказала такое сопротивление ему, Сысою, да еще и свалила его с ног! Хотя непонятно чем. Не головой же! Он одновременно злился и восхищался ею. Но разум все же победил: показав ей кулак, вскочил на ноги. И вовремя: за ней из оврага показалась го-

⁴ кукизка – ветреница (местное, разговорное).

лова городского.

Как дикий зверь рыжий подросток быстро оценивал обстановку: слева от него стеной шли монахи, вооруженные дубинками и пьяные. С той же стороны приближался оскорбленный кадет. Справа – городской, уже свистевший в свой противный свисток, кричал, раскинув руки. – Хватай его, ворюгу! Я ентова паршивца давно приметил, да тока никак прихватить не могу! Но топерича усё, ен у мене загремить как миленькай!

Путь справа и слева был отрезан.

– Хватай яво! У нево наша трубка... – крики монахов разозлили Сысою. – Ну, и чо? Куды топерича?

Меж тем грозное кольцо продолжало сужаться. Сысой отступал, но не сдавался, шаг за шагом приближаясь к обрыву. Когда же до обрыва утеса оставалось совсем маленько, он зло усмехнулся. – Ну, чо? Хрен тебе, а не Буланко! Да пошли вы все!

– Да на тебе трубку, подавился! – воришка размахнулся, но на махе вперед к городовому не отпустил, а наоборот, изо всех сил на махе назад бросил серебряную трубку в реку с утеса. И довольно усмехнулся. – Ну, чо, получили? И меня вам тожа не достать!

Как и когда появилась эта бредовая идея, рыжий подросток и сам не понял, но она была так органична со всем его поведением, что немедленно овладела всем его существом. К большому удивлению и радости монахов и городского, пой-

манный с поличным воришка кинулся к краю утеса. Кто-кто, а они-то точно знали, что теперь-то он никуда не денется! Однако, он и на этот раз их удивил, начав спускаться вниз по утесу на руках, пока не достиг выступавшего в сторону реки плоского камня.

– Эй ты, ворюга, вылазь! Один хрен дальше пути нетути! – кричали монахи, радуясь тому, что загнали своего врага в угол.

– Дёржи яво, уйдеть! – не поддавался всеобщему ликованию городской, уже не однажды столкнувшийся с этим подростком в подобных ситуациях. Хоть он и видел, что на этот раз ему действительно некуда бежать, но внутренний голос говорил почему-то обратное. Он сам не верил в то, что им удастся поймать неуловимого воришку. А с другой стороны он уже жалел, что вот так загнал парня в безвыходное положение. Даже в какой-то момент был готов восхищаться его мужеством и храбростью: сам бы никогда не решился вот так на одних руках спуститься до того камня. Усмехнувшись в усы, прошептал. – Вот, рыжая bestия!

Меж тем Сысой лихорадочно соображал, как ему быть дальше. Когда сползал на руках по камням, не ощущал той высоты, которую увидел сейчас, глянув вниз. Еще никогда ему не приходилось прыгать в таких условиях: ровная стена из камней высотой с два дома свешивалась прямо в воду, не давая

возможности даже зацепиться за что-нибудь. Руки и ноги нервно задрожали. – Всё? Конец? Али сдатьси имя? Тоды прошшай свобода!

– Ну, чо, сынок, отбегалси? – уже жалея его, крикнул городской. – Давай-ка, милоч, подымайси!

Стоило Сысою вновь взглянуть вниз, как волнение вновь охватило его: сердце упало в пятки от одного только вида той высоты, на которой он оказался.

– А вот хрен тебе, а не Сысой! – это кто-то внутри него, неведомый и властный заставил произнести эти слова, выскочившие неожиданно и против его воли. Тот же неизвестный разом отключил весь страх, сдерживающий его действия доселе. К его удивлению, стоило лишь сделать шаг в бездну, глаза только на мгновение закрылись и снова открылись. Ухнув, он прыгнул, раскинув руки как птица, и лишь в конце полёта прижал руки по швам, как солдатик. В ушах свистел воздух, дыхание перехватило, в низу живота предательски защекотало. А ему казалось, что он летит вниз уже целую вечность...

Удар ногами о воду ошеломил и обжег, чуть не разорвав его пополам. Боль в ногах, спине и руках отключила сознание. Сколько времени вот так был без сознания – Сысой и сам не помнил, однако тот же властный голос изнутри, который только что заставил его прыгнуть в реку, потребовал оч-

нуться. Ощутив привычный холод воды и нехватку воздуха, подросток заработал руками и ногами, всплывая наверх...

– Усё, конец парнишке... – тихо сказал отрезвевший монах и перекрестился, зашептав что-то себе под нос. Рядом с ним стоял кадет Гришин и та самая девчонка, остановившая воришку. Гришину уже было стыдно, что он ввязался в эту неприятную историю, конец которой был так ужасен. А еще ему было не по себе потому, что он оказался не на высоте даже перед ней, этой девчонкой, исподтишка наблюдавшей за ним.

– Не-е-е! Ентот рыжай совсем не прост: тово и гляди иде-нидь да появитси... – городской уже сожалел, что вынудил парнишку прыгнуть в воду с такой высоты, а потому уговаривал себя как мог. Он напряженно всматривался в реку с надеждой все-таки увидеть его живым, невольно восхищаясь его смелым поступком. В какой-то мере даже простил ему то, что тот своровал у монахов их средство доходов. Городской, положив руку на сердце, никогда не симпатизировал монахам Троицкого монастыря из-за их жадности и обмана прихожан. Именно поэтому он был на стороне подростка, невольно осуществившего его сокровенные мысли. А теперь оставалось только верить...

– Я ж говорил! Вон он! Вон он, рыжая бестия! – обрадованно вскрикнул городской. Вполне естественно, что он первым и увидел эту рыжую голову, то появлявшуюся над водой, то снова погружавшуюся в реку. И столько в его голосе

было восхищения, что все монахи уже с удивлением смотрели, как подросток, к которому они только что испытывали злорадное чувство мести, медленно, но верно плыл к другому берегу. Они улыбались, восхищенно качая головой. Городовой же, довольный уже тем, что оказался прав по поводу этого ненормального подростка, улыбаясь, говорил всем, касаясь их плеча. — Ну, чо? Говорил я вам? Говорил? Не такой он, чтобы...

Меж тем, Сысой, выбрался на другой берег, повернулся к утесу и всем тем, кто наблюдал за ним, хотел что-то крикнуть им, но передумал и просто показал им кулак. Тяжело встал и направился в лес. С тех пор его никто в Верхотурье не видел...

Городовой, довольно поглаживая усы, направился по своим делам, а монахи разбрелись, обсуждая меж собой, как и чем, им заменить поломанную трубку: лишаться совсем такого источника доходов они не собирались...

Гришин никак не мог себе признать в том, что восхищен поступком врага, а потому с огорчением смотрел на то, как быстро удаляется его противник, которому так и не удалось ответить за его предательский удар в пах. Когда же он повернулся и вспомнил о своей невесте, то неожиданно рядом с ней он увидел ту самую девчонку. Ольга нежно отряхивала ее платье, а сама виновница исподтишка поглядывала на приближающегося кадета. Глаза ее пылали, а на щеках красовался яркий румянец.

– Ну, я пойду! – неожиданно твердо произнесла она и вырвалась из цепких рук старшей сестры: неожиданно встретила с взглядом Гришина, который завороченно наблюдал за всем происходящим, и отвернулась в сторону. Затем повернулась, глянула смущенно на него своими большими голубыми глазами и побежала.

– Кто это? – тихо произнес он, после того, как девчонка ушла. Он хотел бы сказать. – Кто этот ангел?

Да вовремя опомнился, сообразив, что в этой ситуации задавать такие вопросы неуместно: можно было оскорбить Ольгу и лишиться благорасположения отца.

– Это моя сестра – Агата... – в голосе Ольги он тут же почувствовал то самое огорчение, которого так опасался. Однако, умная молодая женщина не допустила развития событий иначе, произнеся. – Так что вы, Николай, хотели мне сказать?

Это был тот самый спасательный круг, и утопающий Николай Гришин тут же схватился за него...

2.

Начало сентября 1918 года, Верхотурье.

В тот год на Урале лето сильно задержалось, а бабье лето было во сто крат приятнее. Тем большее сожаление у верхотурцев вызвали первые признаки смены погоды.

– Терюха, долго-то ня коди: ишь как погода-та портисса! – отец Иннокентий кричал невысокому молодому монаху, направлявшему своё стадо на ту сторону реки Туры по броду.

Сложив обе руки в виде рупора, прокричал своё наставление, перекрестился сам, посмотрев на небо, потом перекрестил самого монаха и пошел в монастырь.

Пожалуй, отец Иннокентий не зря крестился: невесть откуда набежавшие огромные серо-черные тучи клубились где-то на востоке, закрывая восходящее солнце.

Тем временем молодой монах Терентий, взглянув на небо, вздымающееся черно-лиловыми тучами на востоке, ухмыльнулся: он видел, как его наставник перекрестился и его перекрестил, однако ничего в этой пугающей черноте не усмотрел. Гикнув для порядка на коров, которые и без его указки знали дорогу к сочной траве, перешел в брод на ту сторону реки и погрузился в воспоминания о сегодняшнем сне.

– Надо же чо приснилось... – хмыкнул молодой монах и улыбнулся. Однако, улыбка на его бледном слегка вытянутом лице с жидкой бородашкой, как у козла, получилась жалкая и убогая. К счастью, этого никто не видел, а его внимание всецело было там, в том дивном сне. – Бабы... Да в какой одежке... Сроду такова не видывал! Так, а на мене кака была одежка?

Ухмыльнувшись и проглотив нечаянно набежавшую слюну, от своих видений, он разозлился: его воспоминания были прерваны одной из его коров. Собственно в этом ничего особенного не было, просто корова по имени Майка вздумала отделиться от основного стада и пощипать травку там, где ей это нравится. Хоть Терентий и придавался с упоени-

ем своим грезам, однако за стадом следил зорко и дисциплину поддерживал строго: как только какая-нибудь коровушка начинала отделяться от стада, так тут же бросал свои размышления и наказывал непутевую. Так было и с Майкой: он огрел ее кнутом и руганулся, показывая всем коровам, кто в их стаде хозяин.

– Хо-зя-ин... Как сладко звучит это слово! – подумал неудавшийся собственник, и тут же вспомнил о своей тайне. Точнее – о тайнике, который обнаружил совсем недавно и случайно: просто та же Майка, отбившись от стада провалилась и застряла в одном из склонов, заросших травой и кустарником. – Топерича и у мене есть место. Буду я ево стережки от дурнова глазу!

Терентий оглянулся по сторонам и перекрестился на всякий случай. – Мало ли чо? А может я и купило⁵ там буду прятать? Ить поканных-то людишек вокруг видимо-невидимо!

Стадо, давно и благополучно перебравшееся на ту сторону реки, разбежалось по ложине, а у Терентия появилась возможность полежать на пригорке и снова заняться любезными сердцу воспоминаниями. Почему-то в памяти его вдруг всплыл неприятный случай шестнадцатилетней давности. Тогда он, именуемый Семкой, ошивался на подворье Троицкого монастыря: мать-то кормила шибко плохо. Вот и приходилось кудесить⁶: то кульбик⁷ в лесу найдет и съест, то

⁵ Купило – деньги.

⁶ Кудесить – заниматься чем-нибудь

ишшо чо на свалке. Но боле всего было доходно собирать посуду опосля монахов с остатками еды на подворье Троицкого монастыря. И Семка собирал все, что доставалось, иногда разбавляя водицею, а иногда даже менял у таких же, как и он, но никогда не раскрывал своё место доходное. В этих случаях он даже позволял себе покупать пирожки у знакомой тетки. – Курники...⁸Эх, кака была житуха!

Только однажды всё разом изменилось. – А почему?

А потому как помог он монахам поймать рыжего лешака, да они сами его упустили. Лешак этот и его обманул: схватил и к решетке за волосья притянул. – Аж щаз больно вспоминать! Кажи, кричит, иде трубка? Ака, скажу, дождесси!

— Тогда он меня так лупанул по башке, аж в глазах искры пошли.! Щаз страшно становитси! Слава боку докадалси монахов позвать криком своим, а то ба... А тот-то лешак-от, усе-таки убек от их... Тьфу, ты, нечистая сила! — и Терентий, перекрестившись, плюнул на землю.

Глаза его от страха, что опоганил землю, округлились и он запричитал молитву тихо, крестясь все это время. – В реку сиканул с утесу... Надо ж так-ту! Ох, и страхотишша... С тех пор об ём ни слуху, ни духу. Скинул иде-нидь, лабута!

Терюха так и не смог исправить за все эти годы свой дефект: он по-прежнему вместо «г» выговаривал «к» и этого очень стыдился.

⁷ Кульбик – съедобный гриб

⁸ Куплять курники – покупать пироги с курицей (местное, разговорное).

Однако именно с того самого момента, как он помог монахам в поисках воришки их серебряной трубки, круто изменилась жизнь мальчишки: монахи оценили его преданность и отвели в мужской монастырь, испросив согласия у родителей. Так Сёмка сначала стал послушником, а потом и монахом, сменив имя на другое, более благозвучное – Терентий.

Пока молодой монах занимался воспоминаниями, коровы дошли до небольшой балки, обросшей кустарником и редкими деревьями. Внизу тек ручеек, а вокруг него обильно росла изумрудно-зеленая трава, на взгорках переливавшаяся многоцветием. И даже сентябрь, позолотивший березки своим сухим бабьим летом, так и не смог отобрать у трав этот красивый цвет.

Козлобородый монашек, согнав своих коровенок в этот ложок, тут же направился к крутому склону, поросшему травой со всех сторон и прикрытому крупными пятнами зарослей шиповника. Отодвинув рукой колючие ветки, густой шубой закрывавшие прямоугольное отверстие из камня, он устремился в небольшую пещерку, совершенно невидимую со стороны входа.

– Ну, вот чо она тутa оказалась? Ить кто-то жа изладил усе енто? – вопросы один за другим рождались в его голове и умирали, не находя ответа. – Да и пошто стена – то така ровная?

В конце концов, махнув рукой на все это, Терентий нагнулся к небольшому камню, который давно и долго расша-

тывал, очищая каждый раз его стенки от кладки сломанной ложкой, которую нашел на монастырской мусорке, и воткнул обрезок так далеко, как только смог. Камень вот-вот должен был выскочить из своего гнезда, но что-то еще его держало на месте.

Козлобородый, с силой надавив на сломанную ложку, обошел весь камень по периметру, урча от нетерпения и досады. Песок и известка тонкой струйкой сыпалась из щели, предвещающая ему быструю победу над непокорным камнем. Ухватившись покрепче, монах дернул камень и услышал хруст. — О, как давно он ждал этих звуков!

Рывок, еще рывок... И глухо хрюкнув, камень, наконец, оторвался от материнского ложа! Даже быстрое падение и удар головой о стенку не омрачили поднявшегося настроения.

— Ух, ты! — возможно радость победы над камнем, а может чувство превосходства над такими же как и он сам монахами — новичками просто уже потому, что у него есть свой тайник, а у них нет, а так же новые возможности, неожиданно открывшиеся перед ним, взорвали все его тело неведомой ранее радостью. Кровь прихлынула в голову, по спине проступил холодный пот, а лоб взмок. Он вытер ладонью лоб, отложив в сторону камень, не отрывая взгляда от углубления в стене. — Будя мене топерича указывать-ту как жить! Щаз и сам знаю!

Терентий явно имел в виду подмастерьев отца Арсения

и его самого – художника и мастера по покрытию золотом дерева и металла: не раз козлобородый воришка крал и возвращал назад золотое покрытие с утвари. И все это только потому, что спрятать такое добро было негде. И вот! Вот – настоящий тайник. Терюха хмыкнул, представив только на минутку, как красиво заживет. – Да какие тогда будут дамы!?! Да в каких платьях... И все будут его!

Хищная улыбка на бледном лице с жидкой бородашкой смотрелась как никогда жалкой...

Меж тем молния расколола черное небо на две неравные половинки, ударив в землю где-то совсем рядом. Яркая вспышка и резкий оглушительный гром заставил Терюху вздрогнуть, сжаться в комочек и плюхнуться на землю: именно теперь ему совсем не хотелось умирать!

Перекрестившись, он набрался храбрости и выглянул наружу, когда все стихло. Как ни странно, коровы спокойно жевали сочную травку, вовсе не собираясь прятаться от невесть откуда набежавшей грозы. И Терентий бы тоже успокоился, однако резкий порыв ветра, оторвав листья с веток берез, охапкой кинул в лицо тщедушному монаху. – На тебе!

Не успев прикрыться рукой, монашек охнул от боли – нечто острое попало в правый глаз и сильно кололо...

– Ишшо чо, ентова мене только не хватало! – горечь от мысли, что кто-то явно мешает ему закончить перспективное дело, тут же сменилась простым желанием немедленно убрать соринку из глаза.

Он высунул голову наружу и тут же ощутил капли дождя на лице. Взрыв негодования, однако, завершился радостью: удалось, наконец, избавиться от соринки. И снова выглянув из своего убежища, довольный монах погрозил кулаком небу туда, где еще совсем недавно сверкала молния. – Обожди, ужо я тебе!

И на этот раз небо ответило своему подопечному порывом ливня, разом намочившего монашка. Тот не стал дожидаться, когда окончательно вымокнет и, ехидно усмехнувшись, спрятался в глубине пещерки. Особенно за своих коров ему беспокоиться не приходилось: сгуртившись в плотную стаю у края лощины, коровы не без удовольствия подставляли свои спины дождю, отогнавшему их вечных врагов – слепней. Теперь уже ничто не мешало Терюхе заняться устройством своего тайника...

Вечером, перебравшись со своим стадом на монастырский берег возле Ямской, Терюха с сожалением бросил последний взгляд на тот берег и место, где у него теперь был свой тайник. Однако, нечто необычное неприятно поразило его взор – неподалеку от его тайника по лощине, не торопясь, двигался конный отряд с красным знаменем к берегу реки.

– Красная! Красная! На том берегу! – закричал он отцу Иннокентию, вышедшему его встречать.

– Гони скорее стадо в монастырь! – крикнул тот своему подчиненному, напряженно вглядываясь в то место, куда указал палец Терюхи. Потом резко повернулся и побежал в

монастырь. Молодой монах не мог слышать его тихие слова. – Надоть отцу – настоятелю сообщить немедленно!

– И-их-а-аа! Хренец пришел моему тайнику! – упавшим голосом произнес козлобородый монашек. Почему-то сразу же ему вспомнился тот рыжий гад, который шестнадцать лет назад схватил его за волосы и лишил всяких надежд на кражу серебряной трубки. – Красная... Вот, черти! Прости мене, косподи, беда!

И он с ненавистью хлестал кнутом спины своих ни в чем не повинных коровенок, с ревом несшихся к воротам монастыря. А вокруг него уже и без того только и слышалось вокруг : «Красная, красная, красная...».

Хлопали дверцы келий, гул от топота ног в коридорах больно бил по ушам всякого, кто оказывался там в этот миг. Монастырь готовился к осаде: здесь уже были наслышаны о том, что красные монахов и монашек не жалели, жгли монастыри и храмы. Правда, это было не везде и не всегда... Поэтому и зывали к Всевышнему. – Господи, пронеси эту беду!

Терентий в последний раз перед закрытием ворот кинул взгляд на место, где был его тайник: что-то вдруг в груди неприятно ёкнуло, предвещая большие перемены и не в лучшую сторону. Сильно засосало под ложечкой.

О-о, он-то хорошо знал, что это такое: это был страх, жуткий, нечеловеческий страх! И каждый раз, когда он приходил, ничего хорошего с ним не происходило. Вот и теперь:

холодный пот струился по его спине, голова начала разрываться на части, а сердце больно покалывать. – И чо топерича будет? Чо с им будет? А с тайником? Эх, прошшевай мой тайник! Прошшевай луччая жисть!

3.

Начало сентября 1918 года, г. Верхотурье.

– Ты чо, Сысой, не дури! Не дело самому комиссару в разведку иттить! – убеждал молодого широкоплечего рыжего парня среднего роста в кожанке и таких же бриджах командир Красной Гвардии старый екатеринбургский рабочий в шапке с околышем. – Ишшо чо издеетси... Ну, чо я тоды скажу?

– А то и скажешь: мол, сам напросился! Я ить тока разок хлянуть на родимай дом! Ить, чай, шашнадцать ходков тута не бывал... – Сысой жалко улыбался, подергивая и покручивая свои рыжие усы, густо облепившие верхнюю губу. – Да ты, Кузьмич, не сумлеваиси: вишь вон тот утес с монастырем-то? Ишшо на кумполе-то кресты золочены? Так вот оттель я и сиханул в воду... С той поры и не бывал дома-та!

– Сысой, ну ты и дурак... Нешто нормальной мужик с такой высоты сигать в воду будеть? Будя мене тута Лазарем петь про енто дело...

Кузьмич и верил и не верил словам бесшабашного Сысоа. Он прикинул в уме бросающуюся разницу в его длине туловища и ног: ноги были короче, чем обычно. – Моget и вправду прыгнул? Ишь, ноги-то короче тулова...

То, что он может быть способным на самые отчаянные поступки, Кузьмич не раз убеждался, но с такой высоты?

– Слышь, Сысой, моgetь не надоть? Ить на том берегу-то белыя и чехи: енти нашева брата никогда не пожалеют. Вона скоко постреляли! А ты – в разведку... Давай так: вот разведку вышлем, переправимси, а уж тоды валяй, навешшай батьку с маткой!

– Кузьмич, пойми, ня моху я! Я тута кажон кустик знаю лучше любова твоего разведчика... – Сысой умоляюще смотрел на командира. – А имя помошш от мене будить! Ить оне тута ни хрена не знают, а я знаю! Ну, решай! А не пустишь, сам ночью уйду!

– Я те уйду! – Кузьмич грозно сдвинул свои мохнатые брови к переносице. – Вот черт рыжай! Ну, чисто конь необъезжанай, едят тя мухи! Ну, чо вот с него возьмешь? Я и сам такой был... Може ен и прав: разведке-то с таким знахарем будет легче... Ить помошш разведке! Кажон кусток знат...

Мысли у Кузьмича то сталкивались и сшибались, то снова разбегались в рассыпную, оставляя его в полной нерешительности: ведь ему ясно большевики дали понять – за комиссара он лично в ответе! И тут он вдруг осознал: не отпустит Сысою – тот ночью сам уйдет! И чо тоды? И какой пример бойцам?

– Ладно, черт с тобой! Иди, едят тя мухи... Но, смотри мне, черт рыжай, разведчики должны быть целыми!

Ядовитая ухмылка на лице Сысою лучше всяких слов ска-

зали Кузьмичу, что в этот раз он поступил правильно. Блеснув довольными глазами, Сысой в два шага прыгнул в седло своего коня, крутнулся пару раз на месте, толкнул концом плетки кожаную фуражку на затылок так, что тут же вывалились наружу золотисто-рыжие непокорные кудри, хлестнул коня и был таков. В темноте сумерек быстро растворилась в воздухе его черная кожаная куртка.

У реки его уже ждали трое разведчиков: они даже и не сомневались, что Сысой уломает командира отряда. Когда же тот подъехал уже без кожаной куртки, они быстро пристроились ему в тыл. В этот самый момент солнышко, брызнув на прощание своими последними лучами на купола монастырей, спряталось за деревьями на горизонте. К этому времени гроза, хоть и намочила Сысою и весь его отряд, уже прошла, оставив после себя грязь, слякоть да мокрую траву.

– Да-а-а-а... – подумал Сысой, с волнением оглядывая родной берег, который оставил шестнадцать лет назад. – Сколь лет-то прошло... Сиротский дом, побех, каторха... А не будь ее, разве стал бы я комиссаром в двадцать два ходка?

У до боли знакомой ограды родного дома неожиданно перехватило горло, набежали непрошеные слезы, вызвав прилив нежности. Невольно вспомнилась мать, вжавшаяся в угол и отец с плеткой...

– Ишшо раз тронет мать – убью! – твердо решил он и, сжав кулак, стукнул в ворота, которые почему-то оказались запертыми. И ударил кулаком еще раз и еще. Неожиданно,

решив сделать сюрприз матери, закричал диким голосом. – Э-э-эй, хазява, открывайтя: хости пришли!

Тишина, образовавшаяся за воротами, уже начала раздражать Сысою. Тогда он, перепрыгнув через палисадник, заглянул в окно: где-то внутри горел свет. Вот этот свет медленно двинулся к двери... И все-таки чего-то не то было в этом свете, но чего? Этого Сысой понять никак не мог. Поэтому решил ждать.

Неожиданно совсем рядом послышался легкий девичий смех и чуть слышный топот двух пар ног: легких, мягких – девичьих, и жестких, топающих – мужских.

– Дашк, ну ты, чо... Завтре-та, придеш? Приходи! Ить буду ждать... – молодой басок тихо и просил и настаивал на встрече.

– Да, ладно те, Фролка, ня лапай! И дале ня ходи: вдруг батяня увидит! Иди, давай, домой! Тута я и сама... – девушка хихикнула и двинулась к двери. Но, натолкнувшись в темноте на человека, вздрогнула всем телом и вскрикнула. – Ой, кто тута?

– Ну, я, Сысой! А ты кто така бушь?

Сысою невольно пришлось обнять девушку, чтобы не упасть самому и не уронить ее, в тот самый момент, когда она натолкнулась на него и чуть не столкнула в самую грязь. Но теперь он даже был рад этому обстоятельству: почувствовав, как два больших упругих мячика надавили на его грудь, что-то необыкновенно сладострастное взметнулось в его те-

ле. И это было так приятно, что он еще крепче прижал к себе девушку.

– Ну, ты, не очень-то! Ишь, обрадовалси: яму дали за дефьку подержаться, так ен и до смерти рад... А ну, отпусти! – в своем праведном гневе девушка показалась ему необычайно притягательной: ее запах напомнил Сысою сладкую спелую грушу, которую только однажды и довелось-то попробовать... Но девушка казалась неумолимой. – А то, вон, Фролке, скажу... Он-то те бока-то быстро наломат!

Однако угроза на Сысою произвела обратное действие: он криво усмехнулся и девушки не отпустил. Это начало напоминать ему игру в кошки – мышки.

– Фролка, Фрол! – крикнула девушка в темноту, будто точно знала, что защитник находится неподалеку. Невольно она и в правду ощутила то самое чувство, которое должна испытывать мышка, оказавшись в лапах у кошки. Страх и невольная дрожь прокатились волной по ее телу. – Ну, чо он!?

– Ну, ты, курошшуп хренов, а ну отпусти дефьку!

Голос из темноты Сысою не предвещал ничего хорошего. Тем более, что вслед за ним из темноты появился высокий парень и тут же рыжий нахал почувствовал, как чья-то сильная мужская рука начала легко отдирать его пальцы от тела девушки.

– Я те чо сказал: не твоя дефька! И ня лезь!

Девушка, почувствовав некоторую свободу, тут же рвану-

лась к высокому парню и выскочила из рук Сысою. Парень тут же сделал шаг назад вместе с девушкой.

– Щаз дать ему по морде али потом? – решал для себя Сысой, чувствуя как привычный гнев все больше охватывает все его существо. – Как, енто яму, Сысою, комиссару отряда Красной Гвардии, какая-то сопля не позволила полапать дефьку? Да ишшо на пороге родительскова дома? Да я ему!

Но подраться, однако, Сысою так и не пришлось: за воротами послышалась возня и стук щеколды. Сысой тут же отбросил в сторону своё ущемленное самолюбие, буркнув себе под нос. – Ну, щенок, ты свое ишшо получишь!

Рыжий драчун редко когда не исполнял свои обещания, тем более, если это касалось женского пола...

– Дашка, иде тебе черт носит? Ить времени-то сколь?

Свет керосинки выявил из темноты круглое бородатое лицо человека в очках. Но вот он качнул вперед керосинку и осветил лицо Сысою, Дашки и Фрола. При этом он лишь скользнул ненароком по лицу Сысою, пеняя все больше Фролу и Дарье.

– Фролка, морда бессовестная! Хоть ба постыдилси: вот женисси, тоды и держи при себе Дашку, сколь хошь, а пока изволь с темнотой, чтоб она была дома!

– Да я-то чо, дядь Анфим... Я-то хоть шшаз! – виновато оправдывался высокий парень, крутя свои пальцы. Дарья, увидев отца, тут же метнулась к нему. – Да вот она... Я ить её спрашивал, пойдет, али нет! И чо-то тянет с ответом...

Тем временем Дарья удобно устроилась за плечами отца и во всю нагло разглядывала незнакомца, пока отец пытал Фрола.

– А ты, друг любезный, кто таков будешь? – неожиданно отец перехватил взгляд дочери и перестал интересоваться Фролом. Глаза старика внимательно осматривали лицо рыжего молодца с торчащими во все стороны волосами и такими же усами.

– Как енто хто? – теперь уже удивился Сысой. – Я-то в свой родной дом приехал... А вот вы хто таки будитя?

– Постой, постой! – невысокий добродушный старичок склонил свою голову на бок, о чем-то вспоминая и одновременно поглядывая то на Сысою, то на Дарью. – Коды нас сюды пять лет назад определяли, мене што-то говорили про прежних хозяев. Будто тута ужо лет с десятков как никто не жил... А ишшо про прежних хозяев говаривали, будто померли оне шашнадцать годков назад. Будто был у них сынок, да сгинул куды-то... Ты не он слушаем?

– Как померли? Не мохеть тохо быть! Оне живы были, коды...

И вдруг Сысой вспомнил тот последний свой день, мать в кровь избитую, отца с красно-свекольным лицом... И к горлу подкатил комок: голос тут же сорвался. Девушка, видимо почувствовав его состояние, невольно прикрыла уголком платка рот. А он все еще пытался оправдаться. – Как померли? Живы оне ... были, живы!

Слезы невольно выступили у него из глаз. – Ну, как же она могла? Мамка... Батка... Не верю! Не мохеть тово быть! Варнак, какой-то варнак, не иначе, постаралси!

– Дак ты, видать, и есть ихний сыночек? – не зная, как поступить в этом случае, очкастый добряк переминался с ноги на ногу. – Как ты сказывал тебе звать? Сысой, говоришь? Ну, дак, чо ж топерича... Заходь! Ить ентот-то дом-от тоды и взаправду твой!

Хоть старичок и махнул Фролу, чтобы тот уходил, но парень не торопился, вспомнив того самого рыжего Сысойку, с которым часто дрался еще, будучи мальчишкой. Вот и сейчас он не верил ему, помня все его подлости и вредительства.

– Как... – в горле Сысоя будто кто-то кочергой поорудовал: все першило, хрипело и сушило, не давая возможности говорить. – Как... енто... случилось?

Отец девушки засомневался, стоит ли здесь, на улице рассказывать Сысою все, что было ему известно от околоточного про отца и мать Сысоя, но пришелец сверкнул глазами так, что было ясно: он подозревает самого Анфима в содеянном зле.

– Околотошный говорил... – кое-как выдавил из себя первые слова на выдохе Анфим Захарыч. – Будто отец твой... плетью убил твою матушку! А самого – удар хватил...

– Врешь, собака! Не мохеть тово быть! – выкрикнул в отчаянии Сысой, видя, как старичок уступает ему дорогу для прохода в дом, и уже понимая, что ему не лгут: пьяный отец

мог запросто запороть мать плетью, а сам тут же умереть...

Но, неожиданно, откуда-то изнутри вырвалась наружу волна злости и ненависти: и этой волне было все едино, кто прав, а кто виноват. На кого выплеснется – того она и ударит! К несчастью, на этот раз на пути ненависти Сысоя оказались ни в чем не повинные люди, добрые и сердечные, которых когда-то определили в пустующий дом, пользующийся у всех местных дурной славой.

– Енто ты, подлая тварь, со своей курвой⁹ – дочкой. Родителей моих... Из-за дома! Ну, берехися: я скоро сюды вернуса! И тоды ты пожалеешь...

Сысой не договорил: резко развернувшись, он побежал к концу ограды, где стоял его конь. А через пару минут он уже скакал, хлеща его плетью в конец Ямской...

– Пойдем, Дашутка, в дом.... – дрожащими руками Анфим Захарыч обнял и поцеловал в лоб растерявшуюся дочь, захлопнул на щеколду дверь ворот и неожиданно ясно почувствовал, что в этот дом, разом ставший ему чужим, идти не хочет. Видимо и Дарья испытывала в этот момент нечто подобное, так как приходилось ее толкать руками.

Дарья шла с отцом ни жива, ни мертва: то смятение, которое она испытала от появления Сысоя, странным образом охватило все ее тело, парализовало волю, взбаламутило душу и надломило дух. Если раньше она была уверена в том, что одолеет все невзгоды сама, то сейчас этого уже сказать о

⁹ Курва – сплетница (местное, разговорное)

себе не могла. Её так напугал этот рыжий незнакомец, рядом с которым Дарья невольно чувствовала себя беспомощной, что ноги не слушались своей хозяйки. Дарья, так и не успокоившись, быстро разделась и легла в кровать.

Сон, однако, не шел. Временами ей казалось, что именно этого человека она всю жизнь ждала и поэтому узнала сразу же, едва коснулась его тела своей грудью. Тем не менее, дух ее противился всякому проявлению этого человека в душе, создавая непереносимую боль в голове и во всем теле, понимая, что имеет дело с чудовищем. Душа же была в смятении...

Поэтому Дарья никак не могла понять, чего же хочет больше – видеть этого человека или, наоборот, не попадаться ему на глаза. А тело? Странное чувство охватило её тело немедленно, лишь коснулась она этого мужчины. Такого чувства не было, даже когда Фрол ласкал ее своими большими руками. Конечно, Дарья давала волю его рукам и поцелуям, но не больше...

А с Сысоем? Еще никогда ни один мужчина не был так ею желаем, и... так ненавистен! Его черные глаза доставали, казалось, до самого дна ее души, где пряталось затаенное желание обладать им. Эти волосатые руки зажигали в ней новый, невиданный ранее пожар, парализуя всякую волю к сопротивлению...

И, синим пламенем, сгорала в этом пожаре ее детская любовь к Фролу, от которой к утру остались только угольки.

Рыжий черт теперь безраздельно властвовал ее чувствами и желаниями, несмотря на то, что дух, раз за разом рисовал картины ее гибели... Только к утру, Дарья смогла уснуть.

4.

Середина сентября 1918 года, г. Верхотурье.

Сысой был зол: все его расчеты быстро справиться с засевшими в монастыре белогвардейцами и белочехами не оправдывались. Более того, чувствовалось, что некто очень грамотно руководил и координировал общие усилия не только белых, но и монахов, создав из монастыря хорошо укрепленную крепость.

– Кузьмич, ну ты ж командир отряда... Так придумай чо-нидь! – требовал Сысой от Василия Кузьмича Петрищева, старого екатеринбуржца, большевика и командира отряда.

– Дак, я-то чо? Я – ни чо! – разводил руками Кузьмич. – Я ить кикидемиев ня кончал! И в ентих белогвардейских штучках-дрючках ни чо не понимаю! Вот ежели ба ты мене сказал чо-нидь на токарном станке изладить, то тут совсем друго дело: старик-Кузьмич показал ба ещё некоторым!

– Станке... Станке! – передразнил его Сысой. – Сам ты старый и ржавый как станок! И на хрена, таких как ты, назначать командирами отрядов!?

Ворчание Сысои можно было понять: ничего нового, кроме примитивной осады монастыря ни он, ни Петрищев, придумать не могли, а между тем Мостовой, его прямой начальник, настойчиво требовал результативных действий. Кроме

того, появившееся из-за осады свободное время нужно было куда-то девать. Налив себе и командиру по стакану кумышки¹⁰, Сысой выпил, не закусывая, лишь слегка крикнув при этом и смачно занюхав рукавом своей кожаной куртки.

Неожиданно к нему пришла развеселая мысль. – А чо, ежели наведаться к «родственничкам»?

Именно так теперь про себя Сысой называл Васильевых, занявших его родной дом. Невольно представив ладную фигурку Дарьи, он пустил сладострастную слюну, от того, что вспомнил то самое чувство, которое невольно тогда испытал от прикосновения ее пышной груди к своей, задохнулся от переполнившей рот слюны и кашлянул в кулак.

– Слышь, Кузьмич, я тута наведаюся кое-куды... – Сысой отвернулся: сейчас он был не в состоянии скрывать своего желания, охватившего все его существо, и не хотел, чтобы проницательный командир отряда все понял. – Один черт, здесь, кажись, мы застряли надолго...

– Ну, чо ж, давай! Оно, конечно, дело молодое... – однако Кузьмич тут же раскусил конспиратора. – Гуляй, пока молодой!

Знакомая дверь оказалась незапертой и легко открылась. Однако это Сысой не столько обрадовало, сколько насторожило. Легко наступая на пол, чтобы не скрипеть половицами, рыжий сладострастец вошел в дом. У окна за столом сидела Дарья в одной нательной рубашке и что-то шила. Вски-

¹⁰ кумышка – самогон (местное, разговорное)

нув голову, она увидела Сысою, вздрогнула, привстала и растерялась.

– А... Отец... Пошел в сторожку... – сама, не зная почему это говорит, пролепетала девушка, чувствуя, что погибает: опять вернулось то самое ощущение, которое испытала при первом появлении Сысою. Его черные глазищи впились в нее и, казалось, выпивали глоток за глотком всю ее волю. В какой-то момент ей показалось, что она – серая мышка, а он огромный рыжий кот. И все-таки малюсенькая надежда еще оставалась...

– А он мене без надобностей: я к тебе пришел! – усмехнулся Сысой, выхватывая из просвечивающей ткани большие груди девушки, узкую талию и проглатывая разом набежавшую слюну. Затем повернулся к двери и накинул крючок на дверь. – Так-то нам никто не помешат!

– Не подходи – закричу! – прохрипела хозяйка, видя, как пришелец сделал шаг к ней навстречу. Однако это была её последняя попытка к сопротивлению, ибо душа вошла в смятение сразу же, как только он вошел, и так и не решила, на чью сторону встанет в этой борьбе: на сторону духа или тела. Когда же Сысой подошел к ней и обнял, шитье вывалилось из рук на пол...

– Да хто ж яшшо окромя меня тебе тронеть, дура! – ехидно ухмыляясь, Сысой усмехнулся. – Вот так момент! Отца дома нет, Фролка тожа иде-то по делам шастат, и духом не ведат, чо с евоной бабой щаз будеть!

Он не отрывал глаз от этих синих очей, малиновых с невинным налетом уст, притягивающих к себе как магнит, и осторожно нежно коснулся их своими жадными губами.

Дарья совершенно не понимала, что происходит с ней: словно кто-то невидимый накинул на неё пелену, дух перестал сопротивляться, а душа, не видя более своего тела и не ощущая его, не могла определиться, на чью сторону встать. Зато тело, разом почувствовав того, о ком всю жизнь мечтало, невольно устремилось ему навстречу и огню, в котором видело свою гибель и спасение...

Но это был обман! И только дух по-прежнему взывал. – Куда ты, дурочка! Сгоришь в этом бесовском пламени...

Но все было бесполезно: Дарья перестала ощущать себя единым целым и духа больше уже не слышала.

– Я ж... За Фролку... Замуж хочу... – одними губами еле произнесла она, чувствуя, что ноги и руки уже не подчиняются ей, делая шаг навстречу своей гибели.

– Ну и чо: ты ведь мене ждала! И не ври – сам вижу! – Сысой глазами ощупывал каждый бугорок на этом зовущем теле, большую развитую грудь, тонкую талию и полные бедра. Слюна сладострастия выбежала из уголков его рта, делая уже совсем не нужной во рту сигарку. Как ее выплюнул и раздавил, и сам не видел.

– Не-е-ет! – выкрикнул дух в своей последней попытке остановить это противоестественное состояние, в котором и дух, и душа и тело не возвышают человека. Но и эта попыт-

ка не была услышана хозяйкой: та, закрыв глаза и откинув голову назад, издала еле слышный стон... Все: тело предало дух и отдало душу на растерзание!

Рыжий черт улыбнулся и протянул к девушке руки: словно тысячи иголок впились одновременно в ее тело. Оно затрепетало и начало дрожать. Волны то жара, то холода одна за другой начали свой неистовый бег сверху вниз, все ускоряясь и ускоряясь. Это его губы коснулись ее губ...

– Не-е-ет... – это закричала и заплакала душа, неожиданно поняв, что дух, а не тело право, но предательские губы уже сами открылись и впустили туда язык врага...

Поцелуй Дарью обжег: словно непомерная тяжесть свалилась на нее, заглушая последние призывы и крики о помощи со стороны духа и души. Ноги подломились и, ошеломленная и подавленная, хозяйка начала медленно опускаться на пол... Не в силах больше бороться с нахлынувшей страстью, пожиравшей все ее существо, девушка беспомощно металась между зовом тела и призывами духа и души, совершенно обессилив от этой борьбы и став легкой добычей охотника...

Сысой, не скрывая своей злости на нее за гибель своих родителей, рванул рукой мягкую ткань ее рубашки, оставив лохмотья на голом теле своей жертвы. Еще раз усмехнувшись про себя в том, что на этот раз месть его будет сладка, быстро спустил с себя штаны...

Она металась, стонала, что-то кричала и билась в его объятьях, как загнанная в силки птица, еще больше возбуждая

его и заставляя все больше и больше наращивать усилие и темп, пока не зарычал он как дикий зверь от удара в голову, извещающего, что все кончено...

Не понимая и не принимая всё то, что с ней проделывал Сысой, Дарья ощущала сильное раздвоение: с одной стороны – это было полное единение со зверем, который наслаждался ее телом, а она – его телом, мечась, крича и кусая его... С другой стороны – это тело было не ее, а чье-то чужое, ничего общего не имеющего с ней... Но с каждым натиском Зверя, в ней самой все сильнее и сильнее пробуждалось звериное чувство страсти, заглушая зов совести.

И в тот момент, когда Дарья-НеДарья почувствовала, что сходит с ума от хлынувшего огромным потоком наслаждения, а зов совести оказался совсем не слышен, она закричала как бешеная волчица, впившись зубами в мякоть его плеча, когтями расцарапывая его спину, и упала без сознания...

Возвращение к действительности было тяжелым: гудела голова, словно колокол на монастыре, из памяти все стерлось. И, не понимая, что же с ней произошло, она смотрела и не узнавала Сысою, который, буднично рассматривая ее тело, застегивал штаны.

– А ты ничо, дефькя сладкая! Ну, прошшевай... Как-нидь иишшо захляну! – и, откровенно издеваясь, добавил. – Фролке-то скажи, мол, опоздал он!

– Господи, чо ж я наделала? – только сейчас до нее дошло, наконец, то, что произошло: словно кто-то невидимый мгно-

венно ее вморозил в глыбу толстого льда – так стало страшно за себя. – А как же Фролка? Кто мне замуж топерича такую возьмет? Кому я така... нужна?

И горькая обида на то, что роковое затмение разума, пришедшее к ней так неожиданно, застало ее врасплох и погубило навсегда, заставило кинуться к зеркалу.

– Господи, прости меня грешную, не дай погибнуть! – бормотала она как сумасшедшая, причитая и заговариваясь, хотя при этом как ни в чем не бывало успевала рассматривать и не узнавать себя; губы были синими, покусанными, на теле виднелись везде синяки и ссадины, вся рубашка была залита кровью... И тут до нее дошло, что не сохранила она девичью честь – главное свое богатство для любимого Фрола. Сначала Дарья горько заревела, проклиная Сысою, а потом завyla как волчица, мотая головой из стороны в сторону. Возможно, появившись в это время здесь Сысой, и глотку бы ему своими зубами перегрызла...

Сколько продолжалось это состояние, бедолага не помнила. Только пришла она в себя, когда слез в глазах уже не осталось.

– Сама виновата, вот и терпи! – свой сухой, жесткий, хриплый голос хозяйка не узнала: ей все еще казалось, что это произнес кто-то другой, со стороны.

И все-таки это была надежда... Шанс жить дальше, хоть и с тем, что получилось. Но главное, эта надежда мирила ее дух, душу с опоганенным телом: значит, жизнь продолжает-

ся!

Встав на обессиленные ноги, опустошенная и раздавленная, сняла с себя остатки рубашки и пошла набирать воду, чтобы смыть хотя бы грязь с тела. В этот раз вечер она ждала с ненавистью: предстоял серьезный разговор с Фролом...

– Эй, Дашк! – голос Фрола, к удивлению, не затронул ее души. Почему-то даже страха или ощущения собственной вины не было: в больной голове стоял ровный гуд, заглушающий все, что приходило извне. – Выходи...

Хозяйка, преодолевая боль, поднялась и приблизилась к дверям ворот, не открывая их своему дружку.

– Ты, вот чо, Фрол Нилыч... – не своим голосом произнесла она, еле сдерживая слезы. – Ты меня прости, но я больше к тебе не выйду. И ня ходи ты больше ко мне. Никогда!

Как раненая в сердце горлица, прислонилась лбом к щели в дверях, молча роняла горячие крупные слезы, до боли закусывая губы, шептала, чтобы не услышал дружок. – Прощай, Фролка, любовь моя! Видать не судьба нам быть вместе... Ты ишшо найдеш свою горлицу, свою любушку... Вот тока это буду не я! А могла ба быть и я... Зачем тебе порченка? Топерича, Фрол Нилыч, жистя моя пойдет по другому путя... И ентот путь-дорожка – не с тобой!

Последняя фраза далась ей с особенно большим трудом. Сжав свое растерзанное сердце двумя руками, растрепанная и страшная, молча глотала текущие ручьем по щекам горькие слезы.

– Ты чо, Дашк? – голос Фрола почему-то в это время ей казался таким далеким и даже ненужным, но вместе с тем бесконечно дорогим и родным. Очередной приступ жалости к себе заставил слезы с новой силой бежать по щекам. – Да чо с тобой? Ты чо, заболела?

– Ой, Фролка, заболела... Да ишшо как заболела! – хозяйка дома стояла спиной к двери в полной прострации: ей уже начало казаться, что дом вот-вот закачается и упадет.

А кто-то в это время тихо-тихо в мозгу нашёптывал. – А может это не дом? А может, это в тебе самой сломалась какая-то подпорка али стержень, какой? Вот он, момент. Ну, приукрась то, что случилось. Соври, наконец... И выход будет найден!

Но нечто суровое и беспощадное, словно каменной стеной навалилось на язык, не давая произнести спасительные слова...

– Вот чо, Фрол Нилыч, уходи! Не люблю я тебе! – вместо лжи выдавилось из белого от безнадежности рта. Ноги подхватили ее и понесли на сеновал, где зарывшись в прошлогоднюю солому начала биться и рыдать, проклиная Сысою и обрекая себя на горькое одиночество...

Меж тем Сысоя в отряде ждал сюрприз. Кузьмич, оглядел внимательно пришедшего откуда-то комиссара и ядовито усмехнулся.

– Однако, ты, Сысой, ровно из боя откуда-то притащились! – он, усмехаясь в прокуренные усы, рассматривал глубоко-

кие кровавые раны на его лице. – Антиресно, с какими кошками ты дралси?

– Слышь, Кузьмич, отстань! У тебе выпить чо-нидь есть? – Сысой, потрогав лицо и спину, тут же почувствовал сильную боль, прошептал. – Ну и баба! Дикая как кошка... Ишь как рожу-то располосовала! Ну, ничо: быстро обратаю...

– Ну дак не ходи... к кошкам-то! – усмехнулся Кузьмич, явно намекая на то, что делают между собой коты и кошки в марте.

– Ладно, не буду... – примирительно сказал Сысой, выпивая стакан кумышки из бутылки, припасенной им еще вчера. Остатки кумышки размазал по лицу и поморщился от боли. – Ну, дак, чо ж ты хотел мне сказать?

– Да тута наши мужики двух бабушковых – монашек словили...

– Эх, Кузьмич, Кузьмич! Сколько раз еще мне тебе учить: не мужики, а революцённые красногвардейцы! Темнота, а ишшо красный командир! – Сысой был доволен. – Вот так, знай наших... А то – кошки! Ишшо мене, красному революцённому комиссару кажнай слесарь замечанья делать будить!

И уже примирительно добавил – Ну, так чо ж?

– Ну, дак, тово... Мужики говорят... Переодеться можно, да проникнуть в монастырь... – похоже, Кузьмич уже и сам не рад был тому, что начал этот разговор, да остановить-

ся уже не мог. – Да открыть нашим мужикам двери! Потерь меньше бут...

– Ну, Кузьмич, дак ты у нас не иначе как Суворов будешь! – Сысой ерничал, потому что никак не мог простить простодушному рабочему того, что сам не смог додуматься до этого. – Не, мало Суворова, Наполеон будешь! Ишь, чо удумал!

Сысой уже злился по-настоящему: к женскому монастырю у него было особое отношение. И вот на тебе. – Не я, а простак Петрищев додумался до такого хода! Столько баб... А утварь золотая... А иконы!?

Сердце чуть не зашло только от одной мысли, что наконец пришло то время, о котором он так мечтал в детстве и долго шел к нему. Ить сколь лет пыталси гробануть ентот монастырь, а времечко-то вот тока шаз и поспело...

– Ну, дак чо, комиссар, давай разрешенью на енто, да веди мужиков! – Петрищев подбоченился, изображая себя Наполеоном.

– Даю! – воображение комиссара рисовало все новые и новые картины, в которых все интереснее и интреснее получалось новое приключение: ему до чертиков надоела осада...

Монашки при охране ворот не ожидали от красных такой подлости: не успели они пропустить переодетых в монашек рыжего комиссара и еще одного красногвардейца, как те быстро разоружили и прикончили штыками их, открыв отряду двери. Хлынувшие в монастырский двор красные, как

уничтожающие все на своем пути термиты, разбежались по монастырю. Сысой был счастлив: его хитрость удалась и теперь уже никто не скажет, что ее придумал не он... А через несколько минут двор наполнился криками, стонами и беготней мечущихся монашек и почуявших забаву мужиков...

Но Сысою интересовало другое: уж кто-кто, а он-то хорошо знал, в чем было главное богатство монастыря. Не зря же столько раз был бит в детстве за то, что лазил сюда воровать золотую утварь! И ноги его вели вовсе не в кельи к молодым монашкам, а к храму. Потому и стрелял он во всех, кто становился на его пути, пока не добрался до красивой двери храма.

С силой дернув за толстую ручку и открыв дверь, он влетел в хранилище утвари и икон с маузером и остолбенел: храм был пуст! Голые стены словно издевались над ним, сияя своей наготой: ни икон, ни золотой утвари, ни пожертвованных...

– А-а-а, курва! – закричал он в бешенстве, специально допуская самые непристойные выражения в божьем храме, чтобы его оскорбить, унижить, а получилось наоборот: мысли его были кем-то разгаданы... И память услужливо высветила из темноты времени лицо настоятельницы. Теперь он не только матерился в ее адрес, но и начал палить туда, где высвечивался ее образ. Пули ложились в купол, стены, иконостас. – Ну, попадися мне ишшо, святоша, убью!

С пеной у рта и размахивая во все стороны маузером, вы-

скочил он из храма, стреляя во всех, кто попадался ему на пути.

– Мы ишшо посмотрим, кто кого! – теперь красный комиссар жаждал крови, поэтому бежал именно туда, где слышались крики и стрельба...

Ворвавшись в одну из келий, он увидел в углу на коленях перед горящей свечкой монашку. От шума та оглянулась и увидела Сысою с маузером. Сделав вид, что не заметила его, стала еще громче молиться.

Однако рыжему разбойнику и этого мгновения хватило, чтобы увидеть молодое лицо. Ослабившись как хищник, он подбежал и резко ударил ее маузером по голове: монашка даже не охнула, падая на пол.

– Я... вас всех... – хрипел комиссар, накидывая монашескую одежду на голову ей: молодое непорочное тело блеснуло своей чистотой и вызвало еще больший приступ гнева. – Вот так... я... со всеми... вами...

Монашка очнулась, когда зверь уже взял ее тело, но не сдалась и молча боролась, пока очередной удар не поверг ее в бессознательное состояние: хоть враг и взял тело, но не получил души и не сломал ее духа.

Не в силах сносить такое унижение, комиссар встал и, не сказав и слова, выстрелил в непокорную монашку из маузера. Невольно на ум пришло сравнение между ней и Дарьей... Плюнув на безжизненное тело монашки, красный комиссар вынул из походной сумки остатки самогона и допил до кон-

ца. В этот момент ему все было равно, что будет с монастырем, монашками и им самим. И только один раз он ухмыльнулся, выйдя из ворот монастыря: это загорелся его вечный враг, в котором еще орудовали его бойцы, сражаясь с женщинами...

Свой бой Сысой проиграл, но никак не хотел даже себе в этом признаться: перед глазами еще была жива картина, в которой молодая монашка явно показала ему то, что можно опорочить тело, но дух и душу не взять силой... От этого стало так тошно на душе, что он достал вторую бутылку самогона и прямо из горла начал заливать горечь поражения от женщины. Так и притащился он к своей конуре как побитый щенок...

5.

Середина сентября 1918 года, г. Верхотурье, Покровский женский монастырь.

– Девочка моя! – игуменья подозвала свою племянницу и обняла ее: в келье игуменьи никого кроме них не было, но и в этом случае мать-настоятельница прежде убедилась, что их никто не подслушивает. – Агашенька, девочка моя! Ты еще не монахиня – я не напрасно тянула с твоим постригом... Так что ты сможешь еще все начать сначала...

– Но, матушка... Я не хочу... – открытый рот Агаты, которой совсем недавно исполнилось двадцать восемь лет, излучал непокорность, и мать-настоятельница тут же положила свою ладонь на ее тубы.

– Не перебивай: у меня времени итак нет! Монастырь красные вот-вот захватят... – настоятельница перевела дух и вынула из складок своей сутаны письмо. – Ты сейчас пойдешь подземным ходом в Николаевский мужской монастырь и передашь это письмо настоятелю протоиерею отцу Феофану...

– Но, матушка. Разве это возможно? – от удивления послушница даже рот открыла: никто и никогда о таком ходе в монастыре не слыхивал, тем более когда-то упоминал.

– Да, но об этом знают только настоятели монастырей... – матушка Феодосия приложила палец к своим губам. – Поэтому поклянись, что никогда и никому не откроешь этой тайны!

– Клянусь! – девушка перекрестилась.

– А теперь возьми крест-ключ. Им ты откроешь и закроешь дверь из монастыря в ход и из хода в монастырь. Возьми письмо и иди с богом! – матушка настоятельница подошла к одной из своих стен и вставила в еле заметное углубление крест-ключ. – Прощай! И попробуй начать свою жизнь сначала... Господи, благослови ее... И не забудь: ты давала клятву хранить тайну... Храни и ключ!

С этими словами настоятельница вставила крест-ключ в углубление до упора и сделала полный оборот, а затем повернула массивный подсвечник, стоявший в стене неподалеку: что-то заскрежетало в стене, и тут же образовалась щель. Вынув крест-ключ, игуменья отдала его племяннице, поце-

ловала, перекрестила, отдала факел и втокнула в ход.

– Что бы ни случилось – назад не приходи! Прощай и будь счастлива... Иди все время вперед, пока не упруешься в глухую стену. Найдешь камень с крестиком и откроешь дверь, как это сделала я. А сейчас, закрывай эту дверь в обратном порядке. Прощай... Иди с богом! – еще раз более подробно изложив ей весь путь и перекрестив племянницу, она начала закрывать за ней дверь.

Скоро Агата осталась одна одинешенька в чужом черном коридоре. Как механизм, закрыв за собой дверь, повесила на шею крест-ключ и сжалась от страха: черный длинный коридор враждебно смотрел на нее и тут же обдал своим зловонным дыханием. Пламя факела, отбросив ее собственную тень, вызвало мгновенный ужас.

И, если бы не задание матушки, Агата умерла бы от страха прямо на месте. – Нет! Я должна принести это письмо! Я поклялась! Я обещала!

Твердя про себя свои мысли как заклинание, Агата шагнула в темный коридор на подгибающихся от страха ногах.

Как это ни странно, из памяти невольно выплыл случай из детства на утесе Троицкого монастыря, когда она шла вместе с городовым против ненавистного рыжего черта Сысои, прыгнувшего с утеса прямо в реку. Тогда она долго стояла и смотрела на кадета, будущего мужа ее сестры.

– Эх, Николя, Николя... Ну, зачем тебе было так торопиться? Подождал бы еще пяток годиков-то... А там бы и я

поспела! А какой верной женой я была бы тебе! И за тобой пошла бы хоть на край света... Ведь никого, кроме тебя я за все это время так и не любила! Даже в свой медальон твой портрет спрятала. Как глянул ты мне тогда в глаза... Нет, в самую душу – так и потонула навсегда! А теперь, и сладко... И горько... – шептала она, от страха крепко сжимая рукой факел.

Отзвуки шагов по каменному полу вернули ее к действительности, а тени от факела на стенках снова сжали тиска-ми душу от страха. И снова память пришла на помощь: выплыл другой эпизод – пятилетней давности. Невольно Агата нахмурила брови.

– Ох, и дурак же ты, Коленька! Женился на моей сестре, заимел двух сыновей, а сердце, оказывается, тянется ко мне... Ты чо думал, все бабы одинаковы? Привык там, на войне, к легкой победе над бабами, курошшуп хренов! Ох, господи, прости! И чо ж ты мне тогда сказывал? Старая дева?! И ты можешь мне помочь... – Агата усмехнулась, продолжая разговаривать сама с собой.

– Да, Коленька, старая дева! А ты знаешь, морда твоя бесовская, почему я осталась старой девой? Не мятой мужиком, не топтаной? В этом ты, Коленька, милый мой, во всем виноват! Ну-ка скажи мне, кто так ласково да призывно поглядывал все это время на меня? Да словами, а иногда и руками ласкал? А ты знаешь, что после твоего прикосновения у меня не то, что мурашки, огонь бесовский внутри зажигал-

ся? – она проглотила слюну, вспомнив всё, что было тогда.

Агата перекрестилась. – Думала, сама помру... Или сестру убью! И как только удержалась, сама не пойму! Так и жила, обманывая всех и себя... А когда ты меня тайком поцеловал? Кое-как с собою справилась... Чуть сама не отдалась тебе!

– Хорошо хоть поняла, что теперь у меня только один путь – прямиком в монастырь! Ведь жена твоя – моя сестрица любимая... – она вздохнула горько-горько. – Вот и пришла сюда... Чтобы ты, мой миленький, никогда не нашел больше меня! Ибо нет сил больше сопротивляться своей любви... Вот так, Коленька!

От такого внутреннего разговора пропал весь страх: теперь шла по подземному ходу монашка, улыбаясь и вспоминая своего любимого, которому уже никогда не достанется... Разве что сам всевышний этого захочет! И вдруг жестокая мысль ударила хуже бича, обжигая душу. – А вдруг кто-то из красных подонков погубит ее непорочное тело?

– Уж лучше смерть, чем позор: если не досталась тебе, мой любимый Коленька, не достанусь никому! – решила твердо монашка и стала внимательно смотреть по сторонам: приближался тупик, о котором ее предупреждала мать-игуменья – Ага, вот слева дверь, о которой говорила тетушка. Значит, надо идти дальше, да смотреть крестик по правую сторону...

Ушли куда-то страхи от всполохов тени, не возвращались

и воспоминания. Агата упорно искала крестик на камне и щель для ключа-креста, который висел на шее. Крестик увиделся не скоро, да и щель пришлось поискать. Но держатель, в который она вставила свой факел, нашелся быстро. Вставив крест-ключ, послушница повернула его на полный оборот, а затем держателем факела открыла дверь. Сначала заколебалось пламя, а потом в глаза хлынул свет...

Первым, кого увидела Агата, был сам настоятель, который в это время молился перед алтарем, но услышав знакомый скрежет механизма двери, уже ждал посланца. Закрыв дверь за собой, послушница замерла, не зная, как поступить дальше.

– Зачем пожаловала, дева Господня? – глаза настоятеля впились в послушницу, вызывая дрожь в коленях от страха: казалось, что настоятель читает ее душу. – Ну, говори... По пустякам этим ходом не пользуются!

– Батюшка, отец Феофан! – Агата поклонилась и вынула из-за пазухи письмо – Вот... Письмо матушка-игуменя... Просила передать!

Поклонившись, передала письмо и стала смиренно ждать.

– А ты, голубушка, присядь... Присядь! А я пока прочту послание...

Агата видела, как разгладились суровые складки на его лице. Заметив топчан, села на него и только после этого ощутила, как устали ноги.

Время тянулось долго: настоятель читал, смотрел куда-то

вдаль, обдумывая то, что сообщала ему игуменья, шептал что-то про себя. Наконец, он оторвался от письма, не торопясь, аккуратно сложил его и сунул в потайной карман, подошел к алтарю и опустился на колени. Словно кто-то большой и сильный легко поднял Агату и опустил рядом с ним.

Отец Феофан молился. Эту молитву послушница всего однажды слышала из уст матушки— игуменьи совсем недавно, однако врезалась она в память накрепко. И вот теперь, отец Феофан молился, оплакивая души опозоренных и убиенных дочерей Христовых, до конца исполнивших свой долг... И бежали мурашки по спине Агаты от этих слов его!

— А мой долг, теперь каков? — чуть ли не вслух произнесла она то, что беспокоило все это время, когда настоятель поднялся с колен и повернулся к ней.

— Матушка Феодосия с миром отпускает тебя в жизнь и не хочет, чтобы племянницу постигла участь ее сестер... — настоятель посмотрел в глаза девушке. — Люби, живи, расти детей! Разве это плохо? Раз уж сам Бог спас тебя от красных головорезов! А скорбная доля, выпавшая на долю вашей матушки-игуменьи и сестер, делает их подвиг вечным в нашей памяти! Еще более высок личный подвиг матушки-игуменьи, сохранившей хозяйство Господне нашим потомкам... И я поступлю тако же!

Последние слова он произнес тихо-тихо, но Агата все-таки расслышала их и вздрогнула: ей показалось, что он задумал нечто страшное для себя и очень важное для других.

– Вот, возьми. Откроешь им дверь третьей кельи по коридору направо от моей! – достав ключ из шкафчика, он подал его монашке и отвернулся к окну – Никуда не выходи, я позову тебя...

Агата шла по коридору, считая кельи. Колени ее дрожали от страха.

– Что же дальше будет? Что такое могла написать матушка– игуменья, если отец Феофан так отреагировал? – мысли перескакивали с одного на другое, не давая ответа. Кое-как найдя замочную скважину, попыталась вставить в нее ключ. – А как же я? Непонятно, мне что же, дали свободу? И зачем она мне, если вокруг красные? Да, похоже матушка дала мне свободу... Иначе, как понять слова настоятеля «живи, люби, расти детей»? И что же мне тогда делать в миру, если люблю только одного человека, а он муж моей сестры?!

– Стой, лови шпиона! – вздрогнув от этих слов, бывшая монашка почувствовала, как нечто тяжелое опрокинуло ее на пол.

– А-а-а! – с испугом прохрипела она и тут же почувствовала, как ослабли руки, сдавившие ее шею.

– Женщина? В мужском монастыре? Не может того быть? Этот голос Агата никогда бы не спутала ни с чьим. – Но здесь? Не может быть!

Спичка, загоревшаяся где-то рядом в полутемном коридоре, высветила лицо того, кто только что держал ее за горло. Того, с кем так не хотела и так страстно желала увидеться

еще хоть разок перед смертью.

– Коленька? – вырвалось у нее прямо из сердца: прекрасные синие глаза наполнились слезами.

– Агата? Агашенька?! – тот, который принял ее за шпиона, казалось, был еще больше удивлен этой встречей. – Да как же это так? Агата – и в мужском монастыре? Ну, это уже совсем... А почему – монашка? Она что, в монастырь ушла?

Вопросы сотрясали голову Николая Гришина, вдруг переставшего вообще что-либо соображать. – Ты? И здесь?!

Казалось, все разом в девушке остановилось. Ни руки, ни ноги, ни голова – ничто больше не слушалось ее. Только сердце бешено билось от радости. – Пусть! Пусть теперь я погибну! Здесь или еще где-то... Но со мной рядом – моя первая и единственная любовь! Разве такая любовь может себе позволить, чтобы перед смертью ею пренебрегали? Нет, никогда!

– Ну, поднимите же меня! – строго произнесла она, хотя все ее существо трепетало только оттого, что любовь касается ее руки, тела.

И по тону, это было уже требование, почти приказ, а любовью военный даже во сне смог бы узнать эту интонацию. Быстро вскочив на ноги, Гришин протянул девушке руку и поднял с пола. Без слов, взяв у нее ключ, открыл келью и пропустил даму вперед... В этот момент оба уже знали без слов: нечто неувлимо близкое накрепко связало их крепче самой прочной веревки...

Агата сама удивлялась себе: как это так она смогла таким тоном приказать её хозяину, которому была готова подчиняться безоговорочно, лишь бы был все это время рядом. Её мужчине, которого обожала все это время и желала как ни одного.

– Господи, что же я делаю? – подумала она, а руки сами невольно закрыли келью за ним на ключ. – Спаси и сохрани...

То, что происходило с ней, было похоже на сон: неожиданная власть любви, которую она скорее почувствовала, чем поняла, ударила в голову так, что лишала последнего рассудка, закружила, повела за собой...

Гришин раскрыл рот от удивления. Мысли роем закружили буйную головушку – Да, я всегда хотел эту чертову девку! И, когда в первый раз увидел... И потом! Да и всякий раз... Особенно – в последний раз! Тогда особенно почувствовал ее тело, молодое, сильное... Неотразимый аромат его...

Он смотрел на Агату и хищно улыбался своим мыслям. – Я просто знал: именно она – женщина всей моей жизни, недостижимая и всегда притягательная! Даже, когда сталкивался с непреодолимым холодом, знал, чувствовал это... Много бывало женщин у меня, не спорю, но затмить ее образ они так и не смогли! Жена? Жена – это мать моих детей, друг, наконец... Но не любовь! Любовь – это она... Желанная и недоступная!

И незримо чувствовал ее превосходство перед ним, как

будто кто-то невидимый раз и навсегда определил его в слуги этой женщине...

Стоило Агате подойти и улыбнуться ему, взять за руки, как в их жизни изменилось нечто такое, о чем оба и не подозревали: будто целый симфонический оркестр заиграл в душах обоих, а келья расцвела всеми цветами радуги.

Она храбро смотрела в это лицо, любимое и родное, думая про себя. – Никто – ни сестра, ни люди, ни Всевышний, отказавшийся принять ее любовь, не могут упрекнуть меня в том, что совершаю! Я выстрадала эту любовь, эти мгновения любви...

И, отвернувшись в сторону, тихо сказала. – Господи, прости меня: сама не ведаю, что творю!

А душа ее вопреки всему вдруг раскрылась навстречу своей любви как огромный всё поглощающий цветок...

Прикосновение губ этой женщины было похоже на удар молнии: Николай перестал соображать вообще что-либо. Всё ушло куда-то далеко-далеко... Осталась одна она, эта женщина. И страстное желание обладать ею! Однако он не мог теперь ни говорить, ни шевелиться, ни оторваться от этих любящих глаз и желанных губ, которые, казалось, всасывали его в себя целиком. Но и желания такого оторваться от нее тоже не было! Напротив, чем дольше длился поцелуй, тем больше появлялось желание повторить его, обладать ею...

– Где ж ты был... столько лет? – спрашивали ее глаза – Я

уже замучалась жить без тебя, без твоей ласки... Разве ты не видишь: я же люблю тебя!

— Я повсюду искал тебя... — отвечали его глаза, моля о пощаде. — Это ты спряталась от меня куда-то... Даже не просто куда-то, а в монастырь!

Еще пытался урезонить ее дух. — Остановись, глупая... Ты же губишь себя!

Но душа пела и ликовала, а губы шептали то, что хотели душа и тело, а руки, им послушные, уже снимали одежду.. — Эх, ты... Ты так и не понял главного — это от тебя я сбежала в монастырь! Глупенький... Так чего ж ты стоишь? Ведь вот я! Здесь... Вся твоя!

— Господи, прости ее, грешную... — молил дух, понимая, что сегодня он уже проиграл своё главное сражение. — Эх... Предатели! Эти душа и тело...

Агата уже больше ничего не слышала и не видела — запах любимого мужчины включил в ней волну чего-то нового: неведомое ранее жжение внизу живота, запульсировало и ударило в голову. Сладкое, влекущее, обещающее немислимое желание и удовольствие вдруг захватило и понесло куда— то в даль...

Она и почувствовала-то не сразу его руки на своем теле: волна, одна сильнее другой, начали сотрясать ее настрадавшееся тело, пока нечто желанное не оказалось внутри нее. Агата застонала, извещая всех о том, что любима и сама любит...

Но вот нечто бесподобное взорвалось внутри, отключая разум и оставляя лишь ощущение безудержной радости. Этот фейерверк в честь любви, любви грешной и запретной, но настоящей и всепожирающей, унес ее из стен кельи с жесткой тахтой, от ужасающих обстоятельств, предрекаемых смерть... Сейчас была только любовь и новая, ранее не изведанная жизнь... Наперекор всему, расцвела израненная душа фонтаном пульсирующих и немыслимых цветов. И когда нечто огромное, невыносимо-сладкое и светлое накрыло ее разум, Агата вскрикнула и потеряла сознание...

Очнулась она почти сразу же, ощутив отзвуки этого фонтанирующего чувства, и начала постепенно приходить в себя. Невольно раздвоившись, увидела себя как бы со стороны. – И кто это такой лежит голой на тахте рядом с голым мужчиной? И это в келье монастыря! И кто – почти монашка?! А кто голый мужчина – муж ее сестры!? И где же совесть у этой женщины?

Жгучая краска стыда обжигающей волной накрыла Агату от пят до головы...

– Вот, не надо бы так-то... – это страдающая душа пришла на поклон духу, предавая тело: теперь ей было горько и стыдно за то, что недавно совершила, да еще в стенах монастыря, да с мужем своей сестры.

Быстро подняв одежду и прикрыв голое тело, грешница с пылающим от стыда лицом, начала быстро одеваться, даже не глядя на Николая.

– Уходи! – глухо, высохшим от страдания языком, произнесла раскаявшаяся грешница. – И забудь то, что было...

– Не-е-ет... Как же я могу забыть такое? – ехидно улыбаясь, сестрин муж начал одеваться. – Такой как ты у меня еще никогда не было!

– Значит, больше и не будет, понял? – сталь блеснула в глазах женщины, лишь несколько минут назад готовой раствориться в нем без остатка и подарившей любимому мужчине немыслимое блаженство. Слова не просто пугали, в них была явно видна готовность к немедленному и решительному действию. Именно это увидел Гришин и тут же попятился.

– Ты чего, Агашенька? – Николай удивился метаморфозе, произошедшей с этой ласковой и безобидной женщиной. – Ну, пошутил...

– Вот иди и шути в другом месте, а сюда дорогу забудь! – подойдя к двери кельи, монашка открыла ее и отошла в сторону: Гришину ничего не оставалось, как выйти в коридор.

Хмыкнув, он помотал головой, улыбаясь, и пошел по коридору...

– Ох, и странные они, эти бабы! То –люби... А то – уходи... – он остановился, чиркнул спичкой и закурил, улыбаясь от воспоминаний. – Ох, и хороша же, чертовка!

В отличие от Агаты, никакого стыда от измены жене он не испытывал, списывая все на войну и считая это дело совсем не зазорным, а потому... И даже то, что в этот раз с ним была

сестра его жены, абсолютно ничего для него не меняло. Поэтому, оставаясь в хорошем настроении, полковник Гришин шел проверять караулы на стенах и башне, которые выставил с первого дня осады.

Меж тем события, внутри монастыря как бы замершие с первого дня осады, начали стремительно развиваться. Первый шаг тому положил сам отец Феофан, собрав к себе в келью самых верных монахов.

– Братья мои, враг злой и жестокий у порога монастыря...

Приглушенный голос его исходил из самого сердца. Раз за разом вглядываясь в лица приглашенных монахов, он еще раз хотел воочию убедиться. – Прав ли? Смогут ли они сделать то, что он им предложит?

В какой-то момент его взгляд остановился на Терентии, и в душу заползло сомнение. – Но нет! На них можно положиться! Вот они, те, без кого ему не сделать задуманное.

И взгляд двинулся дальше, пока не обошел всех присутствующих.

– Он разграбил и сжег Покровский женский монастырь! Но душу любого монастыря составляют люди, иконы и золотая утварь. Так вот, настоятельница монастыря игуменья Феодосия с сестрами спрятала и сохранила иконы и золотую утварь, а значит сохранила для потомков и душу монастыря! Братья, через две-три недели красные так или иначе возьмут наш монастырь измором... Так неужели же мы опозорим душу нашего монастыря? Неужели же мы позволим испоганить

наши иконы и золотую утварь?

– Нет! Не дадим! – дружно отвечали ему братья – монахи на каждый вопрос: глаза их горели желанием немедленно начать работу.

– Благодарю вас, братья мои... Я знал и не ошибся в вас! – закончив настройку монахов на рабочий лад, настоятель перешел к практической части. – Все, присутствующие здесь монахи, кроме двоих, будут снимать иконы и золотую утварь, и складывать в моей келье. А вы, двое, будете носить туда, куда скажу!

И палец его уперся в Терентия и еще одного монаха. Работа закипела: по мере того, как в келье настоятеля появлялись иконы и золотая утварь, двое избранных переносили их в кладовую через подземный ход, о котором никто и не подозревал...

6.

Третья неделя октября 1918 года, г. Верхотурье.

Сысой пил: неприятности одна за другой сваливались на него словно из рога изобилия.

Во-первых, в первой же атаке на Николаевский мужской монастырь был убит Петрищев. Собственно, это было все-таки не так уж и плохо: как никак льстило больному самолюбию Сысои, но теперь вся ответственность за командование отрядом и его неудачи свалилась на него лично, а это вовсе не входило в планы Сысои. Гонимые от командования непрерывно требовали как можно быстрее разделаться с белыми,

засевшими как заноза в этом чертовом монастыре. А у него, как на зло, ничего не получалось со взятием монастыря: все его атаки натывались на грамотно организованную оборону.

Во-вторых, командовал этой обороной некто полковник Гришин, офицер еще царской армии. А после того, как Сысой в бинокль удалось-таки рассмотреть своего противника, кровь закипела в жилах: это был тот самый кадет, из-за которого он в юности чуть не разбился о воду при прыжке с утеса.

В-третьих, это – Дашка. И тут Сысой ничего не мог с собой поделать: к этой девке его просто тянуло как магнитом ежедневно, ежечасно, ежеминутно... И плевать ему хотелось на то, что кто-то приказывает воевать, на то, что отец ее каждый раз вставал на пути. И Сысой зло шептал. – Ну, дак яму жа и хужа! Неча было моих матку с баткой со свету сживать! Пушшай, топерча евоная дефья кункой своей рашшитыватси!

Поэтому с садистским удовольствием бил нещадно отца Дарьи. Да и ее саму, чувствуя, что для достижения нужного удовольствия с каждым разом все больше и больше именно этого ему и не хватает. Дарья пряталась от него, сбегала из дома, даже искала убежища у Фрола – ничего не помогало: Сысой как собака по запаху находил ее везде, избивал всех, кто становился у него на пути и снова добивался своего.

Даже Фрол не помог: Сысой без разговора вытащил маузер и изрешетил его насквозь, а потом со звериным удоволь-

ствием насиловал Дашку там, где нашел... Но и этого было мало: став фактически хозяином Верхотурья, он напивался и шел к знакомым шлюхам, где и проводил остатки ночи.

Тем временем его противник, полковник Гришин прекрасно понимал, что через день-другой боеприпасы и продукты могут закончиться, и тогда... – А тут еще Агата!

Уже несколько дней он пытался попасть к ней в келью: и стучал, и караулил – все бесполезно! И лишь сегодня, когда он шел к настоятелю с докладом, к своему удивлению и радости увидел Агату.

– Господин полковник, прошу познакомиться: Агата Михайлова – послушница Покровского женского монастыря.

– П-полковник Гришин... – Гришин растерялся: после того, как он смирился с тем, что их встреча была просто сон, галлюцинация, Агата вновь появилась из ниоткуда. На всякий случай он решил начать с официального тона, но не смог – так велика была радость. – Но мы с Агатой... давно знакомы: она – сестра моей жены... Вы позволите мне поговорить с ней?

Агата, проведшая все эти дни в двадцатидневном голодании и молитвах о прощении, которые сама себе назначила в наказание за грех, который совершила, теперь уже просто соблюдала пост, была бледна и слаба, но все же не удержалась от радости и улыбнулась любимому.

Словно кто-то там, наверху зажег в груди исстрадавшегося от угрызений совести Гришина спасительный огонек на-

дежды: он теперь сам себя считал виновным в том, что произошло, переживая за нее, за жену, за детей... В голове его все перепуталось так сильно, не позволяя отличить правду от вымысла, и только улыбка Агаты разрешила все его сомнения. – Да, было! Но, прощен ли?

– Сударыня... – тон, с которым обратился к ней Гришин, зывал. – Я виноват, прости, любимая! Прости... Я и не знал, насколько сильно тебя люблю! Сам люблю...

Но что же скажут ему эти печальные синие глаза, в которые хочется до самой смерти смотреть и смотреть? И невозможно насмотреться... Но дело, есть дело. – Вы говорили, что пришли из Покровского женского монастыря. Возможно ли это? Ведь женский монастырь сожжен красными, а мужской – в осаде? Так как же вы прошли? Как смогли вас пропустить мои дозоры? Кто пропустил?

И Агата, и настоятель моментально поняли то, о чем печется полковник: если простая монашка смогла пойти через поставленные дозоры, то красные тем более пройдут! И Агата посмотрела настоятелю прямо в глаза, спрашивая. – Как мне быть? Если скажу правду – нарушу обет молчания, если не скажу правды – он может погубить ни в чем не повинного человека! Так как же быть? Рассказать?

– Господин полковник, Агата пришла подземным ходом. – теперь уже сам настоятель наблюдал внимательно за лицом Гришина, ища подтверждение своей точки зрения относительно него: если отведет глаза или слукавит, придется при-

нять меры к сохранению тайны... Но Гришин не отвел глаз, а лишь с еще большим интересом взглянул на настоятеля, не говоря ни слова. — Я надеюсь, вы теперь не станете говорить об этом всем и каждому. Вы понимаете всю ответственность: ведь вам сейчас открылась большая тайна!

Смутная мысль, так до конца и не оформившаяся в мозгу Гришина, продолжала крутиться, не позволяя ему сосредоточиться на том, что только что услышал. Не долго думая, полковник отбросил ее до поры до времени.

— Отец Феофан, я ведь шел к вам с докладом... Нам осталось продержаться в осаде еще два-три дня, а потом... А потом кончатся боеприпасы и продукты! У нас много раненных.. Но хуже всего то, что по данным разведки красным вот-вот доставят пушку. Против нее мы не продержимся и суток!

Вздохнув свободно от того, что честно обрисовал обстановку, Николай посмотрел снова на Агату, лицо которой стало белее мела. И тут, наконец, до него дошло то, что смутно тиранило голову.

— А не могли бы вы мне сказать, куда ведет второй конец подземного хода? — хотя мысль еще до конца не оформилась, но уже стал понятен ее контур. — Подземный ход! Можно ли им вывести людей? Конечно, если есть выход. Но, раз между монастырями есть сообщение, то...

Так далеко еще его мысль не заходила, поэтому он ждал, настойчиво ждал ответа настоятеля: ведь он как никогда ре-

шал в этот момент судьбы многих из тех, кто самоотверженно защищал Веру и Отечество...

Между тем отец Феофан хранил молчание, чуть заметно качая головой. Он находился на распутье. – Вправе ли он, поклявшийся однажды не разглашать тайну подземного хода до поры, до времени, раскрыть ее сейчас?

– Я понимаю вас: вы хотели бы спасти тех людей, которые самоотверженно защищали монастырь... – он смотрел прямо в глаза Гришину только с одной целью. – Можно ли ему доверить эту тайну? Ведь потом обратного хода не будет?!

Гришин не отвел глаз, хотя и ясно прочитал немой вопрос настоятеля.

– Поклянитесь мне, что сия тайна не будет раскрыта никем и никогда! – и все же настоятель решил подстраховаться.

– Клянусь! – произнесли по очереди Гришин и Агата, перекрестившись перед распятым и поцеловав крест.

– Хорошо, тогда я вам поведаю сию тайну... На середине пути есть дверь, которая ведет в подземный ход под рекой и выводит на ту сторону реки. Вам нужно смотреть на крестик, подобный тому, что Агата видела у нашей двери. Дверь открывается также как и эта, тем же ключом – крестом. Только этим ходом вы и можете вывести своих людей... – он замолчал на некоторое время, а потом добавил – И моих монахов, которые изъявят желание уйти с вами... Этим ходом никто давно не ходил. Во всяком случае – при моей жизни! Готовьтесь... Сегодня же вечером и уводите своих людей! Меня не

ждите: мне предстоит еще одно очень важное дело... А теперь, прощайте! Благослови вас Бог!

Он перекрестил их по очереди и подтолкнул к двери кельи. Но стоило только Агате и Николаю выйти, как настоятель тут же позвонил в колокольчик. Через минуту перед ним стояли монахи, с которыми он переносил иконы и золотую утварь в кладовую.

– Помолимся, братья мои: нам пора! – с этими словами настоятель и монахи опустились перед алтарем...

Как только солнышко зависло над монастырскими стенами, Гришин построил то, что осталось от полка.

– Господа офицеры! – обратился он к защитникам монастыря. – Вы хорошо воевали, но противник сильнее... Кончатся боеприпасы... Упрекнуть себя нам не в чем: мы сделали все возможное! Поэтому отдаю свой последний приказ: уходим! Уходим организованно, не сдаваясь на милость противнику. Уходим на соединение с Добровольческой армией генерала Деникина!

– Антирабуюсь, как енто мы уйдем, да ишшо организованно? Енто из осажденнова красными монастыря? Моgetь, вы, господин полковник знаетья? – ухмыльнулся молодой подпоручик и довольно посмотрел на окружающих.

Но Гришин услышал эту реплику.

– Тут некоторые законно сомневаются, «смогем ли мы уйтить из осжденнова монастыря»? – произнес полковник, подражая говору подпоручика под одобрителный хохоток

товарищей, и тут же добавил уже серьезно. – Так вот: за ваше геройство при обороне монастыря, отец Феофан поведал нам одну тайну, которую я поклялся хранить ради вашего спасения. Здесь есть подземный ход, через который мы сегодня и уйдем! И поведет нас по нему проводница – монахиня, сестра Агата...

Когда Агата вышла из двери храма, гул голосов и похотливые улыбки побежали по строю.

– Да я ба за такой-то сестричкой... Куды угодно! – опять ухмыльнулся молодой подпоручик, но в этот раз, стоящий рядом штабс-капитан больно ткнул его в бок. Подпоручик тут же замолчал.

– Завтра к красным прибывает пушка со снарядами. При таком пополнении нам и суток не удержать монастыря... — Гришин увидел как закивали головами в строю его товарищи, отсекая последние сомнения: теперь уже все поняли: пора уходить! И голос командира полка окреп. – А потому, объявляю готовность к выходу в путь через два часа. Всем понятно? Вольно, разойдись... Штабс-капитан Печников ко мне!

Раненный в голову офицер, недавно отвесивший тумак молодому подпоручику, подошел к Гришину и отдал честь.

– Вот что, Печников... – Гришин положил руку на плечо капитану. – Ты уж не взыщи... Путь, видно, будет трудным: этим ходом давно никто не ходил... Так что неизвестно, что нас ждет! Не сочти за труд, возьми на себя замыкание колон-

ны. Дело в том, что двери, которые мы откроем, нужно во что бы то ни стало, за собой закрыть! Поэтому мне с Агатой сзади нужен очень надежный человек. Ну, что, согласен?

– Так точно, Николай Сергеевич! – Печников прекрасно понимал, что Гришин хватается сейчас за любой, даже сомнительный выход из положения, в котором оказался полк. Поэтому и соглашался, что другого пути не было...

Когда Гришин подошел к Агате, которая скромно сидела на камне у входа в храм и молча ждала, когда все будут готовы к походу.

– Агата, простите меня... – просто и проникновенно произнес Николай Сергеевич, вкладывая в них все то, за что страдал все эти дни и ночи. – Я виноват!

– Николай Сергеевич, и вы простите меня... – она смотрела на него своими большими синими глазами, прекрасно понимая, что уже никогда не сможет больше сказать ему самого главного, а потому вдруг решила произнести это. – Я ведь вас давно люблю... Поэтому и ушла в монастырь... Да вот, не удержалась! И мне очень, очень стыдно... Говорю вам это сейчас, потому как никогда и нигде... ничего... между нами быть не может! А за то... Я вам очень благодарна!

И слезы одна за другой прокатились по ее щекам.

Буря чувств прокатилась по душе Николая, обжигая и высушивая все, чем дышал. – А может это и к лучшему? Ну, было! Да прошло... Так останемся благодарными друг другу... Останемся? Господи, помоги мне победить самого себя!

И, уже сухим от переживания голосом, сказал. – Значит... Через два часа... Здесь!

– Через два... Здесь! – почти глотая слезы, произнесла она...

Два часа прошли как одна минута.

После того, как закрыла за всеми дверь, Агата пошла впереди, держа в руке факел. Колонна из офицеров и монахов, пожелавших присоединиться к ним, с горящими факелами медленно шла по коридору подземного хода. Часть офицеров несла раненных: они стонали, бредили, нагоняя злобный страх на остальных. Очень скоро появились и недовольные. И все же пока каждый из них надеялся на лучшее...

Гришин вел счет шагам, после того как ему сообщила их число Агата, которая с факелом в руке шла впереди и внимательно осматривала почти каждый камень в поисках желанного крестика, о котором предупредил их настоятель. Сердце монашки билось от страха то часто-часто, то медленно-медленно, бросая ее в холодный пот. И не будь у нее той ответственности за жизни людей, вверенных ей самой судьбой, давно бы умерла от страха.

Но чем дальше шла она по подземному ходу, тем сильнее будоражили светловолосую голову такие мысли. – Господи, дай этим людям выбраться отсюда живыми! Ведь сколько среди них раненных и увечных... И каждому из них хочется жить... А сколько женщин и детей их ждут где-то? Ведь у многих из них есть где-то семьи, любящие их жены и дети...

Зачем же ты все так устроил? Почему брат идет на брата, сын на отца, красные на белых... Какие же они враги? И те и другие – люди русские... Так зачем же им убивать друг друга? Жили бы мирно... Ведь каждого где-то ждет мать, или жена, или сестра, или сын... Помоги же им, господи! И мне помоги их вывести... отсюда!

Так шла она и уже не знала, то ли шепчет свои мысли, то ли молча проговаривает их. Желанный крестик появился неожиданно: Агата от радости, что всевышний все-таки ее услышал, чуть не вскрикнула, немедленно указав на него пальцем Гришину, достав свой крест-ключ, она вставила его в найденную ею щель и повернула: заскрежетало что-то, наполняя сердце радостью и гордостью.

Держатель факела, который находился поблизости от камня, повернулся с таким трудом, что скоро Гришину пришлось помогать Агате. И все-таки дверь не открылась до конца: в какой-то момент что-то внутри нее загрохотало, и дверь остановилась, перестав двигаться ни вперед, ни назад.

– Что же теперь делать? – Агате вдруг стало страшно: слезы готовы были брызнуть из глаз.

– Как что? Пойдем через половинку! – без капли сомнения заявил Гришин. – Ты, Агата, пойдешь вперед, а я тебя догоню!

От страха ноги ее подкосились и, если бы не пожилой офицер, поддержавший ее за локоть, могла бы и упасть.

– Иди, дочка, иди! – ласково потрепал он ее локоть второй

рукой. — А мы за тобой!

И Агата, легко проскочила через половинку двери вместе со своим факелом. Влажный спертый воздух тут же ударил по ноздрям. Факел заколебался, отбрасывая чудовищные тени на стены подземного хода. По спине Агаты побежали мурашки от страха, зубы застучали, лицо побелело. Ноги задрожали и невольно остановились.

Словно почувствовав то, что испытывает сейчас Агата, из темноты появилось лицо Гришина, которое тут же приблизилось к уху Агаты.

— Да черт с ней, с этой дверью! Потом разберемся... — хоть Гришин и кричал ей изо всей мочи, но Агата плохо его слышала. — Пусти, я первым пойду!

Только когда из темноты дверного проема показался тот самый пожилой офицер, который успокоил ее перед шагом в неизвестное, Агата немного успокоилась. Хотя она и не все поняла из того, что прокричал ей Гришин своим изменившимся голосом, но по глазам и поведению его, быстро догадалась. И тут же уступила дорогу, с ужасом оглядываясь на заклинившую дверь...

Теперь, видя впереди себя широкую спину Николая, стало не так страшно. Она оглядывалась, невольно ища поддержки в тех, кто шел за ней следом. У двери она видела, как раненых переводили через дверь и снова укладывали на носилки. Чувствуя свою полную беспомощность, крестилась и умоляла Всевышнего помочь этим людям...

Ступеньки и свод хода начали ощутимо спускаться вниз: резко увеличилась влажность, дышать стало труднее, пот начал заливать лицо... Даже факел начал гореть меньшим пламенем. С каждым шагом по стенам и потолку все больше и больше капало воды...

– Значит, мы уже идем под рекой... – сказал Гришин Агате и, увидев ее белое от страха лицо, взял за руку.

– Николай Сергеевич, постойте! – Печников дотронулся до плеча Гришина: он тяжело дышал, пот ручьем бежал по его лицу, руки штабс-капитана дрожали. В таком состоянии Гришин никогда не видел Печникова. – Дверь... Дверь никак не закрывается!

– Как не закрывается? – из темноты на него строго смотрели глаза Агаты. – Так-с, неприятности начинаются! Господи, мне только этого еще мне хватало!

Гришин смутился. – Да, я давал клятву отцу Феофану! Ну и что же? Что важнее: моя клятва или жизнь сотни людей, усталых, раненных, обозленных? В конце – концов, только я перед Всевышним за все в ответе... Вот и отвечу!

И, не обращая внимания на испуганные глаза Агаты, спокойно произнес. – Вот что, Печников, бросайте к чертовой матери эту дверь и ведите всех дальше, понятно? И не отставать! И никому не давать поворачивать назад... Вы посмотрите на них: еще немного и они сами в зверей превратятся. Того и гляди, кидаться друг на друга начнут!

Трудно сказать, понял ли Печников все то, что наговорил

ему Гришин, повернулся к Агате, посмотрел на нее и пошел в хвост колонны. Агата кивнула ему и сдернула с себя платок: золотистые волосы тут же рассыпались по ее плечам...

Меж тем Терентий был просто ошеломлен. – Как же так? Почему это настоятель монастыря, пропустив его и второго монаха, с которым они носили золото, иконы и утварь в кладовую, закрывает дверь? Он что, собирается его заживо замуровать?

Видя как отец Феофан закрывает дверь в кладовую, а затем поворачивает подсвечник, намертво перекрывая вход в кладовую, Терентий задрожал: жуткий страх, животный страх начал изнутри свою разрушительную работу. И даже в этом состоянии глаза его отмечали все, что делал настоятель, а мозг запоминал любую мельчайшую деталь, которая могла бы потом выручить из этой беды. И бедный монашек видел, как настоятель повесил крест-ключ себе на шею, а затем начал молиться, как бы приглашая и монахов приобщиться к себе.

– Точно, да ить ен нас... живьем! – как только до Терентия окончательно дошло то, что произошло, страх сильнее молота ударил в голову. Бешено заколотилось сердце, задрожали руки и ноги, все мысли в диком танце захороводились вокруг только этой одной мысли... Никогда еще Терентий не знал этой боли, даже и не подозревал, где оно находится, и вот теперь...

Схватившись обеими руками за левую половинку груди,

он с ужасом прислушивался к тому, как каждый удар его сердца громким стуком в ушах ударял в голову. Невольно ему стало до ужаса жалко себя. — Я ж молодой... Ишшо не любил... Ни разу... не любил! А-а-а... И тайник... только-только заимел! Даже не успел ничо туды перетащить... Я чо, здря воровал? И ни одной дефьки так и не пошшупал! Другим так енто можно, а мене? Низзя, да? Дак как жа быть-то топерича?

От такого множества вопросов голова его начала раскалываться... И все же суть всех вопросов оставалась единой: Терентию было жаль, что его жизнь так быстро заканчивается... Увидев, что на него строго смотрит отец Феофан, Терентий бухнулся рядом и начал бить поклоны, как это делал другой монах и сам настоятель. Стало легче. Даже что-то начало проясняться в голове, но страх за свою жизнь так и не проходил.

Невольно вспомнился ему тот случай. Случай шестнадцатилетней давности: рыжий пацан отрывает кусок серебряной трубки, которую он сам хотел, да не решился украсть. А парень тогда взял и прыгнул прямо с утеса... — Жуть! А ведь остался жить... Ох, и омманул жа ен их тоды! Омманул... Ли-кость, не спужалси... Да с трубкою... Одной тока трубкою... А тут вона всего скока! И прыкать— то даже не надоть... И эх, дверь ба тока открыть!

Терентий даже испугался от неожиданно пришедшей ему в голову мысли, разом вспотев. И тут же запричитал. — Ох,

косподи, прости!

Но почему-то, с каждым очередным поклоном и просьбой простить его, обращенной ко Всевышнему, грешная мысль становилась все крепче и крепче, отгоняя остатки страха. – А чо? Я ли не моложа их? Моложа! Настоятель ужо стар как пенек... Да и монах – тожа! Ишь как бухаются – знать быстро выдохнутси... Надоть тока подождать ишшо... Устануть и уснуть. Тоды и дверь открою... ключом!

Несомненно – это была та самая спасительная мысль: сердце тут же перестало бешено колотиться, а мозг Терентия между тем продолжал развивать новую мысль. Теперь Терентий делал поклоны не сильно угробляясь, а губы шептали свое. – Ужо топерича-то я знаю, как надоть бороться за свою жистю!

Меж тем время шло: факелы, сжигающие кислород, постепенно начали гореть тускло, а настоятель со вторым монахом продолжали и продолжали делать свои поклоны. Конечно, теперь они их делали гораздо медленнее, чем раньше... Невольно слух Терентия отчетливо уловил голоса и топот по каменному полу подземного хода.

– Уйдут ить! – мысль, что колонна Гришина, о которой Терентий знал все, пройдет и уйдет раньше, чем настоятель и монах уснут от нехватки кислорода, острым ножом ударила прямо в самое сердце, вновь изгнав надежду и поселив страх. Терентий, который связывал с этой колонной свое спасение.

И он задрожал всем телом. Разом перехватило дыхание:

монах сильно втянул грудью воздух и закашлялся, хватнул еще раз, другой и ясно почувствовал, что его ему явно не хватает. – Усе, щаз помру! И не видать мене света белова... А оне уйдуть без мене! И дверь за собой закроють... И тоды мене хренец пришел... А все он!!!

Неизвестно из каких глубин его души гнев, вынырнув на поверхность, начал душить своего хозяина. Терентий упал на пол и вытянул руки так далеко, как никогда до этого не вытягивал. Неожиданно его правая рука наткнулась на круглый предмет. Подняв голову, монах увидел подсвечник...

Звуки шагов к подземном ходе начали удаляться и вскоре совсем затихли.

– Не-е-ет! – чуть ли не закричал в отчаянии Терентий, совершенно не понимая, почему его рука сжимает верхушку подсвечника, с одной стороны, и твердо зная, что делает, с другой стороны. Губы тихо прошептали. – Буду... жить!

Обливаясь от жуткого страха, Терентий вскочил и прыгнул к настоятелю, размахнувшись подсвечником.

– Будь... ты... проклят, иуда! – прошептали губы настоятеля прежде, чем подсвечник в руке Терентия опустился ему на шею. Второй удар прекратил жизнь свидетеля... Ни тот, ни другой даже и не пикнули – смерть их была коротка.

– Ключ... Ключ! – почти в беспамятстве твердил Терентий, срывая крест-ключ с шеи настоятеля. Не хватало воздуха, руки ослабли, колени подгибались, жуткий страх заморозил душу. Монах бросился к двери и никак не мог попасть в

замочную скважину. Наконец, это ему удалось, и он с силой повернул ключ. Однако, ничего не произошло. Почти в беспамятстве, Терентий крутанул его еще раз...

На этот раз что-то заскрипело и заскрежетало – это разблокировались штыри. Схватившись как чумной за держатель, монах дернул из последних сил.

– Усе... пропал! Замурован! – заплакав от страха, что по милости настоятеля он, молодой и полный жизни, теперь будет вынужден умереть здесь, рядом с убитыми им людьми, монах почти в беспамятстве на подогнувшихся коленках повис на держателе, который чуть сдвинулся от его рывка. Под действием тела полусумасшедшего убийцы рукоятка держателя пошла вниз и дверь со скрежетом начала открываться. Сам же монах вывалился в образовавшийся проем двери, из которого на него потянуло более свежим воздухом. – Спасен! Косподи, я спасен!

Теперь как никогда мысли его работали четко и практично: страх ушел, воздух наполнил его легкие, вдыхая в тело жизнь. Он открыл дверь ровно настолько, на сколько нужно было для изъятия ключа. После этого спокойно закрыл дверь, повторяя вслух слова, словно молитву. – О-о-о-о, спасибо, косподи, я спасен!

Далекий топот ног по каменному полу говорил ему лучше всяких слов. – Оне ишшо не ушли и я моку их ишшо докнать. Тока как быть с золотом? Взять с собой?

И вдруг здесь, у двери в кладовую, Терентий неожиданно

осознал простую истину, а губы прошептали. – Дак ить я ж тока один-то и знаю топерича, иде енто золото запрятано! Дак тоды нашто мене себя подверкать топерича опасности с золотом-то? Ить я ж моку топерича в любо время сюды вернутьси! И без свидетелев... Ишшо учнуть спрашивать, откель взял? Не-а, Терюха не дурак: ен щаз не возьметь золотишко! И никто дажа не докадаться про мене... А коли надоть бут – вернуса и возьму скока надоть!

Монах-убийца сидел на каменном полу, прислонившись в стене, и мечтал. – Бокатство... Дефьки... Усе топерича моё...

Однако из памяти выплыло лицо настоятеля и палец его, показывающий прямо на Терентия. – Держите его – он убиец!

Задрожав всем телом, монах перестал улыбаться. И снова практичный ум пришел ему на помощь: рука скользнула по грязному полу, набрала побольше грязи и провела по лицу.

– Пушшай тока мене топерича узнают... Такова-то! – улыбаясь, Терентий поднялся и как заклинание на память повторил. – Запомню: второй держатель... Я ево ишшо колды запомнил... А щаз... Догоню-ка тех!

И монах пустился в погоню...

Полк Гришина и примкнувшие к нему монахи шли подземным ходом уже прямо под рекой. После трудного перехода через полуоткрытую дверь, стало идти еще труднее: резко повысилась влажность, сильно стала чувствоваться нехватка

кислорода. Первыми это на себе почувствовали раненые и те, кто их нес.

Терентий догнал полк в конце ступеней уже под рекой. Чтобы не привлечь к себе особое внимание замыкающего, тут же начал оказывать помощь раненым офицерам, держась подальше от монахов, которые легко могли его опознать. Хотя в этом грязном, мокром и оборванном монахе при едва тлеющих факелах, а так же столах и усталости всех без исключения, трудно было узнать одного из самых приближенных к настоятелю монахов.

В этом Терентий невольно убедился, столкнувшись невзначай с одним из монахов. К тому же теперь с каждым шагом становилось все труднее и труднее дышать: першило в горле, не хватало воздуха, ноги не хотели идти, а руки держать носилки.

– По-мо-ги-те... – прошептал раненный офицер, лежащий на носилках прямо на полу. Рядом с ним сидели несколько офицеров и отдыхали.

– Господа, нас пгедали! – с ужасом в глазах произнес молодой подпоручик, который еще там, на монастырской площади, сладострастно поглядывал на монашку с копной золотистых волос. – Господа, Ггишин доведгился молодушке, котогая и сама-то толком не знает, куда нас ведет! А может, она вовсе не монашка? Разве бывают такие могдашки сгеди них?

– Завел, сволочь, нас прямо в грязь! Здесь и подохнем! – начали раздаваться недовольные голоса, которым

речь подпоручика придала некоторую силу. Постепенно вокруг подпоручика, получившего, наконец, внимание, собрались несколько недовольных человек.

Гул ропота прокатился по колонне: страх на свою жизнь и неизвестность заставляли их верить в самые неожиданные небылицы, которые рождались прямо здесь. Факелы светили настолько мало, что в шаге уже было невозможно отличить одного человека от другого. Горло разрывалось от ощущения, будто там скребутся десятки кошек или собак, дышать было ужасно трудно. К тому же при полной темноте, капли, падающие сверху, нагоняли жуткий страх и вызывали чесотку, особенно, если они падали на лицо.

– Может она вовсе и не монашка... – убеждал всех пожилой унтер-офицер с забинтованной ногой, прислонившись к стене хода и сидя прямо в луже. – Такие как она, красивые бабы – все ведьмы... Вот один наш офицер рассказывал мне: повела однажды такая красавица за собой отряд через болото, завела черт-те куда и сожрала всех по одному!

– Эх-хо, господа... Ежели нам уж тегять нечего, так хоть пегет смегтью по газочку попгобуем енту кгасотку! – крикнул молодой подпоручик, оказавшись в центре внимания и сдергивая заплечный мешок на пол.

Легкий гул, хихиканье и хрип был ему ответом. Между тем среди раненых начались обмороки: то один, то другой падали прямо в грязь. Некоторые, крестясь, все-таки шли медленно, держась за стену. Большинство все-таки шло в

одиначку, но были и парами, помогая друг другу.

– Нет, господа, я пгавду говою: она нашава полковника окутила, влезла в душу и тепегь командываеь им! – подпоручик, найдя слушателей, значительно оживился и теперь выступал перед ними как настоящий актер. Кто-то принимал его рассказы за чистую монету и искренне верил, кто-то пытался урезонить. В полку назревала паника. – Вы гляньте, господа, как она то и дело опигается на него!

Невольно все те, кто был впереди, услышав его голос, повернули головы вперед: Агата, которой тоже не хватало воздуха, с трудом передвигала тяжелые ноги: она уже несколько раз падала на пол и снова поднималась. Гришин, сам грязный и потный, в расстегнутой гимнастерке, неоднократно подавал ей руку, но она отказывалась и поднималась сама. Теперь как никогда каждый шаг давался ей с огромным трудом: стены, пол и потолок были мокрыми от воды. Грязь и слякоть то и дело хлюпали под ногами, ставшими черными. Её золотистые волосы сплошь были вымазаны в грязи, лицо и шея почти не отличались от монашеской одежды...

– Агата, ты как? – Гришин видел, что факелы с каждым шагом горят все хуже и хуже, и начал уже переживать сам. – Какого черта я ввязался в это дело? Может отбились бы там, в монастыре? Не то что здесь, в этой мышеловке из камня, грязи и воды... А там... Эх, погибать, так уж на свежем воздухе!

Однако, видя как мужественно борется с невзгодами Ага-

та и не стонет, падает и встает, падает и снова встает... Неожиданно ему вдруг стало стыдно от таких мыслей, особенно после того, как показалось, что смерть уже совсем близко. – Ты... Прости меня... Ну, за то... Там, в келье...

Агата ничего не сказала ему, лишь посмотрела. И тут же снова упала, не обратила никакого внимания на протянутую Гришиным руку и сама начала подниматься.

Гришин все больше и больше поражался Агате. Больше всего ему было невдомек, как такая женщина, хрупкая, беспомощная может бороться в этих условиях, когда сама смерть близко...

– Надо идти! Не трогай меня – я сама встану! Ты лучше посмотри на тех, кто позади: они уже в открытую ропщут! – и Агата показала на подпоручика, размазывающего по щекам слезы, и его компанию. – Если мы не найдем выхода, они разорвут нас на части и поубивают друг друга...

Новая волна ропота докатилась до Гришина, подтверждая правильность слов Агаты.

– Бгось ты его на хген! – крикнул подпоручик – зачинщик одному из молодых офицеров, который упорно нес на себе раненного в голову пожилого унтер-офицера, то и дело падая и поднимаясь с ним снова. – Сам ского сдохнешь здесь! Такие пговодники как эта девка нас пгямехонько на тот свет отпгавят! Ты чо, жить не хошь? Бегеги лучше силы...

– Вот что, Луковский... А ну замолчь! Хватит воду мутить! – словно злой дух вырос из темноты здоровенный

штабс-капитан Печников. Без всяких предисловий он поднес свой кулачище прямо под нос паникеру.

— А чо? Я пгавду говою: заведут нас енти двое! Как знать, может их кгасные подкупили! — и он покрутил пальцем в воздухе. — Да-да! Штоб нас в ентот каменном мешке без боя погубить! Так я говою, господа?

— А ну, замолчь, контра! — Печников схватил обеими руками за ворот мундира лежащего в грязи подпоручика и поднял. На лице Луковского появилось выражение неподдельного ужаса: кулак Печникова он уже не однажды на себе испытывал и хорошо знал, что это такое. И не ошибся: мощный удар в лицо опрокинул его прямо в грязь. Штабс-капитан вынул из кобуры маузер и обратился ко всем. — Еще раз услышу такие разговоры — пристрелю как собаку! Ты понял, Луковский?

— По-о-нял... — отозвался подпоручик, размазывая по грязному лицу слезы и вертя головой в знак полного согласия с Печниковым.

На время ропот улегся, но стоило Печникову вернуться на свое место, как бузотер продолжил свое брюзжание. Терентий, невольно оказавшийся в этой компании и заметивший, что на него начинают обращать внимание, решил побыстрее уйти вперед. Каждый шаг ему сейчас как никогда давался трудно: постоянно скребло в горле, заставляя то и дело хватать воздух ртом, как рыба, но в легкие снова попадала та же смесь, от которой подгибались ноги и терялись силы.

Уже не раз и не два он оказывался на полу и снова поднимался. Рядом с ним шли люди, опираясь на мокрую стенку, ползли сбоку, перемазанные в грязи и шевелящиеся как черви. Они были злы на всех и почти потеряли всякую веру в удачный исход дела. Пожалуй, только дикий страх да чувство стадности еще заставляло их шевелиться...

Гришин и Агата шли первыми, слыша всё недовольство и почти кожей ощущая злость идущих за ними людей. Казалось, остановись сейчас они хоть на минутку – и эти страшные люди вцепятся в глотку или растопчут, несколько не смущаясь от этого. Хотя бы потому, что двумя конкурентами на воздух станет меньше.

Гришин уже почти нёс на себе Агату: от голодовки и поста она совсем обессилела, а постоянная нехватка воздуха завершила свое дело. Но то, что сидело в этой женщине, то и дело отказывающейся от всякой помощи его, вызывало невольное восхищение ею. Стоило лишь однажды ему засомневаться в том, что они идут правильно, как её суровые глаза тут же начали издеваться над его ничтожеством. И, хочешь – не хочешь, а приходилось отбрасывать все свои страхи в сторону и идти дальше. И он шел...

К двери Гришин подполз уже один в почти полной темноте: Агата, прислонившись к стене находилась в глубоком обмороке. Увидев знакомый держатель фонаря и с величайшим трудом разглядев крестик на камне, он поднялся на дрожащих коленях и подошел к Агате.

– Агата... Дверь... – из горла вырвался дикий хрип. – Очнись...

И начал тихонько ладошкой ударять по щекам Агаты: раздался долгий захлебывающийся кашель, и глаза ее открылись. По его глазам она поняла все, пальцем показав на крест-ключ, который висел на ее шее. Гришин дрожащей рукой аккуратно снял ключ и тут же упал на колени – кончились силы. И лежал бы еще, да рядом оказалось женское лицо и губы, поцеловавшие его в щеку.

Его словно обожгли: и откуда только взялись эти силы? Он поднялся, обливаясь потом, вставил ключ с нескольких заходов и повернул его: знакомый скрежет металла об металл сразу же обнадежил... Но не у него одного появились эти силы: схватившись за ручку держателя, он с удивлением и обожанием обнаружил рядом маленькие руки Агаты. И с неведомой ранее силой повернул держатель.

В этот раз скрип и скрежет механизма звучал для них роднее любой музыки.

– Господи, помоги! Неужто это конец всех мучений? Господи, помоги повернуть держатель... – причитала Агата, уже не в силах больше сдерживать себя.

Сначала маленькая щель света и небольшой поток желанного воздуха, одурманивающий изголодавшихся по кислороду людей, ворвался в черноту подземного хода, увеличиваясь прямо на глазах и высвечивая то, что больше было невозможно скрывать. Вопль радости и надежды пронесся по под-

земному ходу. В этом вопле было все: и конец трудностей, и жизнь, и свет, и воздух, и вера в то, что их не предали... Поток свежего воздуха, устремившийся в подземный ход, совершал чудеса, исцеляя людей, совсем было потерявших надежду в удачный исход дела...

Теперь Гришин и Агата с удвоенной силой крутили держатель до тех пор, пока дверь не остановилась наполовину открытой: больше, как ни старались они открыть ее, дверь не открывалась! Теперь не получалось и закрыть ее: что-то хрустнуло в механизме и сломалось...

Около них уже скопилось много людей, которые требовали выпустить их на свежий воздух.

– Ладно, идите! – посторонившись, они стояли и вдыхали полной грудью свежий лесной воздух. Все же остальные, видя, что человек легко проходит через полуоткрытую дверь, устремились наружу.

Гришин бы и ушел с ними, да Агата вдруг развернулась и побрела внутрь. Хочешь – не хочешь, а пришлось и Гришину направиться туда же: не отставать же? К его удивлению, Агата помогала вставать человеку. Рядом с ней поднимал кого-то высокий офицер, в котором Гришин легко узнал Печникова...

Люди выбегали из подземного хода и вели себя по-разному: одни падали на покрывшуюся сильным инеем траву и целовали ее, другие смотрели на утренние звезды, улыбались, кашляли и дышали, дышали... Третьи, которых оказа-

лось большинство, просто падали там, где находили место и не шевелились...

– Дочка, ты их прости! – тихо сказал раненный в голову пожилой унтер-офицер, показывая на выходящего Луковского и его компанию. – Всяко бывает: кто со страху-то не становится бешаным?

– Бог простит... – тихо ответила Агата, помогая ему добраться до выхода: она уже давно забыла все обвинения, когда-то прозвучавшие в ее адрес. Невыразимое счастье, любовь к этим людям, совершивших такой трудный переход, причастность к той великой миссии, которой всегда славились русские женщины во время великих катаклизмов и войн, переполняли сейчас все её существо. Как никогда сейчас она чувствовала необходимость своего существования ради этих грязных, раненных, потерявших веру и надежду людей. Поэтому и была рада им служить...

Гришин, Агата и Печников вышли из подземного хода последними. Было раннее утро и лишь полная луна да чуть забрезживший рассвет говорили о том, что начинается новый день. По обе стороны хода лежали люди.

– Всем полчаса отдыха и в путь! – приказал Гришин и пристроился к Агате и Печникову, упавшим прямо у входа. На душе у Гришина было тревожно: нужно как можно быстрее уходить, но что-то не пускало.

Лишь закрыв на некоторое время глаза, он вдруг понял – это клятва, данная настоятелю. А мысли жили своей жиз-

нюю. — Да на хрена это нужно? Один черт в храме-то больше ничего не осталось! А красные так или иначе вот-вот возмрут монастырь... А потом — погоня! А у меня — раненные... Лошадей-то нет! Либо люди, либо тайна... Я выбираю — люди!

Он открыл глаза и вздрогнул: словно подслушав мысли, на него смотрели два женских глаза. Уж лучше бы не видеть этих издевающихся глаз. — Ну что, полковник Гришин, ты опять сдрейфил? Да, люди мне важнее какой-то тайны! Ну, и что из этого? И не смотри на меня так, будто хуже меня нет никого на свете! В конце — концов, я тоже жить хочу... У меня есть жена, дети...

И отвернулся, не в силах больше видеть эти презрительно ухмыляющиеся губы.

— Ты, вот что, Печников... Веди-ка ты их... — сам удивляясь тому, что говорит, обратился он к штабс-капитану Печникову. Но на душе вдруг воцарилось спокойствие от мысли. — Вот же стерва! Все-таки вынудила...

А потому, уже деловым тоном он продолжил свою мысль, хотя бы потому что видел улыбку Агаты. — Бери командование на себя! Я просто так уйти не могу: дал клятву обеспечить тайну этого хода. Ежели все будет хорошо — вас нагоню, а ежели нет — не взыщи... А ты веди всех на запад, к Деникину. Даст Бог, прорветесь!

Печников, который уже довольно хорошо изучил Гришина, знал, что если тот говорил с ним вот так, по-свойски, то

это означало, что спорить было бесполезно: решение принято окончательно и бесповоротно. Поэтому он просто кивнул головой...

А через полчаса они обнялись. И скоро только след на покрывшейся инеем траве и говорил о том, что недавно здесь прошло много людей. Лишь два человека молча смотрели вслед уходящим людям...

Меж тем Терентий выскочил через полуоткрытую дверь одним из первых и тут же увидел свой тайник.

– Косподи, да ить енто мой тайник! Так вот куды ведеть ента стенка, а я-то думал... – свежий воздух дал ему возможность все моментально обдумать. – Надоть спрятатьси! Я ж кажон кустик тута знаю... Пережду... А потом в тайник-от крест-ключ и спрячу! Ему понадобилось всего два десятка шагов сделать, чтобы спрятаться под густыми нижними ветками ёлки. Это была его ложбинка, и в ней он спал много раз, укрываясь от непогоды и глаз людских.

Кроме того, тут еще с прошлого раза сохранилась сухая трава. Поэтому его глаза тут же закрылись, стоило лишь поудобней расположиться...

– Агата... – Гришин посмотрел на отдыхающую монашку, в золотых кудрях которой запутались сухие травинки, а сами кудри были в большинстве своем грязными и спутанными. – Уходи и ты: вот – вот красные возьмут монастырь...

– Да никуда я не пойду! – резко перебила Агата, даже недослушав. – Я тоже дала клятву хранить эту тайну... И по-

ка не проверю, что все в порядке, никуда не уйду!

В словах ее было столько силы, что Гришин только руками развел. – Ну, что за человек: не баба, а упрямый осел! Вернее – ослица...

Молча, он обошел место отдыха. – Где же взрывчатка? Печников сказал, что Луковский нес ее. Значит, должна быть здесь! Но, что-то я не помню: была она у него или нет? Может здесь, где-нибудь? А что, если он оставил ее где-нибудь в подземном ходе? Или с собой унес? С собой – едва ли... В длинную дорогу, тяжелый вес... Нет, не возьмет – слишком уж свою шкуру бережет! Значит, надо искать где-то здесь или в подземном ходе...

Попытка отыскать взрывчатку на воздухе оказалась безуспешной, и он направился в подземный ход. Долго идти не пришлось: сумка со взрывчаткой лежала прямо в луже воды. – Вот, гад! Бросил сумку... А если взрывчатка намокла, что тогда?

Что будет тогда, ему даже подумать не хотелось... Выйдя на свежий воздух, он первым делом осмотрел взрывчатку. – Вроде не вся успела намокнуть... Заложу заряд где-нибудь на середине реки, рвану... И прощай, Верхотурье!

Гришин прилег у входа, положив взрывчатку на сухое место, а сам стал наблюдать за спящей Агатой. Невольно ему подумалось, что за всю жизнь он повидал немало женщин, но никогда и никого так отчаянно не любил как эту монашку, бывшую к тому же родной сестрой его жены. В голову

сами собой полезли мысли. – Корю ли я себя за измену ей? Нет, и не подумаю... И раньше изменял... Ну и что? Любил ли я их, тех женщин? Может и любил, а может и нет... Но в этот раз...

В этот раз было все по-иному: наконец-то повстречалась ему та женщина, о которой он всегда мечтал... И на тебе: война! Возможно впервые ему не хотелось воевать...

Агата тихонько подглядывала за Николаем, и вспоминала все, что было связано с ним. К тому же страх, обмороки, падения, подъемы – все прошло. Лишь чувство огромной благодарности от людей, спасенных ею, переполняло душу. Но и здесь она старалась остаться честной. – Да, мы это сделали! Пусть грязные, ужасные... Но нам и Господу нашему люди были благодарны за свое спасение!

Что-то необычайно нежное, ласковое вдруг проснулось в ее сердце и тут же отозвалось чем-то жгуче-недозволенным внизу живота. – Да, ну и что! Сама отдалась ему там, в келье... И не жалею! Нисколечко... Наоборот: протяни он ко мне сейчас руку...

Волна сильнейшего желания покатилась по ней, накрывая с ног до головы. Сама не зная почему, она протянула свою руку к Николаю и тронула его лицо. Тот вздрогнул и пристально посмотрел на Агату. словно некая искра желания проскочила между ними – и он и она вдруг разом поняли: вот оно... И потянулись губами друг к другу.

Легкое касание губ только раззадорило обоих – они на

мгновение вздрогнули и разошлись, но только за тем, чтобы с новой силой вернуться к прерванному чувству. Они вспыхнули оба одновременно, словно сухие спички: и он и она, пройдя через испытания подземным ходом, возможно, интуитивно понимали, что эта встреча – их последняя встреча. А потому, лишь на крохотное мгновение расставшись губами, они как чумные впились в друг друга.

Гигантские волны возбуждения захватили обоих. Мир закружился вокруг них, лишая себя всякой конкретики: он видел только ее, она видела только его... Она чувствовала и жаждала его, он жаждал ее... И не было им никакого дела до того, что рядом мокрая от инея трава. Мир для обоих сократился до одного, единственного человека: и это был тот, кого любили всегда... С чувством, что только смерть может их разлучить и помешать желанию быть вместе, бунтарский дух сдался, а душа благословила их чувство. И Агата застонала, ощутив в полной мере то, ради чего жила все это время...

– Я... Люблю... Тебя! – слова, произнесенные шепотом мужчиной всей ее жизни, были вершиной всего того фейерверка чувств, вспыхивающих раз за разом, в конце концов, приведших к взрыву всех эмоций... Легкий стон облегчения и светлой радости – вот о чем так долго она мечтала! И вдруг поняла: да, она победила всё, но за это придется дорого заплатить. Но сейчас, заново испытав это светлое чувство, уже была готова платить и благодарила Всевышнего, за то, что дал испытать это... Однако, это противоречивое чувство

благодарности и расплаты так сильно ударило в голову, что провалилась в какую-то бездну...

Когда Агата пришла в себя, она тут же вспомнила все то, о чем сказал ей Николай, и открыла глаза. Слезы выступили на лице, собирались в уголках глаза и стекали по щекам, оставляя след – это интуиция говорила о том, что вот-вот Судьба их разлучит. Закрыв глаза, бывшая монашка снова уткнулась ему в грудь лицом.

Николай тоже чувствовал это, но понимал иначе: перед ним стояла задача перекрыть доступ людей в подземный ход. Несмотря на то, что только что его охватил приступ любовного желания к женщине, которая ему была так необходима именно сейчас, он трезво обдумывал свои действия по выполнению поставленной задачи.

Агата не понимала то, что сейчас с ней творилось: она была счастлива и одновременно – несчастлива. Счастлива, потому что снова испытала невыносимо сладкое чувство слияния с близким человеком, и несчастлива, потому что знала: нарушив слово, данное Всевышнему, она подводит не только себя, но и того, кого любит. Именно это обстоятельство больше всего и грызло душу, не давая покоя. Именно это заставляло ее больше всего беспокоиться за его жизнь.

Но было и другое: она, наконец, отобрала его у сестры! Он был только ее и ничей больше... Но тут же приходило чувство вины, за то, что отобрала его у сестры и скоро придется отдавать... И прижалась к нему в последнем порыве.

Однако ее движение не осталось незамеченным Николаем и истолковано по-своему. — Господи, неужели же она почувствовала или узнала каким-то образом мои мысли? И, наверное, думает, что возьму ее с собой? Не женское это дело взрывать! Нечего женщинам лезть в мужские дела... Пусть даже и не думает! Но, ведь она просто так не отстанет, я ее знаю... Что-то надо придумать, иначе побежит за мной!

И Гришин, осторожно отстранив тело Агаты, резко ударил ее по челюсти. Та только мотнула головой и обмякла.

— Прости, любовь моя, но так будет лучше для нас обоих! — поправив на ней одежду, связал руки и поцеловал в губы. В каком-то порыве вдруг произнес. — Прощай, самая любимая женщина в моей жизни... И прости! Не могу я тащить тебя в пропасть, которая, видно, уготована мне... Хотя и не хочется, а придется... А ты должна жить!

Первый раз в своей жизни Гришин не обманывал женщину: за то короткое время, доставшееся ему после их внезапной близости, он успел обдумать все. И выводы оказались неутешительными: из двух частей пороха, который был приготовлен им в начале похода, осталась одна и та частично подмочена. Взорвать ею сам вход было невозможно. Остался один единственный выход — взорвать подводную часть хода, где между камнями уже не было такой крепкой сцепки. Но там были свои трудности и вероятность того, что сам Гришин при этом не пострадает, была очень маленькой. Смирившись со всеми неутешительными выводами, Николай и

принял нестандартное решение так поступить с Агатой, зная ее неукротимый нрав.

Наклонившись, он увидел маленький крестик на шее Агаты и большой крест на груди.

– Господи, спаси ее и помилуй! – прошептал он, перекрестился и осторожно снял маленький крестик, добавив. – Возьму-ка я на память о тебе...

С этими словами Гришин, закинув себе на плечи мешок со взрывчаткой, вошел в подземный ход.

Агата очнулась от боли в челюсти и поняла, что связана. Хотя и звучали снова в голове сквозь полузабытье все слова Гришина, но никак не могла себе представить, что это все делалось наяву. И только сейчас до нее дошло истинное значение его слов. Молча борясь со своей веревкой, она каталась по земле в поисках какого-нибудь предмета, который помог бы развязать ненавистные путы...

Гришин шел с факелом по подземному ходу, безуспешно ища то самое место, в котором от небольшого по мощности взрыва мог бы обрушиться свод подземного хода. Так шел он уже долго, пока такое место не нашлось: где-то почти на подъеме в щелях между камнями вода уже устремилась в подземный ход и бежала по стенкам тоненькой струйкой. Камни здесь едва держались. Но вокруг была одна вода и насыпать порох прямо на землю не представлялось никакой возможности.

– Хорошо хоть палку прихватил по пути... – подумал он,

привязывая к ней сумку с порохом. В последний раз оглядевшись вокруг, Гришин поднял сумку на палке к самому своду и поднес факел – Прощай, Агата! Прощайте все... Не поминайте лихом!

Наконец, Агата освободилась от веревки с помощью сучка, который успела подобрать на земле. Отбросив с ненавистью свои путы, она вскочила на ноги и бросилась в подземный ход. Не успела она сделать и пару шагов ко входу, как сильный взрыв где-то внутри его ударил по ушам, а взрывная волна вышвырнула наружу.

– Коленька... Миленький... Любовь моя... Жизнь моя... Родименький... Ну, что же ты наделал? – рыдания сотрясали ее тело, а руки сжимали мокрую глину. Она и стучала кулаками по ней, и пинала, и каталась по земле – ничего не помогало. Отчаяние и пустота, разом охватившее душу, никак не отпускали. Ясное осознание вины во всем произошедшем, ударило в голову сильнее молота. – Это я... Я во всем виновата!

Какой-то шум и искорка надежды, вдруг блеснула в душе. – А вдруг он не умер? А вдруг он нуждается в помощи, а она тут...

Разом прекратив истерику, в полубессознательном состоянии, она схватила почти погасший факел, и побежала в подземный ход.

Неясный шум чего-то перекатывающегося, сначала – тихий, а потом отчетливый, насторожил, но вовсе не прекра-

тил ее движение: она бежала по подземному ходу, падая и поднимаясь в надежде увидеть его живым, пусть раненым, но живым... Только когда ноги по пояс оказались в воде, и поняв, что вода и дальше прибывает, ей стало ясно, что же произошло.

Но и это не смогло остановить ее: она брела вперед против течения, пока не оказалась по горло в воде, а факел осветил свод, полностью затопленный водой. Здесь ход снижался.

– Все кончено... – обреченность и пустота вновь завладели ею: она говорила, совсем не обращая внимания на то, что разговаривает и кричит сама с собой. – Зачем мне жить без него? Он знал... Он знал о своей гибели! И пожалел меня... Зачем? Зачем ты это сделал? Зачем ты не взял меня с собой?

Словно в радужном сиянии перед ней вспыхнул образ Гришина, переливаясь всеми цветами радуги и отражаясь от воды.

– Агата! Я очень люблю тебя! Ты это помни! Вытерпи все... И сохрани нашу любовь! – образ его медленно расплывался, растворяясь и ведя ее к берегу.

– Господи, прости меня, грешную! Я поняла: ты хочешь моей жизни... И потому так мучаешь!

Она брела ко входу, мокрая, грязная, совершенно без сил, бормоча эти слова и странно глядя по сторонам.

– Посмотрим... – вдруг услышала она неземной голос и чуть не уронила факел из рук. Так и вышла из подземного

хода, ведомая неизвестным чувством в полубессознательном состоянии, не чувствуя ни рук, ни ног. Затем направилась к реке и побрела вниз по течению...

7.

Тот же день сентября 1918 года, г. Верхотурье.

– Ну, и кто тут Тимофеев Сысой бут? – молодой веснушчатый парень соскочил с коня и обратился прямо к Сысою, который оказался ближе всех.

– А ты кто таков буш? – новенькая и чистенькая гимнастерка, и буденовка разозлили Сысою. К тому же после ежедневной пьянки у него сильно болела голова. Красные глаза и нос комиссара отряда невольно выдавали своего хозяина. – Ишь ты, какой чистенькай... Откель пожаловал? Ховорь немедля: я и есть Сысой!

– Товаришш Тимофеев, ить мене сам командарм Мостовой к тебе и прислал! Грит: вязи яму пушку! Вот и вязу... – и красноармеец показал на пару лошадей, выходящих из-за дома под управлением красногвардейца к лагерю Сысою. – Сказывал, ты шибко просил...

– Просил, ишшо как просил! Вишь, вон тама, в монастыре, белые засели. Дак вот оттель и надоть их выколупнуть пушченкой-то! А ты сам-то стрелять из пушки умеешь? – после того, как чистенький красноармеец помотал отрицательно головой, у Сысою опять наступил приступ раздражительности.

Почему-то вспомнилась Дашка и ее отец. – Ишь ты: то-

жа мне, шалава, как ентот, хочеть чистенькой остатьси! Тута мирова революцья идеть, а оне – чистенькими...

Сысой усмехнулся и потрогал рыжие усы: невольно вспомнилось, как в последнюю встречу на ней изорвал все, что было, голой извалял в грязи за волосы после того, как изнасиловал. – Ну, и чо ишшо ентой шалаве надоть? Грит, сказать чо-то хочеть... А чо брехать-то бестолку? Ишь, как банный лист прилипла к заднице... Ну, не баба, а чистый репей!

– А ишшо командарм Мостовой велел тебе сказывать, штоба ты к яму самолично явился!

Но не слова, а лошадь чистенького красноармейца уже захватила все внимание Сысои: она била копытом, нетерпеливо кусала удила и мотала головой, не слушаясь своего ездока. Комиссар был восхищен. – Вот енто конь! Ну, как наш Буланко... Эх, отец, отец... Ить так и не нашел я вашу с маменькой могилку-то! Ну, как жа ты так?

Меж тем красноармеец, не в силах больше сдерживать коня, продолжил. – А ишшо ен велел передать тебе ентова коня...

От этих слов Сысой разом забыл все свои печали.

– Дак чо ж ты молчал, олух царя небеснова! – Он тут же выхватил из рук вестового уздечку и в два прыжка оказался на коне. – Как ево зовут?

– В конюшне звали Гром... – вестовой был явно недоволен таким обращением с посланцем самого командарма Мо-

стового.

– Не, я назову его Буланко! – имя коню он сказал, ласково похлопывая его по шее, потом ударил его по бокам и гикнул во все горло: гнедой немного присел, подпрыгнул и рванул с места в карьер.

– Вот... Черт рыжий! – восхищенно пробормотал вестовой, который так и не смог заставить скакать упрямца. Однако уже через минуту испугался за коня. – Ить загонит, как пить дать – загонит!

Сысой стрелой пролетел расстояние от одного конца Верхотурья до другого, пригнувшись к шее коня, и вернулся назад.

– Хорош конь! – Сысой восхищенно трепал по шее гнедого, послушно вставшего на месте там, где его остановил хозяин, соскочил и махнул рукой бойцу, ближе всех стоящему к нему. – Иди и накорми-ка хорошенько его. Так и скажешь: велел я! Да, передай тама усем: через часочек начнем...

С первого же залпа пушки двери монастыря слетели с петель и повалились на землю. Сысой со своей разношерстной командой с криками «Ур-ра!» ворвался в осажденный монастырь.

– Ну, полковничак, топерича держися! Щаз ты узнашь как с Сысоем ихрать в осаду! – кричал он на бегу, оставив в лагере своего коня. – Ну, иде ж ты, полковник? Чо, мене испужалси?

Но с каждым шагом его воинственное настроение падало:

воевать-то с ним почему-то никто не хотел! Он крутил головой и рубил воздух шашкой, однако, никто не отзывался. То же происходило и с его подчиненными. Кончилось тем, что он остановился.

– Дак куды жа оне усе провалилися? – Сысой зло покрутил головой во все стороны: противника нигде не было! От такой неожиданности ухмылка медленно сползла с лица, оставляя место растерянности и обиде. – Иде ж ты, паразит? Отзывайси, мать твою...

Гробовая тишина в этот момент для Сысоа была в тысячу раз хуже настоящей атаки. Но еще горше было смотреть на наглую и ехидную ухмылку Чистюли, который демонстративно вложил наган в кобуру, показывая Сысоа, как он относится ко всему случившемуся.

– И чо, стоило для ентова просить пушку? – вылетевшие необдуманно слова изо рта Чистюли ударили наотмашь Сысоа.

Плюнув с отчаяния и досады на землю, Сысой сорвался с места и побежал к храму в надежде обнаружить их там и доказать чистюле, что всё вовсе не так, как он думает... Но уже что-то, издевающееся над ним, внутри говорило ему: все это не просто так... Комиссар отряда грубо заматерился и дернул дверь в храм...

Первое, что сильнее острого меча ударило в самое сердце и поразило его, было то, что храм оказался пуст! Ни икон, ни утвари, на золоченого алтаря, ни богатого иконостаса...

Ничего! Как и в женском монастыре. Даже пол был чисто вымыт...

— Как и там... — противная, душераздирающая мысль, от которой сильно засосало под ложечкой и закипело сердце, тут же сдавила грудь и не позволила даже воздух вдохнуть. такой боли Сысой еще никогда не испытывал! Жгучий страх вдруг сковал руки и ноги. Кое-как добравшись до двери храма, победитель вывалился наружу. И все же, падая, успел пробормотать. — Ну, святоши... Спрятали! Ладно, мы ишшо похлядим, кто ково!

Упавший на землю их бесстрашный комиссар вселил ужас почти у всех красногвардейцев: некоторые, позабыв, что они больше в Бога не веруют, начали креститься, некоторые поминали нечистую силу, но большинство, в том числе и прибывший чистюля, тут же попятились от храма, бормоча, что никогда их нога не переступит порог столь страшного места.

Когда Сысой очнулся, вокруг никого не осталось из его подчиненных. Усмехнувшись, он вспомнил все и потрогал голову — боли не было. И снова гнев на тех, кто так бессовестно его обманул, вспыхнул в груди. Поднявшись, рванул дверь храма и вошел: боли не было. Тогда, осмелев, сделал еще несколько шагов, внимательно прислушиваясь к себе: боли не было!

Так, пройдя зал, кельи, коридор, совсем осмелел и начал думать. — Ничехо... Одне бинты. Ить были жа людишки, были! Но куды девались? А иде иконы? Иде золотишко? Ить я-

то помню – тута ево было немало!

Ответа на вопросы не было. И вдруг, как удар молнии, мысль. – Дур-рак, дурачина! Дак ить енто он тебе омманул! Увел людишек, унес золотишко, пока ты с Дашкой и бабами прохлаждалси!

От этой мысли, что он снова проиграл чертову кадету, Сысою стало еще хуже: снова острая как кинжал боль вошла в сердце и колоколом отозвалась в висках. Дыхание перехватило. Едва не теряя сознание, маленькими шажками, осторожно, держась за сердце, добрался до двери, открыл ее, и вывалился, разбивая в кровь себе лицо о мощеную камнем площадь...

Самые храбрые бойцы его отряда с нетерпением и тревогой ждали выхода из храма своего бесшабашного комиссара, который сам жил по своим законам и с них не требовал соблюдения дисциплины и морали. Однако такой случай был с ним впервые. И вот теперь, увидев, как Сысой второй раз вывалился из дверей, они с ужасом отхлынули от двери храма, боясь даже подойти к нему.

Их доблестный комиссар так и лежал бы у дверей, если бы не Чистюля, который маленькими шажками продвигался к Сысою, гонимый страхом перед всемогущим командармом, которому нужно было что-то докладывать, и любопытством.

– Товаришш Сысой... А товаришш Сысой? – невольно он осознал, что ему-то самому ничего не грозит: ведь это Тимофеев проиграл сражение, а не он! И в голосе его по-

явились требовательные нотки судьи. – Енто как прикажете понимать? Енто чо, вы тута целай месяц осаждали пустой монастырь? Да ишшо пушку запросили? Енто при нашем-то трудном положении на фронте?

Визгливый тонкий голосок вестового вернул Сысою к действительности: он пошевелился и поднял к Чистюле окровавленное лицо.

– Да были... Были тута белыя! – чуть ли не плача от обиды, произнес комиссар отряда, вставая с пола. Боль в сердце уже прошла, но вместо нее поселилась черная обида. – Были! Вот тока куды делися – не знаю, ну хоть убей!

На лице Чистюли появилась довольная улыбка. – Ну, чо, рыжий черт, пролетел? Так тебе и надоть! А то – Чистюля... Чистюля!

И уже с превосходством заявил. – Ну, вот чо... Я, как адъютант командарма Мостовохо, передаю яхо приказ: завтра утром следовать за мной в Екатеринбург! Прямехонько к командарму на доклад...

Чистюля, видя обескураженное лицо Сысою, смягчился. – Ну, чево выступать? Итак, завтра зарвавшийся комиссар, он же командир Красной Гвардии будет наказан. А потому, смягчившись, проникновенно добавил. – Передавай отряд кому-нидь из своих и айда у командарму...

Сысой, от того, что какой-то сморчок – Чистюля, его, красного революционного комиссара, пожалел, закрипел зубами так, что все его бойцы, знавшие крутой нрав его, рас-

ступились и отошли на безопасное расстояние. И не напрасно: вскочив с дикими глазами и сжимая рукой плеть, рыжий упрямец зарычал как дикий зверь и почти с разбегу запрыгнул в седло всего коня, оказавшегося неподалеку.

– До завтра у меня ишшо времечко есть! Я сам во всем разберуся... – крикнул он им и пустил коня в галоп.

Сысой был смят, уничтожен, переполнен обидой выше краев. – А все кто? Какой-то царский прихлебатель... Служака чертов! Ох, жаль с им не пошщиталси ишшо тоды... Много лет назад!

И, не видя ничего впереди себя, помчался, куда глаза глядят. Даже и не заметил, как спустился к реке и погнал коня через реку вплавь. Прохладная вода постепенно начала приводить разгоряченного Сысою в обычное состояние...

От взрыва Терентий вздрогнул и проснулся: холод уже охватил его руки и ноги, начало трясти. Быстро соображая, каким образом он здесь очутился, вспомнил все, что произошло, и разом облился холодным потом. Осторожно выглянув из своего убежища, удивленно увидел, как вылетела из выхода монашка и упала на землю.

– Монашка? Она-то чо здесь делат? А кто ж тоды тама? – вопросы, один за другим возникали у него в голове, не находя ответа. Терентий, замерев, спокойно наблюдал за тем, как монашка, в отчаянии покатавшись по земле, встала, взяла факел и снова устремилась в подземный ход.

– Тихо! – приказал себе наблюдатель, чувствуя, что го-

тов сорваться с места и направиться к своему тайнику, но природная осторожность и на этот раз победила. – Никто не знат... Ну и пущай не знают... А я ишшо подожду: мало ли...

И дождался ее выхода. Но ничто не тронуло его души, хотя и видел как вышла полусумасшедшая, мокрая и грязная женщина со слезами на глазах. Безучастно огляделась вокруг и, поникнув, побрела куда-то к реке.

Меж тем Терентия мучало любопытство. – Чо ж тако там? Почему монашка вышла така?

Не в состоянии совладать с ним, начал искать факел, который оставила чумная монашка, и только нашел его, как услышал некие посторонние шумы. Природная осторожность и возникший страх заставил его бросить факел в кусты и юркнуть в свое убежище.

Убедившись, что ему больше ничто не угрожает, дрожащими руками он начал расшатывать камень, закрывающий его тайник.

– Тута ты у мене буш в безопасности... – любовно погладив крест-ключ, обладатель тайны клада монахов положил его в тайник и поставил на место камень. – И никто окромя меня не знат про тебя!

Теперь можно было и расслабиться.

Сколько времени еще выжидал подходящего случая, Терентий не знал, но только покинул свое убежище только тогда, когда, оказавшись у реки, услышал выстрел пушки по монастырю.

Река, ровной полосой преградившая путь Сысою и отрезвившая его, неожиданно навела на совершенно безумную мысль. — А чо, ежели оне убехли через реку? Перелезли через забор и потихоньку перебрались. Тоды далеко не могли уйти с ранеными-то! А чо, время ишшо есть... Авось да и оправдаюсь перед командармом!

И он, вернувшись в отряд, взял с собой нескольких конников, с которыми и поскакал к броду. И первое, что увидел он, это был грязный монах. — Стой, монах чертов!

Хоть голос и был довольно далеко, но Терентий сразу же догадался, что это относится к нему. Не долго думая, поднял свою рясу и пустился бегом, пригибаясь как можно ниже, в верх от реки. Он то падал, то поднимался и снова бежал, гонимый страхом, особенно после того, как, оглянувшись, заметил двух красногвардейцев и рыжего детину в кожаной тужурке с наганом в руке. Пули, то и дело визжа, отбивали ветки, зарывались в землю, но беглеца не трогали.

— Косподи, помилуй: Ить так и убить может! — перекрестился свободной рукой беглец, после того, как пуля отбила ветку прямо у него над головой, внушая безотчетный страх. Терентий упал на землю и пополз как ящерица, стараясь как можно лучше слиться с землей.

Высокий лог, к которому приполз трусишка, обрывом уходил к реке из-за оползня, ежегодно отвоевывающего у земли значительную часть берега вместе с деревьями и их обломками. Но в том месте, куда приполз Терентий, несколь-

ко больших елей, сцепившись между собой корнями, никак не хотели уступать реке и ее пособнику. Поэтому, перевившись корнями между собой, из последних сил вцепились ими в оставшуюся землю берега, нависали над обрывом в виде крыши, обреченно смотря, как река Тура из года в год отвоевывала себе их землю.

Шорох листвы под ногами и топот ног красногвардейцев стеганули его по душе сильнее бича: от страха он вскочил и, сделав два больших шага, прыгнул с обрыва...

– Стой, монах чертов! – выстрел красногвардейца слился с криком монаха в момент прыжка. Довольный метким выстрелом, красногвардеец поглядел на напарника и добавил. – Ну, как, раскудрит твою телегу, ловко я его подстрелил? Поду-ка гляну.

– Рюмкин, лихоманка тя забори, ет-то чо ишшо тако? – отвернувший голову в сторону от выстрела Сысой, только сейчас увидел, как бородатый Рюмкин сунул свою голову в кусты, разросшиеся на одной стороне лога. – Ты чо, не собиращи монаха прихлопнуть?

– Ну, да и хрен с ем. Ты, Сысой, лучше сюды глянь! Дыра кака-то. – бородатый красногвардеец вынул свою голову из кустов и поманил комиссара к себе. – Подь сюды! А Семка-то и без мене с ем справится.

Сысой почесал голову, решая, куда ему податься в первую очередь: пристрелить монаха, а потом искать... И тут до него дошло. – Монах... Дыра... А ежели не дыра, а выход?

И, махнув рукой на монаха, он побежал к Рюмкину.

И действительно, подойдя к кустам и раздвинув их, Сысой увидел то, что искал.

– Вот те на! – ломая кусты, он устремился к выходу из подземного хода, совсем забыв про монаха. Теперь уже четко как капкан заработали его мысли. – Сначала монах, топерича – выход какой-то... Точно, подземный ход! А не связан ли этот ход с монастырем?

– Семен-от, вроде монаха-то подстрелил... – Рюмкин всегда боялся связываться с таким местами, где бывают монахи и черти, объединяя их в одно целое, которое всегда приносит несчастье. Еще особенно свежо было появление его комиссара из храма. Потому и появились потайные мысли. – Пойду-ка я отседа подальше: не иначе тут черти водятся! Я ить не Сысой... Даже близко не чета ентому рыжему черту!

Поэтому, медленно птясь от обнаруженного им входа, показывал пальцем на второго красногвардейца, который склонился над обрывом. – Мовет пойду помогу...

– Я те пойду! – Сысой поднес свой рыжий волосатый кулак к самому носу испугавшегося и растерявшегося Рюмкина. – Ты ж сам сказал: справитси сам, а ты пойдешь со мной!

Рюмкин ошибся: Сысой после храма уже сам боялся лезть один во все такие дыры. Потому и оставил Рюмкина. – Хоть не один... Верно, от Рюмкина толку нету, но не так страшно бут!

Он уже твердо решил, что войдет туда, но после того, как

выкурит козью ножку.

– Гришь, монаха подстрелил? – рыжий упрямец загадочно ухмыльнулся, вторя своим мыслям. – А чо, ежели оне из монастыря под землей, ходом? И под рекой?

От такой безрассудной мысли тут же отказался. – Не-ет, такова не мохеть быть!

И сам себе начал противоречить. – А ежели проверить?

От этой мысли даже стало жарко. Бросив недокуренную сигарку на траву, он решительно поднялся.

Рюмкин, еще раз с сожалением оглянувшись на Семку Колобова, который внимательно осматривал каждое дерево на обрыве и сам обрыв, сокрушенно покачал головой и перекрестился, хотя в Бога не верил.

Но тут Сысой увидел свежий отпечаток сапога. Сердце его радостно заколотилось. Молча, указав на отпечаток Рюмкину, довольный почти реализацией его предположения, зажег факел, который валялся неподалеку и вошел в полуоткрытую дверь. – Та-а-ак, отпечатки сапох. Это раз! Подстрелянный монах, это два! А енто значить – оне отсель и вышли! Ох, и дурак: как же я сразу-то не понял?

И руки его зачесались от сделанного открытия. От удовольствия он закрыл глаза и шагнул в дверь. Рюмкин, не престапно крестясь, шел за ним. Меж тем воображение Сысоа рисовало картины, одна другой хлеще. – Вот я перехватываю все белое войско у входа... Ну, чертов Хришин, берехись! Ты ишшо узнашь, кто таков Сысой! А Чистюле тоды

рожу намылю: неча брехать «Упустил! Прохлаждалси!»... А командарм орден на хрудь повесит! Не, Хришину сам пулю в лоб вкачу...

Однако, с каждым шагом под ногами почему-то все сильней и сильней чмокала и хлюпала грязь, пока он ясно не почувствовал: идет по воде. Осветив ее получше, тут же заметил характерные отблески от поверхности. Несомненно – это была самая настоящая вода и разлилась она по всему ходу. Увидев, как крестится Рюмкин, Сысой грубо заматерился, показывая подчиненному, что вовсе и не боится идти дальше, а так же по поводу факела, который погас в самый ответственный момент. Пришлось повернуть назад...

Тем временем красногвардеец Семен Колобов, крадучись подходил к обрыву, под которым он надеялся обнаружить раненного монаха. У самого обрыва он вытянул шею и осторожно заглянул вниз.

– Антиресно, ить был жа монах-от! Мне чо, померешшилося? – он протер глаза раз, другой и снова выглянул, на этот раз, вытянувшись над обрывом далеко. – Я ж сам видел, как подстрелил его. Ен жа ишшо свалилси!

Охотничий азарт вдруг овладел им: отложив немного в сторону винтовку, он вытянулся вперед, как только мог, чтобы осмотреть не только то, что было внизу, но и то, что могло оказаться под корнями.

– Да иде ж ен? – неудачно повернувшись, невзначай столкнул винтовку, которая, качнувшись, полетела вниз. Но азарт

был сильнее всякой осторожности. И не заметил, как начал говорить сам с собой – Тьфу ты, лешак, надо ж так... Не монах, а лешак тута был, не иначе! Как жа топерича быть-то? Чо вот топерича мне товаришш Сысой скажет? Дурак, ты, Семен, скажет! Не моги тебе доверять революющённое оружие! Ой, дурак, ты, Семен! Всё, пропал ты!

– Ду-у-урр-рак, ты, Се – мен... – донеслось тихо откуда-то снизу, с того самого места, куда упала винтовка: от страха у бойца руки затряслись. – Лешак, не иначе!

На всякий случай оглянулся: нет ли этого Лешака поблизости? И вздохнул с облегчением. – Нету...

Но, подумав, что этого мало, решил перекреститься на всякий случай, услышав. – Все-е-ё, пропал ты...

Терентий от страха дрожал всем телом, зуб на зуб не попадал. Мало того, что он каким-то невероятным образом успел ухватиться за корни ели и подняться вверх по сплетениям корней, спрятавшись в них, так теперь приходилось висеть почти в горизонтальном положении. Почти в полузабытии от страха, увидев свою кровь, и сам толком не понимал, почему повторял последние слова красногвардейца.

Надо ж было так случиться, что красногвардеец, озадаченный наличием Лешака, решил рискнуть и посмотреть вниз, под корни ели. Уж лучше бы он этого не делал!

Как только глаза красногвардейца увидели черное лицо с грязно– глиняной козлиной бородкой и всклокоченные и торчащие в разные стороны от высохшей грязи волосы, гряз-

но – глиняные лохмотья рясы, он вздрогнул и от страха съежился. – Лешак! Точно, Лешак! Господи, спа-а..

Отпустившись одной рукой, чтобы перекреститься, он не удержался и с криком: «А-а-а...» полетел вниз, потому что вторая рука не смогла удержать его...

– У-у-у, лихоманка тя заberi! – это вышедший из хода Сысой, услышав крик своего бойца, задрожал всем телом – Ух, и хреновое енто место! Лихое... То монахи, то лешие...

И начал скручивать дрожащими пальцами новую козью ножку из махорки, стараясь хоть как-то унять дрожь. – Слышь, Рюмкин, давай-ка, иди... Чо стоишь? Иди и разбе-рися, чо он там... орёт!

– Ага, как чо – так сразу: Рюмкин иди! Рюмкин бери! Рюмкин стреляй! – заворчал испуганный криком напарник и перекрестился. – Вона как там страшно: Семен ить здря не заорёт!

– Ну. ты ишшо у мене похovorь! – Сысой наконец закурил. Ароматный запах распространился по всему телу, туманя голову и приглушая страх. – Лучче сам иди, а то...

Рюмкин, быстро сообразив, какая смерть раньше наступит, ворча поднялся с травы и, ругаясь себе под нос, пошел в сторону обрыва.

Но и в этот раз Сысою не дали все спокойно обдумать: почти прямо за его спиной появилась Дарья и на этот раз почему-то она была совсем не похожа на себя обычную...

Дарья медленно шла лесом из сторожки отца домой, ре-

шив сократить путь. Жизнь ее с появлением этого рыжего черта Сысой так радикально изменилась, что она уже отрешенно и бесцельно жила все последнее время. Думы, одна горше другой, наполняли бедную девичью голову. – Чо стало со мной? Я ли енто? Иде ж моя девичья гордость и честь?

На эти и некоторые другие вопросы она никак не могла найти ответа, после того, как Сысой изнасиловал ее и сломал всякую волю к сопротивлению. Пожалуй, сейчас она больше всего была похожа на айсберг: верхняя часть, которая была над водой, еще как-то жила и сопротивлялась, а нижняя часть, бывшая под водой, была заморожена и как бы мертва. По сути дела, ей было уже все едино, что с нею будет, что с ее телом сделает этот проклятый Сысой, что скажут о ней ее знакомые... Это состояние почти полного безразличия, охватившее все ее подводную часть, все больше и больше распространялось и на надводную...

А сегодня она обнаружила, что не наступили месячные, которые должны были наступить еще неделю назад. К тому же ее начало рвать, да потянуло на соленькое... Что это значило, Дарья не хуже всех женщин знала. Вот и потянуло к отцу, да на свежий воздух. А когда не нашла его в сторожке и пошла домой, издали увидела небольшую группу вооруженных людей, среди которых был и виновник ее теперешнего состояния.

Злость на него накатила сама собой, ища выход. – Ежели

не женитси, убью его или себя!

Именно поэтому и появилась Дарья за спиной у Сысося, но оказавшись рядом, решительность ее куда-то улетучилась.

– Сысой... Ты меня слышишь? – Дарья, увидев отрешенно-злое лицо Сысося, пришла в полное смятение, но все же решила и дальше попытать счастья. – Слышь, Сысой, чо я тебе скажу...

Сысой оглянулся, посмотрел на Дарью как на пустое место, и снова отвернулся.

– А, это ты, кукизка... Чо тута? – казалось, неудачи последнего дня сломали несокрушимого Сысося, но это было вовсе не так. Вдруг откуда-то нахлынула злость на все: на монахов и полковника, на своих бойцов, на Дарью с ее отцом, которая к тому же сбила его с какой-то важной мысли. – Ты ишшо долго буш бехать за мной? Тобе чо, мало прошло-ва раза, курва ненасытная? Ну, дак я энто тобе устрою: весь отряд через тобе пропушшу! Ты ентова хошь? Чо прилипла как банный лист? Пошла домой! Все дефьки как дефьки – по домам прячутси, одна ты, курва ненасытная, за мужиками моташша, да ложисся под кажнова!

Дарья вспыхнула как огонь в костре, когда его разворошишь.

– И энто ты, рыжий черт, мене энто говоришь? – неожиданно для ее самой, последние слова растопили обледеневшую подводную часть Дарьи. Она вцепилась своими крепкими руками в его рыжие волосы и начала с силой мотать

непокорную голову из стороны в сторону, приговаривая. – Паразит, вонючо рыло, морда рыжая, сволочь проклятая! Да штоб ты сдох под забором, курошшуп хренов!

Сысой взвыл, схватился за голову, потом за руки, изловчился и вырвался из ее рук. Гнев на то, что какая-то баба может себе позволить делать больно ему, Сысою, яркой вспышкой затмил разум. Ударив ее по лицу, он отшвырнул Дарью на пригорок.

Но и Дарью охватил гнев на человека, виновного во всех ее бедах, да еще оскорбившего ее. Вскочив на ноги, она бросилась на обидчика, не чувствуя боли. Однако Сысой уже был готов к нападению и ловко перехватил ее руки.

– На тебе, рыжий мерин! – и Дарья неожиданно для себя самой плюнула прямо в лицо Сысою. Лишь на минуту он отпустил ее правую руку. Но и этого было достаточно, чтобы та залепила ему звонкую пощечину. – Будь ты проклят! Я-то, дура, хотела тебе сказать чо-то очень важное... А топерича не скажу!

Сысой был ошарашен праведным гневом и взрывом темперамента покорной служанки и приятно обрадован: он снова узнал в ней ту самую Дарью – неистовую, сумасшедшую, готовую к безрассудному риску. Такую, которая нравилась ему больше всех баб. Чо-то даже дернулось в нем... Но, вспомнив про досадное поражение, показал ей кулак и грозно двинулся ей навстречу.

Дарья и сама не поняла, почему все это так получилось, но

была рада произошедшему. Рада, что всё, наконец, выяснилось. А самое главное, стало понятно одно: на Сыся она может больше не рассчитывать! И на душе её возникло полное безразличие ко всему. Возможно, именно поэтому, видя, как Сысой с явной угрозой приближается к ней, она, запрокинув голову, громко рассмеялась, показывая ему, что совсем не боится его, лихо повернулась и завихляла бедрами на виду у Сыся.

– От, дура! – крикнул ей Сысой, для большей убедительности повертев у виска пальцем. – У – у, дуришша чертова! Дарья ответила ему непристойной частушкой.

Сысой плюнул со злостью на землю, чувствуя, как каждая новая Дарьяна частушка бьет его по лицу все снова и снова.

Дарья пела злые частушки одну за другой, притопывая и вихляя бедрами, и чувствовала, как нахлынувший гнев уступает место чему-то новому, ей доселе неизвестному. К тому же она видела, что ее такое поведение даже внушает уважение Сыся.

– Ну, чо тебе, ишшо? – победно крикнула она Сысю.

От какого-то непонятного хрипа красный комиссар оглянулся и увидел белого, как мел Рюмкина, который с раскрытым ртом тыкал пальцем в обрывистый берег.

– Да ховорь ты, лихоманка тя забери! – не на шутку встревоженный Сысой на минуту забыл о Дарье, чувствуя, что опять нарвался на неприятность.

– Он... Он... Тама! – только и произнес Рюмкин, с рас-

крытыми от ужаса глазами, продолжая показывать на обрыв, где прятался Терентий. – Готов...

– От дал нечистый мне помощничков! – возмутился Сысой, думая о Рюмкине и поворачиваясь к тому месту, на которое показывал боец. – А ну, ховорь толком! Хто хотов?

– Семен... Готов! – сказав самое главное и перевалив ответственность с себя, Рюмкин начал потихоньку наблюдать за Сысоем и Дарьей, чтобы правильной определить, чью занять сторону в ссоре мужчины и женщины. – А монах-то убег!

Сысой словно подкинуло чем-то: бросив Дарью и Рюмкина. Он побежал к обрыву. То, что увидел, вызвало легкий приступ рвоты: в луже крови, напоровшись на острый обломок березы, торчавший из его груди, лежал под обрывам Семен Колобов. Плюнув с досады и махнув рукой на бойца, не оправдавшего надежд, Сысой повернулся и пошел назад. – Хрен с ём.. А монах? Да пущай бежить! Как – нидь найду и ево... Щаз бы факел найтить...

Но тут на глаза опять ему попалась Дарья, с издевательской улыбкой глядящая на него.

– Ишшо раз ко мне подойдешь – башку сверну, поняла? – твердо произнес он. – Я чо тебе сказывал? Всё, ты свободна! Выходи замуж за ково хошь, поняла? Я тебе не любил и не люблю, поняла?

– Сволочь, ты, Сысойка, последня! Ли-кость, чо покажу! – и тут Дарья повернулась к нему задом, подняла высоко свой

сарафан, нагнулась и показала голую задницу, крича. – На тебе, курошшул хренов! Штоб ты сдох, рыжий мерин!

Ее дикий хохот на мгновение ошеломил Сысою. Однако он, подавив прилив стыда и сжав кулаки, броситься на нее не посмел. Да и было уже поздно: распевая похабные частушки про Сысою, Дарья шла к воде...

– Ох, ну и баба! – восхищенно пробормотал Рюмкин, провожая ее взглядом и хихикая. – Ишь чо выдумала: комиссару... да задницу!

– Ты чо ржешь как конь, лихоманка тя забери! – Сысой, подкравшись к хихикающему Рюмкину, изо всех сил дал ему пинка под зад. – Хоть Дашке не смок, да пушшай почитателю ее достенетца!

А вслух добавил. – Иди, ты у мене щаз нахохочесси!

Увидев злые глаза Сысою, Рюмкин проглотил свой смех и, задрожав как осиновый лист на ветру, повернулся и побежал туда, куда указывал палец Сысою, ворча. – Штоб ты сдох, рыжий мешок с дерьмом! Штоб к тебе твоя лихоманка и прицепилася! Штоб ты...

В подземном ходе они так и шли: впереди Рюмкин с факелом, за ним – Сысой с наганом. Между тем с каждым шагом уровень воды повышался, а свод понижался. Когда же вода стала им по пояс и факел высветил вокруг воду, подходящую к своду, Сысой остановился.

– Чо делать-то бум? – Рюмкин повернулся к комиссару.

– Чо... Чо... Нырать буш, понял? – в руках у Сысою наган

повернулся дулом к бедному Рюмкину, совсем растерявшегося от приказа комиссара. Хотя времени прошло достаточно много с момента, когда Сысой испытал жгучий стыд от последнего поступка Дарьи, но злость на нее не ушла. К тому же добавилось полное поражение на поле боя – От сволочь, ентот Хришин! Ить надо ж такое изладить – затопил ход! Ну, как топерича мне попасть в монастырь? Эх, усе летить к чертям собачьим! А ишшо ентот издеваться: вишь ли яму мою бабу стало жалко... Ну, погоди у меня!

И, толкнув в плечо Рюмкина, добавил. – Иди, паскуда, ныряй! Ишши ход...

– Побойся Бога, Сысоюшка... Я ить и в правду плавать-то не умею. Ну, как я тоды нырять-то смогу? Ить утопну! – в глазах Рюмкина застыл ужас: мало того, что идти пришлось по воде, так теперь и нырять придется в черную грязную воду.

– Ну, чо, как баба испужалси? Ишшо раз задержисси – пальну в тебе! – Сысой был неумолим: выстрелив из нагана в свод хода, он заставил сильно поколебаться пламя факела: ужасные чудовища в виде теней поползли по стенкам хода. Рюмкин сжался и оцепенел от ужаса. Глаза его закрылись, зажав нос рукой, он, как был, плюхнулся в воду.

Через несколько секунд он вынырнул, с жадностью глотнул воздух, моргая открытыми от ужаса глазами.

– Чо хошь делай со мной, но боле не могу – так шибко боюся! – Рюмкин перекрестился и встал перед Сысоем, смотря

прямо ему в глаза. — Уж лучше застрели!

Комиссар ядовито рассмеялся. — Ну чо, бабский прихвостень? Топерича знашь, чо такое настоящий страх?!

Сейчас Сысой был доволен собой. А чтобы показать, что он ничего не боится, разделся, передав все Рюмкину, и нырнул в черную воду.

Прошло немного времени, пока Сысой был под водой. Когда же он вынырнул, Рюмкин от страха даже присел, думая, что сам черт к нему пожаловал и перекрестился.

— Усе, пошли отседа... Весь ход завален! — от усталости, холода и злости Сысой не мог даже заматериться по-человечески, а когда вышел из хода, сил не осталось совсем. Упав на траву, Сысой смотрел на кучевые облака, до которых раньше ему совершенно не было никакого дела. Нащупав в кармане неполную бутылку кумышки, он вылил ее прямо в раскрытую глотку...

Дарья медленно шла у самой кромки воды. Рядом мирно текла река Тура, грустно наблюдая за сломанной жизнью очередного человека, который касался ее вод. Весело поблескивая своими перекатывающимися волнами, она как бы говорила. — Послушай, девушка! Все проходит — пройдет и это... Время как вода: перетерпел — и снова наступает что-то новое... Смотри на меня и делай так же! На пути моем много преград, но я их обхожу, ласково обтекаю и дальше иду — таково мое назначение! А ты свое знаешь?

И на сердце у Дарьи наступало прояснение среди плотных

грозовых туч, но ненадолго.

– Эх, Сысой, Сысой... – Дарья остановилась у воды как раз в том самом месте, откуда прыгал Терентий и упал красногвардеец. Стояла тишина. Сысой с Рюмкиным давно ускакали в город, а Дарья все бродила и разговаривала с рекой как с подружкой, которой могла поведать все самые сокровенные мысли и страхи. – Сволочь ты поганая! Я ить и сказать-то тебе хотела: ить робятко жду! Твой... А ты? «Свободна!» Да кто ж мене топерича с дитём – то возьмет? Подумал ба своей башкой... Вот и получатси: одна топерича дорога – в воду! И давно ба кинулася, да отца жалко: один – одинешенек остенетси...

Река ласково коснулась пальцев на ногах и снова отошла, коснулась и снова отошла, как когда-то гладил ее отец, когда маленькой Дашке было больно. И она успокаивалась. И боль уходила. Вот и сейчас, река не соглашалась с ее грешными мыслями. Удивительно, но Дарья это вдруг это поняла, и непрошенная слеза прокатилась по щеке. – Отец, где же ты? Почему не здесь? Мне так плохо, плохо... А тебя, как назло, нет рядом!

И глаза ее начали осматривать берег с надеждой увидеть отца. Так она и шагнула вверх, прямо под обрыв.

– А-а-а! – вскрикнула она, лишь только взгляд ее упал на красногвардейца. Страх стрелой пронзил сердце и, сама не зная почему, Дарья схватилась за живот, невольно защищая его и ребенка от этого страшного зрелища. Отшатнувшись,

она схватилась за ветки ели и неожиданно поняла: страшная минута слабости прошла, уступив место новому. Пришло время бороться, не за свою жизнь, а того, кто находился внутри.

И тот, кто находился в ней, немедленно напомнил о себе и о своем праве на жизнь. Позывы рвоты, один сильнее другого, переломили ее пополам и Дарья, согнувшись, начала выбрасывать вместе с остатками пищи все свои невзгоды...

Еще никогда измазанный сарафан так не радовал ее. Посмотрев по сторонам и не увидев никого, она спустилась к реке, на ходу снимая с себя измазанную рвотой одежду. Показав Сысою свою голую задницу, уже не было страха перед тем, что кто-то сможет увидеть ее голой. Поэтому, оставшись в одной нательной рубашке и завязав на поясе подол рубашки, она вошла по колено в воду и начала полоскать в воде свой сарафан.

Холодная вода обжигала и отрезвляла, не позволяя грешным мыслям проникать в голову. Быстро выполоскав сарафан, она развесила его на ветки упавшей березы и вернулась на камень, еще теплый от солнышка. Здесь улеглась на спину, и стала смотреть на облака, которым было явно не до нее и ее бед. Потом повернулась на живот и стала наблюдать за рекой. Тура тоже занималась своим извечным делом, невольно унося со своими водами ее горести и печали...

– Ну, и чо: рожу робеночка... Не я первая, и не последняя... Не лабута, чай, буду работать! Так и на ноги постав-

лю! – неожиданно произнесла вслух, уже не удивляясь этому. Река, радостно журча и обтекая ее камень своей водой, соглашалась с ее словами. Подумав об этом, Дарья улыбнулась в первый раз за весь день. – Вижу, вижу, подружка: и ты с моими словами согласна!

Сколько времени прошло, девушка не считала: успокоившись, она прикрыла глаза и задремала. Проснувшись она от хруста ветки и от ощущения, что кто-то за ней наблюдает. Хотя Дарья и не была красавицей, но телом своим было пригожа, и об этом сама знала. Вспомнив, что лежит на камне только в одной нижней рубашке и ее такую кто-то может увидеть, встрепенулась, смутилась, и побежала к своему сарафану, который почти высох на сломанной березке.

– Как я... – невольная аналогия березки с её сломанной жизнью, на которой только что висел сарафан, больно ударила в сердце, заставив навернуться слезам. – Вот и меня... Сысой сломал и бросил! Ой, лихо, мне лихо...

Черная туча беды закрыла недавнее солнышко на душе, заставляя капать слезам на сарафан. Но момент слабости прошел безвозвратно, и душа больше не отзывалась на ее слова.

Взгляд сам собой остановился на погибшем красногвардейце.

– Солнушко ужо на закат, а ен усе как живой! Ишь, глазищами своими так и смотрит в небушко... А ить не дело енто! – что-то теплое шевельнулось в душе и, сама не зная

почему, начала подниматься наверх, чтобы закрыть глаза покойнику.

Каждый шаг давался с большим трудом: было скользко на мокрой глине, да и склон был крутоват. Но было сейчас внутри неё нечто большее. Будто кто-то сверху, бестелесный, но всемогущий решил проверить, сможет она выполнить то, о чем недавно вслух заявила или нет?. И Дарья упрямо ползла вверх, назло всем и себе самой, доказывая свое право на новую жизнь.

И добралась до трупа. Передохнув, перекрестилась сама, прочитала молитву как смогла, и только после этого дрожащими руками закрыла бойцу глаза. Села на пенек и стала осматривать все вокруг. Что же заставило ее повернуться в сторону корней ели, наклонившейся над обрывом, потом так и не смогла вспомнить.

Но только то, что ведомые каким-то непонятным путем, глаза ее среди корешков точно нашли нечто очень важное, Дарья ощутила всем своим существом. Вздрогнув, она похолодела и начала креститься, приняв нечто за Лешего. Ноги ее от страха отнялись, язык примерз к зубам, а сердце готово было выпрыгнуть из груди...

И если бы не эти самые глаза Лешего, скатилась бы она по круче вниз! Но глаза... Жалкие, тоскливые, с такой же болью... Они не были страшными! И тут до нее дошло. — Это же глаза человека!

Внимательно присмотревшись, она увидела рваную, гряз-

ную одежду и руки, вцепившиеся в корни. Это был человек! Дарья перекрестилась. – Господи, спаси и сохрани!

А потом перекрестила Лешего. – Сгинь, нечистая сила!

Но нечистая сила не собиралась сгинуть. Это даже как-то обрадовало.

– Де-де-де-фь-кя... – еле слышно донесся до нее хриплый голос.

– Брысь, уйди нечистой! – уже смело произнесла она, по облику разглядев в Лешем монаха. Неожиданно вспомнился разговор Сысоя с Рюмкиным про какого-то монаха, которого искали они у обрыва. И от таких мыслей улыбнулась. – Монах?! Тот самый? Во, дает! Ишь как распластался на кореньях: и руками и ногами за корни хвататся...

Подошла поближе. – Точно, монах! Лежит себе на кореньях!

И усмехнулась. – Ну, Сысой, черт рыжай, ты хотел его прикончить, а я вот возьму и назло тебе помогу ентому монаху!

Мысль, проскочившая в ее женском мозгу, была приятна. – Хоть чем-то, да смогу отомстить подлому Сысою!

И страх, и неуверенность исчезли сами собой, оставив место практической сметке.

– Эй, монах, ты чо туды забралси? – начала она разведку. Монах глазами показал наверх. Дарья усмехнулась. – Ишь как сдрейфил Сысоя – до сих пор боится поднять башку!

И уже дружелюбно кивнула. – Слазь! Оне ушли... Тобе

как звать-то?

– Те-те-те-ре-н-тий... – произнес монах, стуча зубами от холода и едва удерживаясь от потери крови: если бы не удачное сплетение корней, на которое он улегся, столько времени на одних руках ему бы не продержаться было. Руки и ноги его затекли от той хватки, с которой цеплялся он за жизнь, особенно после того, как на его глазах красноармеец напоролся на острие сломанной березки. А под ним таких берез было несколько. Уже несколько часов он сжимал руками корни. – Не-не-не моку...

И тут Дарья увидела высохшую кровь на нескольких ветках. – Да он раненый! Ишь бледный какой... Как ен суды-то попал?

– Как попал, как попал... Чо, сама не знаю? Сысой несколько раз сказывал: через ход подземной... Бедненькай... Ишь, кровушки-то скока потерял... Как же ен сам-то сможет? Надоть помочь!

Еще раз осмотрев все вокруг, поняла: он один без ее помощи не выберется. – Ладно, обожди: щаз тебе помогу!

Дарья, оглядывая внимательно то место, куда забрался монах, удивилась. Во-первых, ясно стало видно, что он ранен в ногу и потерял много крови: кровь была на кореньях и земле. Во-вторых, от корней до земли было метра три, а то и больше. И как он умудрился туда забраться – было сплошной загадкой. Кроме того, под ним стоял частокол острых как пики пеньков берез и осин, в точности таких же как и

тот, который торчал из груди красногвардейца. Так что причина держаться изо всех сил у этого монаха была: спрыгни он вниз – лежал бы рядом с красногвардейцем!

Терентию в очередной раз повезло: рядом оказалась деревенская женщина. А это означало, что она может находить выход из любого положения. Собственно, все так и произошло: Дарья, увидев подходящую лесину¹¹ среди лежащих на земле деревьев, подтащила ее к монаху и поставила комлем вниз.

– Ну, чо, сойдет за лесоблю?¹² – спасительница покрутила ее так и смяла, пока дерево не встало намертво. – Эй, ты как там? Спуститься сможешь? Слышь, как там тебя, Терентий... Давай, спускайся! Ты чо, тута так и собралси весь век куковать?¹³

Монах покрутил головой, как бы говоря ей, что не собирается весь век сидеть на корнях и согласен спускаться. С трудом оторвал по одному пальцу от корней и перехватился. Так же медленно начал перемещать ноги, отчаянно цепляясь за корни и ища ветки лесины, которую держала Дарья. Под подбадривающие возгласы спасительницы он перенес сначала одну, а потом и вторую ногу на ветки лесины. Так и спустился. Монашеская одежда была вся изорвана, а потому ему не мешала.

¹¹ Лесина – одиноко стоящее сухое дерево (местное, разговорное).

¹² лесобля – лестница (местное, разговорное).

¹³ Век куковать – быть одному (местное, разговорное).

– Ну, ты чо, ишшо долго буш кукелиться?¹⁴ – Дарье уже начало надоедать изображать из себя спасительницу мужика, который своей медлительностью начал бесить. И плюнула бы на него, да неожиданная шальная мысль хлестнула в самое сердце. – Ну, а чем не мужик? Основательный... К дому такой бы шибко был хорош! Вот ба...

От этой мысли ей стало жарко. – А чо? Сысой-то сам сказывал: Свободна! Хорошева-то мужика топерича мне не видать...

Она вздохнула. – Да и это не мужик! Козлиная бороденка, тошший, монах... Вот возьму и сдам красным! Моget, Сысой ко мне и возвернется...

Видя, как Терентий медленно и осторожно спускается по лесобле, решила подхлестнуть его. – Вот возьму и сдам тебе красным! Нога-то у тебе раненая, един хрен далеко не уйдешь!

Монах от этих слов замер прямо на месте, где оказался. Дарья засмеялась своим мыслям. – Да ты, оказыватси, ишшо к тому жа и трусишка? Ну-ну. вот чево ты боишси!

И снова нагрянула та же шальная мысль, которую совсем недавно отогнала. – А почему бы и нет? Ишь, как боитси... А ежели ево заставлю? Скажу: сдам и баста!

Она усмехнулась, представив себя в роли шантажистки, и снова отбросила эту мысль.

– Ну, чо встал? Спускайси, уж... Так и быть – не скажу!

¹⁴ Кукелиться – делать медленно (местное, разговорное).

Но, пока... – неожиданно Дарья почувствовала, что ей нравится играть им, как кошка с мышкой. Невольно в памяти всплыл Сысой и то, как он играл с ней: то доводил до белого каления от злости и ненависти, то ублажал так, что теряла сознание, превращаясь в дикого зверя. Теперь же появилась возможность поменяться с Сысоем местами, только вместо него будет она, а вместо нее – Терентий. Монашек. А мысли снова вернулись к бывшему возлюбленному. – Все же подлай же ты, Сысой... Сволочуга! Ссильничал, а жениться кто бут? Ентот монашек?

Внезапно появившаяся шальная мысль приятно кольнула, обдав жарким потом. – А чо, ежели? Вот возьму, да и женю на себе ентова монаха! Жаль одно: монахи не женюτσι... А чо, ежели ен перестанет быть монахом? Ну, к примеру, умрет?

Подумала и добавила. – Для всех? Тоды чо? Одна лишь я и буду знать, чо по чем... Да ен! А все другия подумают – помер! А ежели ба ишшо бумаги каки выправить... Вот енто было б дело!

И взгляд ее упал на красногвардейца. – Ну, да вот хотя ба с ентова... Ен ить мертвай... Ему ж не к чему! А ентот ба жил... Ить един хрен красныя пымают!

Эта мысль была чудовищна и притягательна. И чем дальше Дарья задумывалась над ней, тем больше она ей нравилась. – Ну и чо, тока надоть усе изладить хорошо, тихо... Тоды и комар носа не подточит!

Пока у Дарьи рождалось это удивительное решение, монах медленно спускался по лесобле. В самом конце, когда его глаза встретились с лукавыми глазами спасительницы, Терентий оступился и полетел прямо на стоящую внизу женщину. Дарья, не успев отскочить, оказалась опрокинутой на землю и покатила вниз вместе с ним. Кончилось все тем, что она оказалась лежащей на нем. Так их глаза встретились теперь уже совсем близко-близко.

– Эх, и лабута жа ентот Сысой! – думал Терентий, ощущая всем телом выпуклости Дарьи. Несмотря на свое вынужденное положение, он слышал все разговоры, видел Дарью в одной рубашке и млел от одного вида ее. – От такой дефьки отказалси! Эх, да мене ба с ей... Ну, хоть ба разок! Эх...

– Ты куды пialiшь свои бесстыжи глазишши? – увидев, как он смотрит на ее слегка оголившуюся из сарафана грудь, она сначала возмутилась, а потом усмехнулась. – Монах, а туды жа... Усе вы, мужики, одинаковы! Легчить¹⁵ вас надоть! Да и тоды зариться будитя...

Вставала с него, не спеша, осторожно, чтобы не навредить. Аккуратно поправила грудь и начала заплетать волосы в косу: после стирки сарафана так и не успела привести себя в порядок.

Терентий с восхищением смотрел на длинные золотисто – коричневые волосы. Острая боль в плече заставила позабыть про волосы и Дарью. Он шевельнулся и тут же вскрикнул.

¹⁵ Легчить – кастрировать (местное, разговорное).

– Чо, больно? – нотки сострадания Терентий мгновенно уловил и на какое-то время даже забыл о боли. Это его приятно удивило, хотя настороженность после того, как Спасительница заявила о его сдаче красным, еще не прошла. Еще больше он обрадовался, когда она присела рядом и стала трогать пальцем рану на ноге.

– Рана-то большая... – озабоченно произнесла она, видя, как он дергает ногой при каждом прикосновении ее пальца к ране. – Кровишки-то много убежало!

Теперь и сам Терентий мог посмотреть на рану: все нога была в крови, а каждое прикосновение к ней вызывало большую боль. Первая попытка подняться самостоятельно не увенчалась успехом: он застонал и упал на землю снова. Увидев это, Дарья покачала головой.

– Дак, ты как домой-то пойдешь? – поняв, что сказала что-то не так, она удивленно выпучила глаза. Наконец до нее дошло: какой же у монаха может быть дом? И, чтобы скрыть свою оплошность, добавила. – А вдруг красные вернутси? И чо тоды?

– Слышь, красавица, спрячь мене от их, а? – как вылетели однажды им слышанные слова, Терентий и сам не понял, но теперь не жалел об этом: в том, что он посчитал Дарью красавицей, ничего необычного не было. Она и на самом деле была сейчас прекрасна: желание спасти несчастного монаха полностью овладело ею, поэтому совсем забыла о своем коварном замысле.

Но в словах монаха было столько страдания, что Дарья невольно вернулась к своей крамольной мысли, но с другой стороны. – Ну, какой из яво муж? Так, мокрая куриса... Не то што Сысой!

Спасительница потихоньку начала более заинтересованно разглядывать монаха, который неподвижно лежал на земле. И тут же вспомнилось все, что с ней сделал Сысой. – Ну, и чо хорошева дал тебе твой Сысой? Робеночка? Да позор на все Верхотурье?

Горький вздох окончательно расставил все по своим местам. Терентий удивленно посмотрел на нее, но ничего не сказал. Дарья же опять начала сама хлестать себя нещадно. – Ну, рожу... А как быть дальше? Кто отцом будет у робеночка? Сысой? Дак ен сбег, паразит проклятай! Думай своей башкой, дура нещасная! Щаз не до жиру... Моget, выручишь ентова придурка, а потом и ен тебе выручит!

Она проглотила слюну и снова отогнала эту мысль, показавшуюся ей уж слишком бессовестной. – А, будь чо будет... Не хочу, штоб все у мене было по-сысоевски!

– Да чо ж ты такой-то беспомощнай! Ладно, не горюй: помогу тебе! – сама себе удивляясь, говорила, смотря на монаха, от жалости к которому сжималось девичье сердце. – Господи, да давно ли мене-то самой нужна была помошш? Ить ужо и топиться собиралася... А тут... Ну и дела: чудно все в нашей жисти устроено!

И, покачав сокрушенно головой, пошла к красногвардей-

цу и начала осторожно снимать с него все, что было можно.

– Хошь помошши – переодевайси в евоную одёжу! – Дарья кинула ему портки, обувку, шапку с околышем, тужурку. Только рубаху она не стала снимать: уж очень она была окровавлена. – Сымай свой балахон...

– Дак как жо я енто сыму? Ить я ж монах: мене енто не положено!

Дарья замерла. – А вдруг ен откажется? Чо тоды?

Возможность изменить жизнь становилась призрачной.

– Ну, не хошь, как хошь! Мене-то чо, я и без тебе обойдуся... – с трудом сохраняя спокойствие, девушка всем своим видом показывала, что судьба бедного монаха ей совершенно безразлична. – Тоды – прошшевайте!

И собралась спускаться. Но руки, совершенно непослушные, между тем обыскали все карманы, и нашли бумажку.

– Не-е-ет, не уходи! Я согласнай... – монах опустил голову. – Чо уж там: один раз нарушил закон Божий... Дак чо тоды боле бояться, ежели конец один?

Однако Дарья истолковала его поведение по-своему.

– Подумай своей башкой, голова садовая: как я монаха спрячу? – постучав для большей убедительности пальцем по своему лбу, спасительница попыталась все-таки убедить монаха переодеваться по согласию. – Ить место монаха в монастыре. Как ево взять домой? Да меня же за енто красныя сразу к стенке поставят, а тебе – следом! Да ишшо раненай... Ентих вона скоко было побито да изранено. Думаш, кто-то

узнат? Мало ли кто иде лечитси?

И сделала обиженную физиономию.

– Значит так: али ты переодевашси в красногвардейца, али спасайси сам! Тока тоды я тебе не помошница... – ультимативно заявила она, уперев руки в боки.

– Я... Я... Я не буду... Больше! – как маленький ребенок, чуть ли не плача, произнес он, почувствовав тень смерти. – Я на все сокласнай... Тока ты... Не уходи...

– Тоды сымай свой балахон! – жестко приказала Дарья, подходя к нему и кидая к его ногам одежду красногвардейца. – Одевай!

Ту одежду, которую удалось снять с Терентия, Дарья с трудом и отвращением кое-как нацепила на труп. После этого помогла монаху одеться.

– Ах ты, господи, волосья-то шибко длинны! – увидев, что одежда красногвардейца пришлась впору монаху, теперь сокрушалась по поводу мелочей. – Ну, ладно, обрежем... Слушай, я снова забыла, как тебе зовут?

– Терентием... – отозвался без обиды монах, согреваясь в чужой одежде.

– Не, Терентий не пойдет: уж шибко на монашеско имя смахиват! – Дарья задумалась и начала чесать лоб. Однако тут же обнаружила, что какой-то предмет ей мешает это делать. И тут же вспомнила про бумагу. Повертев ее перед глазами и увидев буквы, тут же поняла: прочитать ее не сможет. Но не подала виду и спросила. – Ты читать-то по писаному

можешь?

– Могу. – подозрительно отозвался монах.

– А ну, прочитай, чо тут написано! – хоть сама Дарья читать и писать не умела, но в данном случае не могла позволить какому-то монаху перехватить инициативу. Поэтому и сделала вид, будто хочет проверить его. – На вот бумагу.

Терентий взял листок, сложенный пополам и смятый рукой Дарьи.

– Не моку разобрать... – Терентий шурился и злился: как следует он так и не научился читать и писать. И все-таки он не мог себе позволить так опростоволоситься перед какой-то «дефькой». А потому начал читать по слогам то, что было написано крупным шрифтом. – Крас-но-гвар-де-ец Ко-ло-бов Се-мен... Слышь, Семкой, стал быть еко звали... И меня Семкой мамка звала. До монашества...

– Ну вот. Ишь как хорошо-то: даже имя сошлось! – обрадовалась Дарья – Вот и буш снова Семкой! Собирайси... Да не забудь ту бумагу-то! Она тебе ишшо пригодится... Вставай!

– Чо-то я и встать-то не моку... Никак мене не обойтиса без твоёй помошши! – Терентий чувствовал, что сейчас произошло нечто очень важное для него самого: где-то подспудно он почувствовал, что монах Терентий становился прежним Семкой. И еще что-то: это было вовсе не связано с его спасением. На душе стало необычайно легко и весело. Такого с ним еще никогда не происходило. Неожиданно ощутив

нежную девичью руку, жгуче обдало его ранее неизведанным чувством необычайной притягательности женского тела. Рот сам собой растянулся в довольной улыбке, несмотря на слабость и боль во всем теле.

Дарье тоже понравилась его улыбка, но, неожиданно пришедшую симпатию к монаху, тут же скрыла, зато приобрела хорошее настроение. – Куды ж мене его отвести? В сторожку? Нет, туды низзя – отец закрыл ее на замок. Домой? Уж больно далеко ташшить... А придется! Там и подстригу... А чо отец скажет? А ни чо не скажет: про то, што ен монах молчать буду! Потихоньку дойдем по темноте: глядишь, никто и не узнат...

Она подхватила Терентия за пояс, а руку закинула себе на плечи, будто несла воду на коромысле с ведрами, и шагнула вперед. Однако, уже очень скоро поняла: ему нужен или костыль или палка. Без этого они не пройдут даже нескольких шагов. Скоро такая палка нашлась, и Дарья со своим спутником направились к лодке, на которой и переправлялась утром.

В дверь своего дома она постучалась темной ночью, когда все соседи уже спали.

– Дашка, енто ты? – услышала путешественница родной голос отца, пытаясь понять по его интонации, в каком настроении тот находится. В голосе отца явно слышалась тревога. – Иде тебя черт носит? Тута тебе усе обыскалися...

– Открывай, батюшка скорей: со мной гость! – Дарья са-

ма удивлялась себе: еще утром, встав ни свет, ни заря, обреченно ожидая большого позора, решила умереть, после того как поговорит с Сысоем, к концу дня стала совсем другой – решительной, сильной и спасающей раненного монаха. И такая себе даже нравилась! И все-таки последние слова отца задели за живое.

– Кто? – по больному резанула приятно мысль. И легко закружилась голова. – Неужто Сысой? Одумалси, паразит. Значит, все-таки любит!.

– Как кто? Подружка твоя, Варька. – отец все еще пытался разглядеть гостя и не заметил, как покраснела дочь – будто кто-то невидимый вылил на нее ушат холодной воды, вернув ироничное настроение. – Ага, дожdessи! Бут тебе Сысой вертаться, как бы не так!

– Ну, и чо ей надоть? – жестко по-мужски произнесла искательница приключений: сейчас она сознательно мстила всем мужикам за то, что один из них так подло предал ее. Но другая мысль заставила ее замереть. – Варька! А чо, ежели Сысой решил передать чо-то с ей? Моget, ен передумал и ишшет ее? И с тревогой и надеждой стала ждать ответа отца.

– Да она хотела тебе передать, мол, лабута, твой Сысой-ка, да подлец! Бросил усех и ускакал с кем-то из начальства в Катеринбурх. Вроде даже насовсем! – последние слова, внимательно рассматривая бледного Терентия, отец Дарьи произнес с особым удовольствием. – Ну, чо я тебе говорил? Дерьмо, твой Сысой!

Он Сысоя ненавидел лютой ненавистью, но ничего с ним не мог поделаться. Кроме того, подспудно ощущал, что ненависть была взаимной.

– Он такой же мой, как и твой! – жестко отрезала Дарья. – Все, топерича отступать некуды!

И слезы невольно навернулись на глазах. – Помоги-ка мне не лучше: вишь, раненая!

Анфим Захарыч с удивлением смотрел на длинноволосого мужчину с козлиной бородкой в одежде красногвардейца, почти висевшем на Дарье.

– А енто ишшо кто таков? – проведя свечкой около лица Терентия, ехидно усмехнулся. – Ли-кося, кажись, монах... Тока в одеже красногвардейцев! Ну, Дашка, ты даешь!

– Вы, папенька, вот што... Попусту-то не болтайте тово, чо не знаетя! – Дарья деланно рассердилась. И все-таки не смогла скрыть от отца довольную улыбку. – Молодец, батя: быстро раскрыл ее уловку!

Но скоро на место удовлетворения от проделанной работы пришли другие мысли, и Дарья сдвинула к переносице брови. – Как жа, ежели ен так быстро раскрыл, то и другия смогут?! Надоть побыстрее сбрить бороденку, да остричь волосы!

Но, чтобы снова навести тень на плетень, вытащила из кармана Терентия-Семена бумагу и подала ее отцу. – Красногвардеец ен раненая! Вот и бумага на то имеется. На той стороне нашла: тама и ранили!

– Угу... – Анфим Захарыч было, рассмеялся в кулак, но, увидев сурово сдвинутые брови Дарьи, тут же кивнул головой. – Ну, ладно, мне-то чо... Ваше дело молодое! По мне, уж лучше монах, чем энтот вурдалак Сысойка.

И уже по-деловому предложил. – Устала, небось? Давай-ка, дочка, помогу тебе!

Затащив почти совсем обессиленного от потери крови Терентия– Семена в дом, отец начал помогать дочери.

– Дай-кось гляну на рану-то... – Он наклонился к ноге монаха: распухшая и бело-голубая, она все же еще была жива. – сказалась помощь Дарьи. – Ну, ни чо, дочка, подыдем! Вот тока шибко оброс красногвардеец-то. Да бороденка жидковата... Ну, ни чо, подправим! Тока надоть срочно температуру сымать: как ба не помер... Ишь, как горит?!

И, подмигнув заговорщически дочери, пошел за ножницами.

8

Конец октября 1918 года, г. Верхотурье.

– Ну, чо, Семен, проснулся? – Терентий сразу-то и не понял, что эти слова относятся к нему. Круглое лицо Дарьи выплыло откуда-то из тумана: от тона и улыбки ее Терентию–Семену даже стало как-то невероятно хорошо и спокойно. – Эк тебя прихватило: три дня бредил! А чо болтал?! Чо болтал! Но топерича усе – очухалси...

– Кто болтал? Чо болтал? – испуганно произнес Терентий–Семен. Хуже острой стрелы пронзил страх. – А вдрук

разболтал про клад? Али про то, как убил настоятеля и монаха? Сердце закололо, а руки заledenели.

– Как чо? Про коров, да про коров... – усмехнулась Дарья: она-то прекрасно поняла всё из того, что слышала от монаха. И про клад, и про настоятеля... А сейчас раздумывала на тем, как бы это получше использовать. – Сказать ему или нет? Нет, пока не скажу... Но намекнуть бы не мешало! Мало ли? Авось да понадобится. Топерича с ем можно делать усе, чо хошь!

Но для проверки, так это или нет, добавила. – А ишшо болтал про то, как шел по подземному ходу!

Терентий-Семен замер и беспомощно посмотрел на спасительницу. Да и сама Дарья тут же вспомнила, как два дня назад приходила к ней Варька и долго рассматривала Терентия-Семена, тихо сопящего на тахте. Потом, лукаво посмотрев на подругу, тихо ей шепнула на ухо: «Жени ево, Дашка, на себе! По роже видно – мужик-то ласковой! Не то што тот гад!» Варька даже не стала называть его имя, но Дарья и без этого знала, к кому это относится.

Ей и самой уже однажды приходила такая мысль, но после наущения подружки решила все более детально обдумать. А после того, что слышала во время бреда монаха, и вовсе не сомневалась в успехе дела. Отец, как всегда, дневал и ночевал в сторожке. Никто, кроме неё, его бред не слышал, так что сохранение тайны зависело только от нее. Вот и сейчас они были в доме одни. И все-таки вот так бессовестно по-

сысоевски загонять в угол монаха ей не хотелось.

– Слышь, Семен! – Дарья села на тахту рядом с монахом и придвинулась так близко своей полной грудью к нему, что тот тут же ощутил тепло и почувствовал запах женского тела. У него даже перехватило дыхание. Сглотнув, он устоялся сначала на ее упругую грудь, а потом на лицо, по которому блуждала легкая усмешка. Истолковав по-своему движение его кадыка, хозяйка встала и ушла, а через несколько томительных минут появилась у тахты больного с чашкой похлебки и ложкой.

Без лишних слов зачерпнула похлебки и начала кормить его как маленького с ложечки. Монах, давно не евший ничего за время болезни, почувствовал как живительная жижа начала свой путь, отогревая его душу и тело. Взгляд его то и дело попадал на голое тело выреза Дарьиного сарафана. Сначала он смущался и отводил свой взгляд, потом перестал смущаться и глядел, почти не отрываясь, на ее грудь. После того, как хозяйка перехватила его взгляд, она усмехнулась и спросила в открытую. – Ну, как я тебе, нравлюсь?

От этого вопроса Терентий-Семен даже поперхнулся. Дарья засмеялась и тихонько стукнула его по спине.

– Ну, дак как, хошь жениться на мене? – по тому, с какой угрозой прозвучали эти слова, Терентий-Семен вдруг сделал вполне ясный вывод. – Она все знает!

И еще больше растерялся. Дарья же впиалась в него своими глазами. – Ну-ну, давай, монах чертов, только отка-

жися... И я тута жа отдам тебе красным! Пушшай разбираются, кто ты есть на самом деле!

У Семена закружилась голова. С одной стороны полезли мысли. – Эх, жанитьси ба на такой бабенке, как Дарья, да завести семью, да жить в свое удовольствие!

Терентий-Семен даже прикрыл глаза. Но тут же пришли сомнения – Дак как тоды быть с монашеством? А вдруг Все-вышний накажет за то? Но ить не наказал жа? А как быть со свободой? Ить тока и вдохнул ея... Кака, свобода? Вон она как сказала: бредил, разболтал... И про клад знает, и про настоятеля... Какая уж тут свобода: к стенке не те, так эн-ти поставят за то... Уж лучше рядом с такой бабенкой! Ишь, какая мягкая и сладкая...

Снова сглотнул слюну и хрипло произнес. – Хочу...

Теперь уже Дарья кормила его с ложечки как своего, родного, совсем не стесняясь и намеренно, то и дело, слегка оголяя грудь. А когда тот поел, взяла его руку и положила прямо на нее.

Терентий глубоко вздохнул, почувствовав упругое полушарие, совсем ошалев от сладких мыслей. – Уж лучше енто, чем кандалы тюремныя!

– Да ты не бойсь: я отца Георгия позову – он хороший знакомый мово отца. Дома нас и обвенчат безо всякова... – по-своему истолковала Дарья его вздох. Но тут к ней пришла иная версия и хозяйка нахмурилась. – Али мене сходить к красным и сказать имя, кто ты есть на самом деле?

Терентий-Семен вздрогнул и резко оторвал руку от теплой груди. Теперь он уже не решался снова положить ее туда же, хотя и хотел. Холодный пот ручейком побежал по спине. – Да ты чо тако подумала? Я ж сокласнай! Тока мене ишшо трудно пока ходить...

– А-а-а, а, а я-то подумала... Значит, все дело в ноге? – видя, как усердно монах качает головой, Дарья усмехнулась. – Да ты ж дружок-от, видать трусоват не в меру... Ну, чо ж, выбирать-то не приходится: уж какой попалси!

Выглянув в окно, увидела как отец подходит к дому, махнула ему рукой и направилась к дверям. Все это время она презирала себя за то, что вот так, грубо, по-сыроевски, женила на себе мужика. Но при встрече с отцом уже остановиться не смогла, рассказав ему свой взгляд на все происходящее, и направила к священнику.

– Отец-то уж пошел за священником... Ты как? Надоть ить одеваться. Я одежонку-то твою, красногвардейску, постирала и да залатала. И не забудь бумажонку-то, а то ить не поверют. Не забыл? Ить ты топерича Семен Колобов!

Терентий покорежился: чувствуя, что делает нечто духовно противозаконное, но ведь он спасал свою шкуру. – А чо? Жистя дороже... Куды ж топерича деваться: придется жаться. Ну, не на карке жа, а вон на какой баской дефьке!

И облизнулся, представив, как исцелует ее справную фигуру от головы до ног.

– Ишшо успеешь! – перехватив его взгляд, улыбнулась Да-

рья: она прекрасно видела, как пожирал ее фигуру глазами будущий муж. – Вот, женисси, тоды и делай, чо хошь, а пока глотай слюнки, миленькай!

Неожиданно Дарья поймала себя на мысли, что легко и с удовольствием назвала Семена «миленький»: почему-то раньше она думала, что никогда к этому монаху у нее не появится симпатия.

Анфим Захарыч предупредил Варьку и привел отца Георгия очень вовремя. Дарья уже успела одеть Семена и переделась сама, а Варька, прибежавшая сразу же после прихода отца подруги, стояла рядом с ней, то и дело шептала что-то подруге на ухо, играя своими густыми бровями, и улыбалась. Дарья только успевала отмахиваться от ее слов, как от надоедливых мух.

Обвенчали их быстро и просто: ни у кого даже не возникло никаких сомнений, что все подстроено. Дарью вел к венцу отец, а Семена – Варька. Отец Георгий, взяв руки Дарьи и Семена, сложил их, спросив при этом их согласие и, особенно не досаждая молитвой и церковным порядком, объявил их мужем и женой. Считая свою миссию выполненной, он сел за стол вместе с Анфимом Захарычем и Варькой, выпил изрядную порцию кумышки и закусил, взял с собой в качестве платы литровую бутылку этого зелья, маленького порося, которого все-таки заставил его взять хозяин, и, распевая песни, удалился домой.

Семен от кумышки захмелел быстро: хоть он и наелся то-

го, что было на столе до отказа, но мутная, обжигающая жидкость все-таки взяла свое. Он едва понимал все то, что проделывали с ним Дарья и Варька, хихикая и издеваясь, когда затаскивали на сеновал. Семен был счастлив: все мысли его были заняты только одним... Варька, подмигнув подружке, пошла домой.

– Ну, муж мой, Семен Колобов, бери свое! – Дарья горько усмехнулась, понимая прекрасно, что здесь всё шито белыми нитками. Но ради будущего ребенка, она должна доиграть свою партию до конца... Поэтому быстро разделась и легла рядом на душистое сено.

Уж на что Семен был сильно под хмельком, хоть и это несомненно придало ему некоторую храбрость, но тут, увидев прекрасное голое тело жены, не удержался. Это было нечто большее, чем хмельная жидкость. Это было живое и влекущее к себе тело! Когда же его руки коснулись полных грудей ее, которые она сама подставила под его руки, и начали ощупывать, изучать и гладить все овалы и впадины тела, нечто ранее невиданное зажглось где-то там, внутри... Он и не заметил, что чьи-то нежные руки сами направили его туда, куда нужно. Как все произошло, Семен и не понял, но отдавшись ранее неведомому чувству, он уже боготворил эту женщину, подарившую ему взрыв блаженства, дарованное ему Всевышним и его женой...

– Я люблю тебя! – самозабвенно шептал он слова, которые когда-то где-то слышал, но никогда ранее не говорил и не

мыслил говорить. Нечто невообразимо новое заставляло его касаться ее губ, тела и испытывать целую симфонию чувств.

— И люби! Ведь я — жена твоя... — будто во сне слышал слова, звучащие внутри него, словно песня.

Что он еще делал и как уснул, потом никак не мог вспомнить. Однако когда проснулся, снова увидел голое тело лежащей рядом Дарьи, смешанное с запахом сена и неожиданно понял: этот запах он полюбил на всю жизнь! Прикрыв глаза, пытался вспомнить все, что вытворяла с ним Дарья, основательно обученная Сысоем, и удивлялся, приятно улыбаясь.

Сама же Дарья лежала рядом, притворившись спящей, и одним глазком наблюдала за мужем, тоже невольно увлекшись воспоминаниями прошедшей ночи. Когда же он, осторожно положил свою руку ей на живот и погладил его, сильное влечение, подогретое яркими воспоминаниями прошедшей ночи, вспыхнуло в ней с новой силой, очищая от всего злого и грязного, что досталось от Сыся. Когда же их губы, изогнутые в улыбке, встретились, ночное приключение повторилось с новой силой, более яркой и возвышенной...

— Косподи, благодарю тебя! — прошептал проникновенно Семен. Чувствуя свою вину перед Всевышним, бывший монах по достоинству оценил ту благодать, которая была ниспослана ему перед страшным наказанием. Кроме этого, он был благодарен и жене, одарившей его такой любовью, и теперь отдыхавшей рядом, после того, как все кончилось. — Я хоть узнал, что это такое... Какая она бывает... Ента любовь!

Глава 2. Конец прежней жизни

1.

Конец октября 1918 года, г. Пермь.

– Давай, Сысой Минейч, заходи! – молодой посланец, с которым Сысой добирался до командарма Мостового, махнул ему рукой с подножки вагона, где располагался штаб.

Обойдя в вагоне вестового, Сысой незаметно вытер пот со лба тыльной стороной ладони и вошел в открытую дверцу.

– Можно, Серхей Серхейч? – Сысой сознательно пренебрег правилами обращения младшего к старшему по званию вовсе не потому, что не знал или не соблюдал их. Наоборот, всячески приветствуя все формы возвышения начальства над подчиненными, он сам стремился к тому, чтобы побыстрее занять их место. Но сейчас он был виноват, и спасти его могло только что-то необычайное. Хоть Мостового, тогда еще не командарма, а простого подпольщика-большевика, Сысой знал по тюрьме, когда тот был простым Ионой Моисеевичем Зиренштейном, но сейчас на это знакомство не очень рассчитывал, чувствуя свою вину в провале операции в Верхотурье.

Невольно вспомнилось революционное прошлое, когда судьба свела его с Ионой и то, как вдохновенно старший товарищ рассказывал молодому Сысою о том, каким должно быть коммунистическое будущее, где «никто станет всем»...

Тогда тюрьма невольно их сблизила: Сысой даже привязался к своему сокамернику как родному отцу и как губка впитывал все новое, которое поведал «товарищ Мостовой», близко знакомый с «товарищем Троцким». И знакомство это очень пригодилось потом, когда понадобились Троцкому такие люди, как Мостовой и Сысой. Вот так и стал он комиссаром отряда Красной Гвардии.

– А-а, Сысой! – Мостовой в защитном кителе и голифэ, с бородкой и усами под Троцкого, быстро подошел к Сысою и пожал ему руку. Сысой еще не знал, что решение сменить гнев на милость пришло ему спонтанно только сейчас: едкая усмешка еще блуждала на лице, говоря наблюдательному человеку о том, что поступок Сысою просто так ему не будет прощен. И Сысой это скорее почувствовал, чем увидел. – Слышал, слышал... Как же ты упустил целый полк белогвардейцев? И что прикажешь мне с тобой делать?

Однако комиссар тут же понял, что хитрый Мостовой хотел руками самого Сысою разделаться с ним, но не учел того, что тот за время тюремного общения на каторге успел хорошо изучить своего напарника по камере. И рыжая бестия принял игру. – Ну, раз так? Не хошь наказывать сам, ладно, я тебе помоху! Щаз хлавное – сбить пыл в самом начале и во всем повиноваться...

– Ну, чо, виноват, батько, руби шею! Крухом виноват: прости, дурака, Серхей Серхеич! – и Сысой вытянул шею, нагнув ее перед командармом. – Руби!

Мостовой смутился: перед таким напором он всегда пасовал.

— Ладно, повинну голову меч не сечет! — уже милостиво произнес он, слегка потрепав по Сысоевой шее. — Так как ты думаешь, куда они могут пойти?

Мостовой, уже остыв, подвел виновника к карте. Однако тот, уставившись в огромную карту, как баран на новые ворота, фыркнул про себя. — Да пошел ты куда подальше со своими кружочками и флажками. На хрена мене енто?

И тут с его языка сорвалась спасительная фраза, которую любил говаривать Петрищев. — Я ить кикидемииев-то не кончал! Откель жа я знаю?

— Вот-вот... А должен бы! — как бы между прочим заметил Мостовой и подошел к своему столу, раскурил трубку, рассматривая своего подчиненного. — Вот она, матушка Гусь! Гядом со мной стоит мужик, котогый в военном деле ни хгена не понимает, но в доску наш! И так вот повсюду...

— Дак оне, енти охвицера, ишь чо удумали... — почувствовав нависшую угрозу каким-то звериным чувством, Сысой начал оправдываться. — Полк вместе с монахами провели под рекой по подземному ходу. А потом его же и взорвали. Хитрушшия сволочи! Вот так и омманули... Вот ежели ба оне воевали с такими же как оне сами, тоды ба мы посмотрели, кто из них умнея!

От последних слов виновника, Мостовой неожиданно встрепенулся. Глаза его заблестели, на лице появилась хищ-

ная улыбка. Он быстро подошел к Сысою и обнял его за плечи.

– Сысой, друг догогой! Да ты совсем не понимаешь, что щаз мене подсказал! – к удивлению Сысоя, Мостовой быстро подошел к шкафчику, вынул оттуда бутылку водки с двумя стаканами, поставил их на стол. Отложив в сторону трубку, налил по полстакана водки. – Ты, может и сам того не понимаешь... Ведь ты меня спас! Так выпьем же за успех!

– За успех чево? – Сысой недоумевал – Мене-то чо? За успех, так за успех! Главное выволочки не бут... И чо я такова сказал? Вот, еврей, хренов, меня даже водочкой балует! Ну и пушшай: да я таков!

И одним глотком отправил всю водку в широко раскрытое горло, смачно занюхав рукавом.

– Потом скажу... – Мостовой довольно ухмыльнулся, увидев как лихо Сысой расправился с водкой: свою же долю он долго цедил, морщась и кривясь. Соленый огурчик разделили по-братски. – Давай, бгат, отдыхай! А завтга с утга – ко мне: получишь новое задание!

И Мостовой, выглянув в окно, поманил к себе пальцем вестового, с которым прибыл Сысой. Между тем, сам вестовой в это время образно рассказывал своему товарищу о том, как опозорился любимец командарма и что ждет его в ближайшее будущее. Однако, увидев довольное лицо Мостового, он осекся на полуслове. Досадно плюнул, щелкнув пальцами от восхищения, и прыгнул на подножку со словами. – Ну и черт

же, этот рыжий Сысой!

– Так, обеспечить отдых Сысою Минеичу! А завтга, как пгидет, немедленно ко мне! – и на глазах у пораженного вестового вручил Сысою полную бутылку водки, обнял его как самого родного и близкого родственника, похлопав напоследок дружески по спине. Вестовой, не видевший давно такого приема у своего строго начальника, даже подобострастно отдал честь Сысою, когда тот проходил мимо...

Сысой такого исхода проваленного дела не ожидал. А потому, выпив всю бутылку водки, довольно хрюкнул и посту- чал себя в грудь, как бы показывая всем. – Ну, чо поняли кто таков Сысой?

Улегся на тахту в одежде и сапогах, как был, и больше не мучался дурными вопросами...

А Мостовой, проводив Сысою на отдых, нагнулся над столом и быстро написал на бумажке что-то.

– Так, сгочно беги к Губчека и пегедай бумагу, чтобы со- общили мне фамилии, адгеса цагских офицегов, не поддег- жавших белогвагдейцев и оставшихся в гогоде или поблизо- сти! И без такой бумаги не возвгащайся, понял? – такого хо- рошего настроения у Мостового давно не было: неудачи на всех направлениях фронта сильно обескураживали его и да- же ставили под вопросом целесообразность его дальнейшего пребывания в этой должности.

У Мостового, как и у Сысою, явно не хватало профессио- нального военного образования. А тут такая идея: столкнуть

их лбами! И усмехнулся, вспомнив своего друга. — Ну, Сысой, ну молодчина... Только тепегь это идея моя! Ладненько, господа офицегы... Вы пгошли японскую? И миговую? И, конечно, бьете нас! А как, если с вами будут воевать такие же как и вы? Только они будут нашими. Под наблюдением наших комиссагов, таких как Сысой! Вот, тогда и посмотгим, кто ково! Надо немедленно доложить эту идею товагищу Тгоцкому... Пусть поставит мне галочку где-нибудь у себя!

И довольный новой идеей, Мостовой начал набирать номер Троцкого.

2.

Конец октября 1918 года, г. Пермь.

Сысою снился страшный сон: он, как стервятник, сидит и смотрит, как валит черный дым, в котором по его наущению разделяют семьи. Мужчин, когда-то служивших в царской армии офицерами, отводят в одну сторону, а детей и женщин — в другую, огороженную колючей проволокой. Дети и женщины плачут, мужики молча сжимают кулаки и ищут глазами оружие. Над этим черным дымом летит его ангел-хранитель, белый и в человеческом облике.

Сам Сысой внизу со своими мужиками. А ангел-хранитель, жалеючи, смотрит на него сверху и, подняв к небу указательный палец, машет им, запрещая все это делать. Однако Сысой уверен — он делает правое дело, а ангелу-хранителю показывает кулак. — Пошел отседа, ты мене не укашшик! Чо

хочу, то и ворочу!

Ангел-хранитель, укоризненно мотая головой в знак несогласия с ним, горестно машет ему рукой и летит прямо в черный дым. И вот уже черный ангел с рогами и хищным клювом, похожий на стервятника, вылетает из дыма, разгоняется и бьет Сысою прямо в самое сердце...

– А-а-а-а! – закричал жалобно Сысой и проснулся: от страха зубы его стучали, руки и ноги окоченели так, что он, ущипнув себя за колено, даже боли не почувствовал. Постепенно до него дошло. – Ить енто жа был только сон! Фу ты, елки-моталки! Ну, и приснитси жа тако...

И Сысой, облегченно вздохнув, потянулся к бутылке. – От, лихоманка тя забери, надо иттить к Мостовому...

Вонюче-горькая жидкость, хоть и обожгла рот, да наполнила тело радостью. – Ну вот, топерича порядок: хорошо пошла! Знать ишшо не помер...

От поганого настроения скоро не осталось и следа, а вместе с этим исчезла память и о сне. Невольно вспомнилось, как вчера вместо выволочки получил целую бутылку водки. И довольный зашагал к штабу.

Невольно откуда-то из далекой памяти выплыло начало знакомства Сысою и Мостового...

Случай толкнул Сысою на воровство оружия из вагона эсера-большевика Зиренштейна Ионы. Опытный Иона тут же изловил рыжего экспроприатора. Но не сдал полиции, а наоборот, пригласил к себе в вагончик. Так и началась их друж-

ба, а заодно и работа на эсеров. Вместе они сели в камеру следственного изолятора, да на этапе разошлись, чтобы через несколько лет снова встретиться, но уже на каторге.

Вот там и прошел молодой парень настоящую школу революционной борьбы. Когда же Сысой вышел на волю, он имел прекрасные рекомендации и быстро получил работу боевиком. Когда же сам Иона вышел на волю, Сысой перешел в его команду. С этого момента и стал Иона Зиренштейн Мостовым Сергеем Сергеевичем, и уже не эсером, а большевиком. Сысою же было все едино как называться, большевиком или эсером. Лишь бы быть с ним и делать отчаянную работу... Потом наступила революция, а с ней и начало гражданской...

Однако, не успел он пройти и десяти шагов по улице, как какой-то беспризорник сунул в ящик, стоящий сбоку по пути, какой-то предмет и бросился наутек. Не успел Сысой и глазом моргнуть, как из ящика повалил черный едкий дым.

Невольно откуда-то из памяти возник тот самый жуткий сон, вызвавший его тревогу: руки его задрожали, тело охватил озноб от ощущения чего-то плохого. – Чо енто со мной? Уж не испужалси ли я какова-то сна?

А сжатое сердце сильно застучало, освободившись от неведомой ранее силы.

– У-у-у, ходют тутa всякия, жхут чо попало! – со злостью выпалил он, вымещая свой страх на ящике, невольно заставившем снова испытать неприятные ощущения. Пнув как

следует ящик, он увидел как вывалился из него клубок чего-то, испускающий черный дым и едкую вонь – А у людей опосля ентова лихоманка начинается... У-у-у, шантрапа!

Показав кулак убегающему беспризорнику, Сысой хоть как-то хотел отомстить человеку, поселившему навсегда в его душе тревогу и страх. Только этого Сысой еще и сам не осознал, но к Мостовому теперь идти уже не торопился.

– А, Сысой, пгоходи! – Мостовой пожал руку и почувствовал некоторую напряженность Сысоа. Чтобы его успокоить, командарм улыбнулся. – Хошь чайку? Или что-нибудь покхгепче?

– Покрепче-то оно завсехда лучше! – Сысой медлил. Что-то несвойственное обычно Мостовому было в его поведении. – Так-так... Знать выволочки не избежать! Ну, ладно, посмотрим, чо бут дальше!

А потому, разом поглотив набежавшую слюну, нетерпеливо спросил. – Ну, чо звал-то?

Мостовой удивился поведению товарища, но, как всегда не показывая своих чувств, ничего не сказал, а протянул лишь список с адресами бывших царских офицеров.

Сысой, подозревая очередной подвох или нечто неприятное для себя, с явной неохотой его взял. —Ну вот! Не уж-то мене, свово старова товаришша по партии, отправит снова на каторху?

– Беги, беги! – командарм улыбался. – Ведь ты же сам вчега говогил «Кикидемиев не кончал»!

Мысль о неизвестном ему наказании стала просто нестерпимой. – Вот хад, а?! Ну, хоть ба не лыбилси, и то лехча бы было! Ишь как у нево топерича: с вечера – водочку, а утром – на каторху!

Тяжелая с перепоя голова могла выдавать только такие мысли. И Сысой еще подозрительнее посмотрел на Мостового. – Вот хад! Ужо мене и передразнивать начал, лихоманка тя забери! А лыбитси как? Лыбитси-то как натурально, а за пазухой-то, небось, каменюку держит! Плохо твое дело, Сысой, совсем плохо...

Мостовой меж тем подошел к нему и положил руку на плечо.

– Вот здесь списочек я тебе пгиготовил... – и командарм заглянул в мутные глаза своего подчиненного. – Это бывшие офицегы: они-то как раз академии кончали! Вот и пусть теперь на нас погаботают!

Сысой недоуменно захлопал глазами. – Ох, ты, лихоманка тя забери! Дак енто не мене та бумаха-то прихотовлена!

И так радостно и хорошо стало вдруг на душе у него, что заулыбался во весь рот. Еще минуту или две стоял он так перед Мостовым, пока до него не дошло то, что требовалось ему сделать.

– А вдрух не подойдут имя условия наши? – Сысоа охватили сомнения. – Охвицерье? Да оне с нами и разховаривать не станут! Не то што...

И он покачал головой. – Чо тоды?

— А ты вот что, Сысой... Что хочешь, то и делай с ними! — неожиданно Мостовой понял всю тупость своего помощника и начал злиться. — Но чтобы за неделю они были вот тут, иначе...

И показал пальцем на дверь, отвернулся, закрыв глаза. — Господи, убеги ты меня от этого идиота! Когда же кончатся эти голодганцы, желающие встать грядом со мной? Ну что еще я должен ему сказать такого, чтобы он понял?

И вдруг понял: надо просто приказать ему!

— Вот что, комиссар Тимофеев, значит так: приказываю тебе укомплектовать полк военспецами по этому списку! И как хошь, а комплектовку мне дай, понял? Ты приказ получил? Так вот иди и выполняй, а не то быстро вспомню тебе то, как ты целый полк белогвардейцев пофукал, понял?

Сысой невольно вытянулся в струнку: это говорил уже не его старый товарищ, а командарм! И тон обязывал Сысю беспрекословно подчиняться...

Невольно он заулыбался. — Ну, наконец-то, лихоманка тебя заберет! Наконец-то сказал про полк! Ну, топерича я спокоен...

Тупо улыбаясь своему начальнику, Сысой не знал, что этим еще больше вызывал раздражение его. Но думать уже времени не было: щелкнув для приличия каблуками, он повернулся и вышел. Если бы Сысой повернулся в это время и посмотрел на своего бывшего товарища по каторге, то увидел бы, как тот крутит пальцем у своего виска, изображая

своего подчиненного. Мало того, если бы он в это время посмотрел и на того самого вестового, который сопровождал его к командарму, то увидел бы большую фигу, которую с невыразимым удовольствием показывал Чистюля в спину Сысою...

Сысой шел по улице, довольный тем, что не получил взбучки. Козья ножка из дармовой махорки еще больше придавала удовольствия. Почему из дармовой? Да потому, что ее Сысой как бы невзначай извлек из кармана своего начальника, решив вспомнить свое прежнее ремесло ради баловства. Но теперь она должна была возместить ему расходы на выполнение нового задания.

– Итак-с, кто тута у нас значитси первым? – Сысой пыхнул клубком дыма на бумагу, разогнал дым рукой и с трудом разобрал. – Мар-ков. Штабс – капи-тан. Ну, чо ж, пойду, хляну на штабса...

3.

Конец октября 1918 года, г. Пермь.

– Голубушка ты моя, ну, не надо же так волноваться: все будет хорошо! – Владимир Алексеевич возвышался почти на две головы над своей худощавой женой, стоящей лицом к окну, которая то и дело прикладывала к глазам платочек. Медленно разделяя каждое слово, он уверенно говорил о сыне, которому восемь месяцев назад исполнилось шесть лет. Вчера сорванец сбежал от своей гувернантки и разбил себе колено, оба локтя и ободрал до крови лицо. Доктор, который

в тот же день осмотрел мальчишку, сообщил родителям, что беспокоиться не о чем, однако мать всю ночь проплакала, переживая за него. – Послушай доктора, он же ясно сказал: все будет хорошо!

Ирина Терентьевна повернулась к мужу и уткнулась головой в грудь Маркову: по ее щекам текли слезы.

– Володенька, я боюсь! – прошептала она, поднимая голову и вглядываясь в ясные глаза мужа. – Мне не понятно... Что-то очень нехорошее должно случиться с нами... Я сон плохой видела...

Владимир Алексеевич Марков тридцатилетний мужчина плотного телосложения и почти двухметрового роста был штабс-капитаном царской армии в отставке, о которой заявил еще в начале 1917 года вслед за отречением царя Николая Второго. Сослуживцы, зная его характер и понимая его чувства, а так же то, что кавалера двух орденов Святого Георгия за Японскую и первую Мировую лучше силой не удерживать, согласились на его отставку.

Однако, больше всего горевали подчиненные, прошедшие с ним обе войны и ценившие его за то, что он больше собственной жизни берег жизни солдатские. Это редчайшее качество очень не нравилось многим офицерам. Полная деморализация в армии среди солдат и офицеров, не желавших воевать за свою Родину, бездарные приказы офицеров и генералов, бросавших войска на противника без тщательной проработки боевых операций и изучения противника, как

это делал сам Марков, приводили к многочисленной гибели лучших из них.

Кроме того, политическое брожение в среде офицеров и солдат, требовало от Маркова принятия той или иной политической позиции. Друзья-офицеры требовали от него борьбы за защиту интересов офицерства, а солдаты, беззаветно любившие своего храброго командира за открытость, честность, справедливость и просто порядочность, убеждали и агитировали за переход на их сторону. Сам же Марков для себя давно решил, что не в праве становиться ни на ту, ни на другую сторону. Однажды присягнув Царю и Отечеству, он верой и правдой выполнял свою присягу, спасая жизни своих подчиненных, не важно, кто они были – большевики или монархисты...

Позиция эта была многим офицерам непонятна и не приятна, однако удивительна солдатам. Но однажды, получив пулю в спину не от врага , а от своих товарищей – офицеров, задумался. И, не спаси его тогда те самые «зачуханные» солдаты, которых он, вопреки требованиям старших офицеров и генералов, берег, едва ли бы сейчас стоял и обнимал свою плачущую жену. Когда в госпитале его застала весть об отставке царя и отречения от трона, Марков тут же подал прошение об отставке, не считая его предателем своего дела именно тогда, когда было особенно трудно его Отечеству.

Решение было трудное, но вполне закономерное: царя больше не было и служить было некому, Вера его поколе-

балась сильно после предательства товарищей, а Отечество разваливалось на глазах, разрываемое генералами. И единственной поддержавшей его в то трудное время оказалась жена, лучше других понимавшая то, что творилось в душе ее мужа. Поэтому и приехала в госпиталь и больше не отходила от него ни на шаг.

– Володенька, родной мой, не переживай! Даст Бог, пройдет и это. Главное сейчас, не испоганить собственную совесть... – она гладила его огромные руки, вдруг оставшиеся без привычной воинской работы и невольно сравнивала со своими – маленькими и щуплыми. И тихо, как вода гасит вспыхнувшее пламя, постепенно приводила в порядок вулкан Маркова: так могла делать только она. И боль в душе раненного затихала. – Ты помнишь, еще Леонардо да Винчи сказал о таких людях: «Человек – царь зверей. Поэтому и зверства его необычайны!». Предательство всегда больше всего бьет по душе... Придется привыкнуть к этому и нам с тобой!

– Нет! – хотелось крикнуть тогда Маркову, но он, жалея ее, только горько проглотил обиду, а вслух все же сказал то, что думал. – Боюсь, самое страшное еще впереди!

Вот и сейчас он просто гладил ее темно-русые, пахнувшие полевой ромашкой волосы.

– Все проходит, пройдет и это... – философски заметил он, поцеловав ее в лоб. Что он хотел этим сказать, Ирина Терентьевна так и не поняла, но, согласившись с мудростью

древних, плакать перестала.

Кстати сказать, Ирина Терентьевна Маркова была молодой двадцативосьмилетней женщиной аристократического происхождения с немецкой кровью в каком-то колене. Это особенно сильно ощущалось даже по тому, что в это смутное время она продолжала быть сама чрезвычайно аккуратной и того же требовала от других. В ее доме всегда поддерживался такой порядок, что многие знакомые без конца завидовали ей, а сама хозяйка к концу дня падала на кровать без рук и ног.

Но, даже не заходя к ней в дом, можно было то же самое сказать о ней, лишь только стоило посмотреть повнимательнее на ее манеру одеваться. Строгое коричневое платье до пят с белоснежным отложным воротником, перехваченное поясом по талии, прекрасно подходило для белого фартука сестры милосердия госпиталя, в котором она трудилась. Ее высокая шея, которую только подчеркивали локоны даже тогда, когда она примеряла косынку с красным крестом, была заметна издали. Не удивительно, что многие мужчины бросали страстные взгляды на нее, но Ирина Терентьевна, однажды отдав свое сердце Маркову, просто не замечала вожделенных взглядов мужчин, так или иначе окружавших ее.

Как видно, у них обоих было много общего: он жалел своих солдат и офицеров, стараясь сберечь их жизни в бою, а она – жалела и помогала выжить или облегчить страдания тем, кто попадал к ней в госпиталь. А дома обоих ждал ма-

ленький сын, которого оба супруга любили больше своей жизни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.